

Гюльшан Есфирь

РАЗОРВАННАЯ ЗАВЕСА

Гюльшан Есфирь

РАЗОРВАННАЯ ЗАВЕСА

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Гюльшан Есфирь
Разорванная завеса

Книга о судьбе христианки в мусульманской стране. Живо и образно воссоздаются картины мусульманских обычаев, местных нравов и традиций.

В центре повествования встреча со Христом девушки-инвалида, ее чудесное исцеление и непоколебимая готовность оставаться верной Господу, несмотря на остракизм, которому ее подвергли родные, близкие, знакомые...

Но тот, кто приходит к Господу никогда не остается одиноким — последователи Христа есть везде, и встреча с Ним помогает молодой христианке найти место в жизни и свое служение.

Редактор Валентина Новомирова
Корректор Ирина Никольская
Верстка и обложка Андрея Цорна

Изд. № 01.465

ISBN 978-3-939887-19-5 (Герм.)

ISBN 978-966-96626-8-2 (Укр.) © «Свет на Востоке», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

В Мекку	7
Хадж	20
Живая вода	30
Свадьба	45
Жало смерти	56
Машина	69
Слава	82
Книга	98
Крещение	113
Сестры	130
В западне	142
Искушитель	155
Свеча	164
Свидетель	183
Заключение	195
Примечания	202

*О*рел, не отчаивайся, если ветер силен и порывист, ибо он такой, чтобы ты летел быстрее и выше.

Икбал¹

В Мекку

При обычном ходе событий я не поехала бы в Англию той весной 1966-го. Я, Гюльшан Фатима, младшая дочь в мусульманской семье Сайедов, потомков пророка Мохаммеда по линии Фатимы — другой Фатимы, его дочери, — жила в тишине и уединении в родном Пенджабе в Пакистане. Не потому только, что с семи лет меня воспитывали в *пурде*², по строгим шиитским канонам ортодоксального ислама. Я была инвалидом и не могла даже выйти из своей комнаты без чьей-либо помощи. Мое лицо было скрыто от всех мужчин, кроме членов семьи — отца, старших братьев и дяди. Первые четырнадцать лет жизни мой мир ограничивался стенами нашего большого сада в Джанге, в 250 милях от Лахора.

В Англию меня привез отец. Он всегда смотрел на англичан свысока, потому что они поклоняются трем богам вместо единого Бога. Даже моей учительнице Разие отец не разрешал обучать меня языку неверных из опасения, что я впаду в заблуждение и отступлю от нашей веры. Потратив на родине большие деньги на мое лечение, не давшее никаких результатов, отец, в надежде найти способ исцеления в Англии, решил привезти меня в эту страну. Он сделал это, потому что был добрым человеком и заботился о моем будущем счастье. Как мало мы знали о том, что ожидает нашу семью, когда апрельским днем приземлились в аэро-

порту Хитроу! Удивительно, что мне, ребенку-инвалиду, самой слабой из пяти детей, суждено было сделаться сильнее других и стать камнем, сокрушившим все, что было так дорого моему отцу.

Даже сейчас, в зрелом возрасте, стоит мне закрыть глаза — и образ отца возникает передо мной. Я вижу моего дорогого Аба-Джана, высокого и стройного, в элегантном черном пиджаке с высоким воротником и золотыми пуговицами, в свободных брюках, в белом тюрбане, отороченном голубым шелком. Я вижу его, как часто видела в детстве — он входит в комнату, чтобы учить меня моей религии.

Вот он стоит у моей кровати напротив картины с Домом Божьим в Мекке, самым святым для мусульман местом — Каабой, возведенным, как утверждают, Авраамом и восстановленным Мохаммедом.

Отец достает Святой Коран с верхней полки, самого высокого места в доме — ведь ничто не должно быть выше Корана. Прежде всего, он целует зеленый шелк, в который завернута книга, и проносит «*бисмиллахир-рахманир-рахим*» — «во имя Аллаха милостивого, милосердного». Затем он разворачивает зеленую ткань, перед этим тщательно выполнив *вуду* — ритуальное омовение, без которого нельзя дотрагиваться до святой книги. Он повторяет *бисмиллах* и укладывает Святой Коран на специальную X-образную подставку, касаясь книги только кончиками пальцев. Он садится так, чтобы мне с моего кресла были видны страницы. С помощью служанок я тоже выполняю *вуду*.

Отец водит пальцем по священным строкам, написанным красивой арабской вязью. Я, стараясь угодить отцу, повторяю за ним Фатиху — «Начало», — слова, объединяющие всех мусульман во всем мире:

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного.
Хвала Аллаху — Господу обитателей миров,
милостивому, милосердному,
властителю дня Суда!

Тебе мы поклоняемся и к Тебе взываем о помощи:

веди нас прямым путем, путем тех, которых Ты облагодетельствовал, не тех, что подпали под Твой гнев, и не путем заблудших.

Сегодня мы читаем из суры «Семейство Имрана»:

Аллах — нет бога, кроме Него, — вечно живой, вечно сущий.

Он ниспослал тебе, Мохаммед, Коран — Писание, истинное подтверждение того, что было ниспослано до него, — а прежде ниспослал Он Тору и Евангелие как руководство для людей, ниспослал различие истины от лжи.

Я делаю то, что с самого раннего детства делает каждый ребенок в правоверной мусульманской семье, — читаю Святой Коран на арабском. Только на языке, на котором он был написан, можно по-настоящему понять его. Мы, мусульмане, знаем, что Коран нельзя перевести, как переводят любую другую книгу, не потеряв при этом части его смысла. Потому что Коран — священный.

Когда я полностью прочитаю Коран первый раз, примерно в семь лет, в возрасте, который считается сознательным, у нас будет праздник — *амин Святого Корана*. На него пригласят членов семьи, друзей и соседей. Мужчины и женщины расположатся во дворе перед нашим домом, отделенные друг от друга завесой. Женщины на своей половине будут сплетничать и затихнут, когда мулла начнет произносить молитвы, отмечающие новую стадию моей жизни.

Мы дошли до конца *суры* и теперь начинаем катехизис. Отец смотрит на меня, улыбка играет на его губах: «Молодец, моя бейти³, — говорит он. — Теперь ответь мне, где Аллах?»

Я робко повторяю урок, который твердо знаю:

— Аллах повсюду.

— Знает ли Аллах все твои дела на земле?

— Да, Аллах знает все мои дела на земле, добрые и злые. Он знает даже мои тайные мысли.

— Что Аллах сделал для тебя?

— Аллах создал меня и весь мир. Он любит меня и заботится обо мне. Он наградит меня на небесах за все мои добрые дела и накажет в аду за все мои злые дела.

— Как можно заслужить любовь Аллаха?

— Я могу заслужить любовь Аллаха, если буду покорна Его воле и послушна Его заповедям.

— Как ты можешь узнать волю и заповеди Аллаха?

— Я могу узнать волю и заповеди Аллаха из Святого Корана и традиций нашего пророка Мохаммеда (да благословит его Аллах и приветствует).

— Очень хорошо, — говорит отец. — Скажи мне теперь, о чем ты хочешь узнать? Есть ли у тебя вопросы?

— Да, отец, пожалуйста, скажи мне, почему ислам лучше других религий?

Я спрашиваю его не потому, что знаю что-либо о других религиях. Мне просто нравится слушать его объяснения. Ответ отца четкий и ясный:

— Гюльшан, я хочу, чтобы ты запомнила раз и навсегда. Наша религия самая великая из всех, потому что, во-первых, Мохаммед — это слава Божья. Было много других пророков, но Мохаммед принес людям последнюю весть от Бога. После него уже не нужны другие пророки. Во-вторых, Мохаммед — друг Бога. Он уничтожил всех идолов и обратил в ислам всех идолопоклонников. В-третьих, Бог дал Мохаммеду Коран после всех других святых книг. Коран — последнее Божье слово, и мы должны быть ему послушны. Все другие книги — неполные.

Я слушаю. Слова отца отпечатываются на скрижалях моего ума и сердца.

Если есть время, я прошу еще раз рассказать о картине в моей комнате. Я хочу знать: как это — совершить паломничество в святой город Мекку, к которому каждый мусульманин пять раз в день поворачивается лицом, чтобы помолиться? В нашем городе мы тоже поворачиваемся в сторону Мекки, когда слышим пение муэдзина на минарете.

Голос муэдзина разносится эхом по улицам, перекрывая шум машин и базара, проникает через наши занавешенные окна на заре, в полдень, при

заходе солнца и ночью. Это призыв правоверных к молитве — первая декларация ислама:

*Ла илаха иль Аллах, Мухаммад расулуллах!*⁴

Отец объясняет мне все это. Он дважды бывал в Мекке — первый раз один, второй раз с женой — моей мамой. Долг каждого мусульманина — совершить паломничество хотя бы раз в жизни (а лучше — несколько раз, если позволяет достаток). Паломничество — пятый из *пяти столпов ислама*, объединяющих миллионы мусульман в разных странах и гарантирующих преемственность нашей веры.

— А я побываю в Мекке, папа?

Он смеется и наклоняется, чтобы поцеловать меня в лоб.

— Конечно, маленькая Гюльшан. Когда станешь постарше и когда...

Он не договаривает, но я знаю, что он хочет сказать: «Когда мы получим ответ на наши молитвы о тебе».

Такие беседы с отцом научили меня преданности Богу и, в приложение к религии и традициям, привили мне пламенную гордость за мою родословную линию от пророка Мохаммеда через его зятя Али. Благодаря этим беседам я увидела достоинство моего отца не просто как главы нашей семьи, но и как потомка Пророка, *сайеда и шаха*. Кроме того, мой отец — *мур* — религиозный лидер и землевладелец, с большим имением в сельской местности и роскошным, окруженным садами домом на окраине нашего города. Я начинала понимать, почему к нашей семье с таким уважением

относятся все, даже мулла. *Маульви* приходит к отцу с вопросами о религии, на которые сам не может ответить.

Сегодня я вспоминаю годы моего вынужденного заточения и осознаю их смысл. Мой разум и мой дух раскрывались в те дни, как бутоны роз в нашем ухоженном саду под заботливым присмотром садовников. Мое имя — Гюльшан — на урду означает «место, где растут цветы (сад)». Я была чахлым растением, и отец опекал меня, как садовник. Он любил всех нас — двух сыновей, Сафдар-Шаха и Алим-Шаха, и трех дочерей — Анис-Биби, Самину и меня. Хотя я и разочаровала его тем, что родилась девочкой, а в шесть месяцев переболела тифом и стала инвалидом, отец любил меня так же, как остальных, а может, и больше. Когда умерла моя мама, она дала отцу святой наказ позаботиться обо мне: «Умоляю тебя, Шах-джи, не женись снова. Ради маленькой Гюльшан», — сказала она на последнем вздохе. Мама хотела защитить меня, ведь мачеха и ее дети уменьшили бы мою долю наследства, как дочери от первого брака, и стали бы плохо относиться ко мне, поскольку я больна и не замужем.

Много лет назад отец дал такое обещание и держал его, живя в стране, где мужчине, согласно Корану, разрешено иметь до четырех жен, если он достаточно богат, чтобы обеспечить каждой равенство и справедливость.

Таким был ничем не нарушаемый ход моей жизни до нашей поездки в Англию. Мне было четырнадцать. Поездка все изменила и стала первым звеном в цепи непредвиденных последствий. Я, конечно, не

знала об этом, когда на третий день нашего пребывания в Лондоне, со своими служанками, Салимой и Семой, ждала в номере гостиницы заключения английского врача. Отец услышал о нем еще в Пакистане, когда разыскивал специалиста, способного раз и навсегда определить мое будущее.

Если меня вылечат от болезни, в младенчестве парализовавшей левую сторону моего тела, я смогу выйти замуж за двоюродного брата. Нас обручили, когда мне было три месяца отроду. Сейчас он в Мултане, в Пенджабе, ожидает известия о моем выздоровлении. Если меня не вылечат, то наше обручение расторгнут, и мой позор будет большим, чем бесчестие разведенной жены.

Послышались шаги. Салима и Сема вскочили и торопливо расправили длинные головные накладки — *дупатты*, прикрыв ими лица. Салима одернула мою *дупатту* и прикрыла лицо мне. Я лежала на застеленной кровати. Мне не было холодно, но я вся дрожала. Пришлось стиснуть зубы, чтобы они не стучали. Дверь открылась, вошли отец и доктор.

— Доброе утро, — произнес приятный, очень вежливый голос.

Я не видела лица доктора Дэвида, но ощущала окружающую его атмосферу учености и авторитетности. Сильные руки закатали мой длинный рукав и обследовали мою вялую левую руку, затем больную ногу. Прошла минута, и доктор Дэвид выпрямился.

— От этого нет средства. Разве только молитва, — сказал он отцу. В его голосе безошибочно слышалась спокойная окончательность пригово-

ра. Я лежала и слушала. Я слышала, как английский доктор упомянул Бога. Это озадачило меня. Что он мог знать о Боге? По его доброму и сочувственному тону я поняла, что он разбивает наши надежды на мое выздоровление, но при этом указывает путь к молитве.

Отец проводил доктора до двери. Вернувшись, он сказал:

— Не ожидал, что англичанин посоветует нам молиться.

Салима открыла мне лицо и помогла сесть.

— Папа, он что, совсем ничего не может сделать? — я не могла скрыть дрожь в голосе. Глаза наполнились слезами.

Отец погладил мою безжизненную руку.

— Теперь у нас только один путь. Будем стучаться в дверь небес. Поедем в Мекку, как мы и хотели. Бог услышит наши молитвы, и, может быть, мы возвратимся домой с радостью.

Он улыбнулся мне, и я попыталась улыбнуться в ответ. Отец был огорчен не меньше меня, но не отчаивался. В его голосе была новая надежда. Может, у Дома Божьего или у целительного источника Замзам осуществится желание наших сердец?

Мы оставались в гостинице еще несколько дней, пока отец устраивал наш перелет в Джидду — аэропорт, используемый паломниками в Мекку.

Он не сделал этого раньше, поскольку надеялся на лечение, которое могло быть мне назначено. Он планировал поездку на осень, накануне месяца ежегодного паломничества, чтобы после моего лечения мы отправились в Мекку воздать благодарение.

В эти дни ожидания отец навещал друзей из пакистанской общины в Лондоне, а они приходили к нему. Для женщин этих семей было бы обычным делом навещать меня, но я так стыдилась своего состояния и так одичала, сидя дома, что немногие женщины решались постучать в мою дверь. Кому хотелось увидеть усохшие конечности с почерневшей кожей, морщинистой и обвисшей, с прилипшими друг к другу пальцами, и мышцами, подобными желе? Мои сверстницы уже начинали мечтать о дне, когда наденут вышитые золотом красные свадебные платья, в драгоценностях и с богатым приданым войдут в дома своих мужей, а я представляла свое будущее в одиночестве, без всякой надежды стать полноценной женщиной. Я видела себя изгоем, недочеловеком, живущим за завесой стыда.

Мы жили в комфортабельном номере на втором этаже, напротив номера отца. В номере были толстые ковры и отдельная ванная. Салима и Сема спали в моей комнате на раскладной кровати и по очереди дежурили возле меня, охраняя мой сон и следя, чтобы все мои нужды были удовлетворены.

Днем, кроме того, чтобы заботиться обо мне и вручную стирать наше белье в ванной, делать им было нечего. Но время шло быстро: за книгами, пятью ежедневными молитвами и обычными делами — мытьем, вытиранием, едой, которые занимают у инвалида много времени. В остальное время я развлекалась, слушая, как сплетничают мои служанки. Временами они устраивали вылазки в фойе гостиницы, но ходить по одной боялись. В основном они довольствовались тем, что взирали на

внешний мир из окна, и сообщали мне, что видят. Они вели себя как типичные сельские пакистанские девушки, и это смешило меня.

«Ты смотри, какой красивый город! — говорит Салима. — Сколько людей ходят взад-вперед. А машин сколько!»

Затем Сема восклицает: «Ой, женщины ходят с голыми ногами! Как им не стыдно? Мужчины и женщины ходят вместе... Держатся за руки! Целуются! Ой, идут прямо в ад». С самого детства нас учили, как следует одеваться и вести себя. Мы целомудренно скрываем тело, от шеи до щиколоток, *шальвар-камизом* — свободной туникой и брюками, собранными внизу. Вокруг шеи мы носим длинный и широкий платок из тонкой ткани — *дупатту*. Его можно при необходимости накинуть на голову или прикрыть им лицо. В холодное время мы закутываемся в шали. Когда приходится выходить на улицу, мы надеваем *бурки* — длинные непроницаемые покрывала от головы до пят с прикрытой сеточкой прорезью для глаз. В такой одежде общение на улице невозможно, способность видеть и слышать ограничена. В то время, о котором я сейчас рассказываю, никто из нас не ставил под сомнение правила, по которым мы жили. Более того, нарушение обычаев представлялось нам чем-то ужасным. За завесой мы чувствовали себя в безопасности. Мы иногда могли взглянуть из-за нее на мир, но мир никогда не видел нас.

Когда мы увидели женщин, щеголявших по Лондону в неприличных мини-юбках, намного выше колен, нам троем стало ясно, что это самый нечестивый город в мире.

В нашей стране, а особенно в нашем городе, заговорить с чужим мужчиной, даже если это слуга в доме, значит навлечь на себя дурную славу. Цель завесы — *пурды* — конечно же, защита чести семьи. Ни малейшая тень подозрения не должна падать на дочерей мусульман. Наказания за неблагодарумие бывали страшными.

Три раза в день официант привозил нам на тележке еду. Служанки забирали ее у него в дверях. Иногда приходила горничная, и я закрывала глаза, чтобы не видеть ее ног. Мне очень надоела гостиничная еда. Отец каждый день заказывал нам курицу, потому что это — *халаль*, разрешенное мясо животного, убитого по правилам. Свинина — это *харам*, запрещенная еда. Даже слово «свинья» делает рот нечистым. По сей день вместо этого слова я говорю пенджабское «барла», что значит «чужой». Такова сила воспитания, полученного в детстве. К любому другому мясу у меня тоже было очень настороженное отношение: его могли приготовить на сале. К курице подавали овощи и рис, на сладкое — мороженое. Мы пили кока-колу, в нашей комнате был сделан большой запас. Я напрасно мечтала о карри и кебабе и еще о персиках и манго из нашего сада.

Отец не хотел, чтобы я падала духом, и два или три раза устраивал мне недолгие прогулки. Один раз мне показали гостиницу. Пару раз отец брал меня и служанок проехать на такси и посмотреть город. Он объяснил мне, почему *ингрез* — англичане — не такие, как мы. «Это — христианская страна, — сказал он. — Они верят, что Иисус Христос — Сын Бога. Они, конечно, ошибаются. Бог никогда не был женат, так

откуда у Него может быть Сын?! Но все равно, они — народ Книги, так же, как и мы. У мусульман и христиан есть общая Книга».

Это озадачило меня. Как могло получиться, что у нас общая Книга, а они так отличаются от нас?

«У них есть свобода делать многие вещи, которых мы не делаем, — сказал отец. — У них есть свобода употреблять в пищу свинину и пить спиртное. Между мужчинами и женщинами нет дистанции. Они живут вместе вне брака, а дети, когда вырастают, не уважают старших. Но они — хорошие люди, обязательные и с хорошими принципами. Если что-нибудь обещают — делают. Не так, как азиаты».

Отец хорошо знал, о чем говорит. Он много работал с иностранцами, когда экспортировал хлопок, который выращивал в Пакистане.

«Наши религии отличаются, но они человеческие и учат сочувствию», — заключал он.

Я размышляла о противоречиях *ингрез* — людей, которых их Книга привела к такой свободе, — живущих в спокойной зеленой стране, орошаемой частыми дождями. Но ведь наши Книги связаны между собой. Где же ключ к различиям между нами? Эти мысли были слишком глубоки для девочки четырнадцати лет. Я отогнала их от себя и стала размышлять о том, как мы отправимся на паломничество. Все это происходило за много лет до того, как ко мне пришло большее понимание. Когда это случилось, я уже не смогла отогнать от себя эти мысли с такой же легкостью.

Хадж

Красивый белый самолет Пакистанских международных авиалиний на взлетном поле был похож на большую птицу. Пока меня доставали из кресла-коляски, чтобы перенести по трапу, я думала об отъезде из Англии с облегчением. Эта поездка положила конец неопределенности, в которой мы находились. Теперь оставалась лишь одна надежда, и мы мчались ей навстречу с огромной скоростью. В моих мечтах, в кристально ясном свете, я видела это неизвестное и вместе с тем хорошо знакомое место — святой город Мекку, побывать в котором, хоть раз в жизни, стремится каждый мусульманин.

Мы летели первым классом. И опять рядом со мной были служанки. Сема охраняла меня с левой, больной, стороны, а Салима была наготове что-нибудь подать или принести, если понадобится. Отец занял два сидения перед нами и оттуда продолжал мое обучение:

— Сейчас мы летим на высоте 30 тысяч футов, — сказал он, когда самолет набрал высоту. Я выглянула в окно, и у меня перехватило дыхание. Вокруг нас был сияющий мир солнечного света, а под нами — мягчайшие и пушистые, как будто хлопковые, облака, похожие на набивку для матраса невесты.

Салима и Сема тоже выглянули в окно и приглушенно вскрикнули. «Ты только посмотри, сколь-

ко железа летит по воздуху», — удивлялись они, мешая слова на урду и панджаби и приправляя речь сильным джангским акцентом. Я сдерживала улыбку — для них, выросших в деревне, происходило что-то и впрямь невероятное.

Вдруг самолет начал дергаться вверх и вниз. Я испугалась. Отец объяснил, что мы попали в воздушную яму. «Не беспокойтесь. Мы в безопасности», — успокоил он нас.

В самолете были и другие паломники. Я знала, что они, как и мы, везут в своем багаже белые одеяния *ихрам*, обязательные для каждого, кто отправляется в паломничество — *хадж*.

Однажды отец взял меня с собой на просмотр фильма про *хадж*. Это был фильм, в котором красочно изображались все обычаи, снятый специально для верующих, желающих посетить Мекку в месяц паломничества. Я изучала историю нашей религии со времени ее зарождения в Аравийской пустыне, и обстановка этих событий была мне знакома так же хорошо, как пейзаж вокруг нашего дома.

Стюардесса в зеленой униформе с символической *дупаттой* под подбородком принесла обед. Я взяла с тарелки лишь несколько кусочков. Салима посмотрела на нетронутую еду и сказала ласково:

— Биби-джи, поешь еще. Еда придаст тебе сил.

Я покачала головой:

— Не хочу есть.

Я чувствовала себя плохо — меня укачало в самолете, к тому же я переволновалась, думая о бу-

дущем. Я ничего не сказала Салиме о своих чувствах. Разве я могла обсуждать со служанкой надежды и страхи, пронесившиеся в моем мозгу, как облака по небу?

В Абу-Даби мы сделали пересадку. К нам присоединились паломники из дальних стран. Я с интересом рассматривала их наряды и пыталась определить, откуда они прибыли. Мои занятия с учительницей Разией не прошли даром. Я узнавала людей из Ирана, Нигерии, Китая, Индонезии, Египта. Казалось, весь мир двигался в сторону Мекки.

Из динамиков послышался треск. На двух языках, английском и арабском, стюардесса объявила, что мы заходим на посадку и скоро приземлимся в Джидде.

— Надо пристегнуться, — сказал отец, когда загорелось табло. Салима помогла мне, а отец проверил и убедился, что я пристегнута правильно.

Из иллюминатора я видела пустыню с ее серовато-коричневыми дюнами, которым резкий горячий ветер придал форму полумесяцев. Я видела горы — очень далеко на горизонте, а затем — большой город, раскинувшийся под нами, с высокими зданиями и множеством улиц. Я видела деревья и зеленые сады.

— Посмотри, — сказал отец, — что вода может сделать с пустыней. Всего несколько лет прошло, как сюда по трубам провели воду из Вади-Фатимы.

Я кивнула. Из своих уроков я знала, как, благодаря нефтяным богатствам, улучшилась жизнь людей, до этого бедных и отсталых. Прежде крес-

тьяне жили в саманных домиках, а кочевники — в бедуинских шатрах. И годами ждали дождя.

Самолет приземлился. Нас встречал старый друг отца — шейх. Он приехал на большой машине — «шевроле». У шейха было восемь жен. На огромной вилле с ними жили восемнадцать детей: тринадцать дочерей и пять молодых сыновей. Думаю, у шейха были еще дети, которые жили отдельно, со своими семьями, или учились за границей. У него была своя нефтяная скважина, благодаря которой все они жили в роскоши. Кроме того, он владел землями и разводил крупный рогатый скот, верблюдов, овец и коз. В течение нескольких дней мы наслаждались гостеприимством шейха, и у меня была возможность понаблюдать, как живет эта большая семья.

Шейх представил меня всем своим женам — Фатиме, Зоре, Рабие, Рукие... и всем остальным. «У меня нет фавориток, — объявил он, — все мои жены равны». Я знала, почему он говорит это. В Коране совершенно ясно сказано, что у мужчины может быть больше одной жены, но со всеми своими женами он должен обращаться одинаково хорошо. У Пророка тоже было несколько жен, но обычным мужчинам, как я слышала, было практически невозможно исполнить это предписание о равенстве без лицепрятия. По этой причине там, где мы жили, не поощрялось многоженство. Здесь же, напротив, оно процветало, и всем членам семьи, похоже, удавалось ладить между собой.

Дочерей шейха, старшей из которых я бы дала лет восемнадцать, мне представила переводчица

Билкис. Дочери, одна за другой, вошли в женскую гостевую комнату, где я расположилась со своими служанками, и начали расспрашивать меня про Пакистан: «У вас есть дороги? А города? Что вы едите? Какие овощи вы выращиваете? У вас есть школы для девочек? Вы все время носите такие платья?»

Отвечая на их вопросы, я старалась, как могла. Мне было приятно, когда они сказали, что хотели бы побывать в Пакистане и все увидеть своими глазами. В свою очередь я задала им несколько вопросов об их жизни: «Как вы здесь живете? Чем вы занимаетесь в течение дня?» Из их ответа я поняла, что дел у них не много. Шейх не выпускал своих жен и дочерей из дома. Дочери получили хорошее образование, но, похоже, только и делали, что развлекались. Они целыми днями сплетничали, смотрели телевизор, немного читали на английском и арабском. При этом они выглядели счастливыми и довольными, поскольку ни в чем не нуждались: если им хотелось пойти в магазин, с ними шла Билкис. В магазине они брали все, что им нравилось, а Билкис оплачивала покупки.

Жены шейха по очереди ходили по магазинам или, в сопровождении Билкис, посещали доктора. Выходя из дома, они закутывались в черные *бурки*: обычные — цельные с головы до ног, либо турецкого типа — из двух частей. Основная задача жен состояла в том, чтобы угождать шейху. Дома жены сидели на подушках, скрестив ноги. Одевались они в расшитые золотом и серебром кафтаны. В огромной комнате с мраморным полом вдоль стен стояли софы, но женщины предпочи-

тали сидеть на полу. Иногда они одевались в западном стиле. Тогда на них были изысканные модные платья, выписанные из Англии и Америки, и дорогие украшения. В воздухе сильно пахло духами — их разбрызгивали слуги.

Вечером, перед тем как идти спать, мы встретились с отцом на несколько минут и обменялись впечатлениями.

Шейху, по словам отца, было 65 лет, хотя его гладкая, без морщин кожа скрывала возраст. Традиции и новизна одинаково привлекали шейха. Ему особенно нравились светская жизнь и мужская компания. Своих друзей он развлекал, не жалея средств. Он любил курить, пить черный чай и слушать арабскую музыку. Музыка транслировалась в каждую комнату — чтобы все могли разделить с ним удовольствие. Это, как я узнала, типично арабская черта: все удобства в доме должны использоваться всеми его обитателями — хотят они того или нет.

Еда была интересным событием. Готовили целого ягненка и подавали его домочадцам, разделив на две части — для мужской столовой и для женской. Прежде чем ступить на красочные персидские ковры, собравшиеся снимали обувь. Они ели, опираясь на большие подушки, уложенные в круг. В центре стоял огромный поднос — рис со специями и кусками мяса, от которого валил пар. Вокруг подноса были расставлены блюда из баклажанов и риса, салаты, лежали лепешки, зефир или халва. Все ели только правой рукой — пригоршни риса спрессовывали в комочки и отправляли в рот, от лепешек отрывали куски.

Я ела у себя в комнате. Удерживать равновесие на подушках, да еще и есть на виду у множества любопытных глаз, я бы просто не смогла. Шейх — сама любезность — разрешил поступать так, как мне было угодно. В моей комнате был полный комфорт — красивый ковер, несколько цветов в горшках, симпатичное круглое окно, занавешенное от солнца, большое зеркало и альков, в котором располагались ванна и современный туалет.

Арабы очень серьезно относятся к гостеприимству. Причина в том, что в их исторической памяти живы воспоминания о временах, когда им приходилось бороться за выживание в суровой пустыне. Тогда жизнь человека зависела от того, пустят ли его бедуины под свой кров. Говорят, что в прежние времена шейх принимал гостей и услаждал его три дня, прежде чем спросить, как его зовут и зачем он пришел. Наш шейх следовал традициям — пока мы гостили у него, он предоставил в наше распоряжение все удобства своего дома, а также автомобиль и водителя. Так нам удалось посмотреть красоты города Джидды.

Отец сидел впереди, рядом с одетым в белое водителем Кази. Я сидела сзади и разглядывала город через окно с занавеской. Город был наводнен паломниками. Они прибывали на кораблях и самолетах. С каждым рейсом паломников становилось все больше. Наш водитель указывал нам на многочисленные контрасты между старым и новым: мимо десятиэтажного офисного здания на улице шейха Абд-аль-Азиза в одном потоке двигались нагруженные ослики и большие американские автомобили. Мы видели *сак* — уличный ры-

нок, где можно купить все, от зерен кофе до ковров и даже святой воды, привезенной из Мекки. Там же были магазинчики, торгующие западными товарами. Мы видели старый город с величественными каменными купеческими домами, разрушающимися от времени. Их украшали зарешеченные балконы, с которых когда-то женщины гаремов смотрели на жизнь улицы, оставаясь при этом невидимыми для прохожих. Огромным контрастом выглядели недорогие жилые дома, построенные на городских окраинах.

— Без нефти здесь были нищета и сплошные проблемы, — не дожидаясь наших вопросов, объясняет Кази. — Но теперь у нас есть нефть, поэтому мы хорошо питаемся и наши дети могут учиться.

Мы остановились посмотреть, как качают из-под земли нефть. Мне не понравилось, как там пахло.

От шейха мы уезжали с шиком и комфортом. Он настоял, чтобы мы воспользовались его машиной и услугами водителя. Отец поблагодарил шейха и произнес маленькую речь:

— Вы проявили несказанную щедрость и исключительную дружескую теплоту, чтобы помочь нам в нашем путешествии.

Шейх сделал бы это для любого гостя, но я знала, что к нам у него особое отношение — ведь они с моим отцом давние друзья и партнеры по бизнесу. Кроме того, шейх был заинтересован в покупке племенных овец и коз, которыми славились наши края.

Мы выехали в Мекку очень рано, сразу после утренней молитвы. Нам хотелось иметь побольше

времени, чтобы по пути осмотреть все достопримечательности. По новой четырехполосной автостраде проносились вереницы такси и автобусов. Невскончаемый поток паломников преодолевал последние сорок пять миль на пути в Мекку. Многие шли пешком. Они стоически продвигались шаг за шагом и были готовы идти, даже когда дорога раскалится как печь под лучами знойного солнца. Они шли пешком не потому, что были бедны. Они делали это в память о пути, который проделал Авраам в поисках святилища для Агари и Исмаила.

Не хотелось бы это признавать, но, пожалуй, в тот момент я была рада, что парализована, — ведь в противном случае и мне пришлось бы идти пешком по нестерпимой жаре под обжигающим солнцем. Я понимала, что мои мысли не соответствуют духу *хаджа*, который требовал полного посвящения и жертвенности. Поэтому я не стала ничего говорить вслух.

Наш водитель Кази указал на краники с водой, установленные вдоль дороги, и электрические фонари, чтобы освещать паломникам путь: «Это сделал султан. Он каждый год приезжает сюда со своими министрами и принцами и открывает паломничество. Он многое сделал, чтобы благоустроить святыне места».

В пятнадцати милях от города мы увидели вдоль дороги предупреждающие знаки: «Запретная зона. Въезд только для мусульман». На пропускном пункте вооруженные солдаты проверяли у проезжающих документы. Водитель поговорил с военными, и нашу машину пропустили.

Дорога, вырубленная в скалах, шла в гору, и мы

двигались очень медленно. Вдоль дороги тянулся поток верующих в белых одеждах — они повторяли путь Авраама, проходившего здесь после того, как Сарра изгнала служанку и ее сына.

Наш слух наполняли звуки молитв, стихов из Святого Корана и возгласов: *«Нет Бога кроме Аллаха и Мохаммед — пророк Аллаха»*.

Мы обогнули гору, и нашему взгляду открылся святой город — белый и сияющий в лучах утреннего, но уже палящего солнца. Водитель остановил машину, и из наших уст, почти непроизвольно, сорвался возглас: *«Ляббай-кя, Аллахумма, ляббай-кя! — Вот я перед Тобой, о Аллах, вот я перед Тобой, нет у Тебя сотоварища, вот я перед Тобой, поистине, хвала Тебе, и милость принадлежит Тебе, и владычество, нет у Тебя сотоварища!»*

— Город Мохаммеда, — сказал отец. — Подумать только, сам Пророк проповедовал на этих улицах!

На меня снизошло необычное чувство покоя — улеглось всякое волнение о будущем. Я ощутила единство со всеми другими паломниками, ищущими невидимой силы — загадочной и вечной, как семь холмов, окружавших город.

Живая вода

Лагерь Хаджи — место отдыха паломников — был расположен на некотором расстоянии от Мечети Харам. У входа нас встречал гид Абдулла. Его к нам прислал наш друг шейх. Отец и Абдулла пожали руки и обнялись.

— *Альхан ва салан!* Добро пожаловать, — приветствовал отца Абдулла.

— И тебе всяких благ, — ответил ему отец как брату. Легкость, с которой отец и этот араб сразу же стали относиться друг к другу на равных, была типичной для *хаджа*.

— Пожалуйста, входите. Добро пожаловать во имя Аллаха, — сказал Абдулла. — Я получил письмо от его превосходительства шейха и приготовил для вас комнаты...

Далее разговор пошел о ягнятах для жертвоприношения. Отец заказал восемь ягнят — по два на каждого из нас, включая служанок.

Я почувствовала легкую дрожь от удовольствия. Подвиг жертвоприношения — *Ид аль Адха* — в память о готовности Патриарха Авраама принести в жертву своего сына Исмаила — был кульминацией паломничества. Отец хотел быть уверен, что благодаря крови стольких животных наши молитвы возымеют особую силу.

Два наших номера располагались на одном этаже. Обстановка была простой и скромной. Постель представляла собой волосяной матрас, положенный поверх переплетенных ремней на каркасе.

Мне было неудобно на такой постели — из-за моей парализованной левой стороны было особенно трудно переворачиваться с одного бока на другой. Я тосковала по моему набитому хлопком матрасу, оставшемуся дома. Однако все это было частью паломничества. В эти дни в окрестности Мекки прибывают сотни тысяч людей. Они заполняют все гостиницы и пансионы, располагаются лагерями под открытым небом. В таких условиях не до комфорта и показной роскоши. Если кто-то начнет жаловаться вслух, проявлять надменность и гордость или выйдет из себя от жары и стресса, то благословение будет утрачено. Так объяснял мне отец.

Электрический вентилятор под потолком нашей комнаты гнал горячий густой воздух, но не давал желанной прохлады. Зеленоватые занавески на окне были задернуты от солнца. Свет, проникая в комнату, создавал впечатление, будто мы в аквариуме. Еще там были тонкие металлические сетки, сквозь которые виднелись очертания далеких минаретов Великой Мечети, похожих на указывающие вверх пальцы.

Я лежала на кровати. Слышалось нескончаемое шарканье — паломники носили кожаные сандалии на подошве без каблука. До нас доносились голоса, говорившие на многих языках, гипнотические распевы стихов из Корана и возгласения «*Аллах Акбар*» — «Бог превыше всего». От возбуждения я чувствовала приятное покалывание по всему телу. Здесь было хорошо. Так хорошо, что хотелось остаться здесь навсегда. Мои служанки чувствовали то же самое:

— Как нам повезло, что мы твои служанки и совершаем *хадж*, — сказала Салима, когда вместе с Семей помогала мне принимать прохладный душ — второй раз за день. Для них это было большой удачей, ведь многие благочестивые люди во всем мире хотели бы оказаться сейчас здесь, но не имели на это времени или денег. Если паломник посещал все святые места, *хадж* мог длиться до одного месяца.

Отец отыскал нескольких товарищей по бизнесу из Лахора, Равалпинди, Пешавара и Карачи. Впервые они не говорили друг с другом о ценах на хлопок и пшеницу.

Онет, здесь мирские заботы отбрасывались, как и всякие различия по происхождению, национальности, достижениям, роду занятий или статусу.

В огромной столовой лагеря Хаджи слуги ели вместе со своими господами. *Ихрам* — одежда паломника — устраняла все различия. На мужчинах были простые, не сшитые хлопчатобумажные полотнища: одно прикрывало нижнюю часть тела, другое — плечи. На женщинах — скромные длинные белые платья, головные уборы и белые чулки, но лица их были открыты. На пути Пророка все люди имеют одинаковую ценность перед Богом. Отец совершенно серьезно сказал мне: «Когда надеваешь *ихрам*, оставляешь старую жизнь и начинаешь новую. Можно сказать, это твой саван. Если умрешь в этой одежде, пойдешь прямо на небо, без остановки».

По дороге в мечеть, на молитву, отец встретил старого школьного друга:

— Атаюлла тоже здесь. Настоящий мусульманин — дает милостыню бедным в Пакистане. Он очень набожен. Это его третье паломничество.

Пожертвование части дохода в пользу бедных — *закят* — это *третий столп* ислама. *Четвертый столп* — пост от рассвета до захода солнца в течение девятого месяца лунного календаря — *рамадана*. *Закят* — налог в пользу бедных — уплачивается после такого поста.

«Ты тоже очень набожен, отец, — подумала я. — Ты тоже жертвуешь для бедных, тоже третий раз совершаешь паломничество. И разве не ты научил меня молитвам?» Я смотрела на его лоб и видела *михраб* в отпечаток обращенной к Мекке священной молитвенной ниши. Такая ниша есть в каждой мечети. От многократного касания пола во время молитвенных ритуалов на лбу появляется отпечаток. По нему сразу можно узнать человека молитвы. Молитва — *второй столп* ислама.

Весь первый день я оставалась в своей комнате: молилась, читала Святой Коран и готовилась к завтрашнему посещению Каабы — мне нужны были силы, чтобы провести много времени на жаре в окружении огромного числа людей. Салима и Сема принесли мне еду и остались со мной.

— Столько народу, а так спокойно, — заметила Салима, когда наступил вечер. Толпы паломников переполняли улицы, но атмосфера была спокойной. Никакой безумной суеты. Было как в раю — предел всех мечтаний.

Когда на закате муэдзин воззвал с минарета мечети, все в Мекке остановилось там, где в тот момент были, и повернулись к Каабе — могучему

символу единства для миллионов мусульман в разных частях света. Они встали прямо, поднесли раскрытые ладони к ушам и произнесли молитву «Аллах превыше всего». Затем опустили руки: правая ладонь на левое запястье, выше пояса — женщины, на уровне пояса — мужчины. «Вся слава да будет Тебе, Аллах! Хвала да будет Тебе. Благословенно Твое имя и высоко величие Твое. Никто не достоин поклонения, кроме Тебя». Затем шли другие молитвы: Фатиха, некоторые стихи из Корана, Аллах Акбар. Молящиеся сделали поясной поклон, руки на коленях: «Хвала моему великому Господу!» Затем встали прямо, руки опущены вниз: «Слышит Всевышний тех, которые восхваляют Его. Господь наш, лишь Тебе хвала». Со словами «Аллах Акбар» они пали ниц и три раза повторили: «Хвала моему Господу, который превыше всего». После этого приподнялись на коленях и присели: «О Аллах! Прости и помилуй меня». И снова поклонились до земли. Это был один полный *ракъат*, за ним следовали повторы некоторых движений и молитв.

Как инвалид, я выполняла священный ритуал с помощью моих служанок, сидя. *Михраб* на моем молитвенном коврике указывал в сторону Каабы.

Не сказочный ли это сон, очнувшись от которого, я окажусь дома, в своей комнате? Или я действительно молюсь здесь, в центре мира? От ожидания и пьянящего возбуждения по телу пошли мурашки. Боже, мне достаточно того, что я здесь. Даже если не начну ходить. Увидеть собственными глазами Дом Божий, построенный Авраамом, — это подарок, которого хватит до конца дней.

«Правда, что ты была инвалидом четырнадцать лет, — говорила я себе, — но здесь так крепка вера и сосредоточено столько молитв. Бог услышит мольбы твоей семьи, и Мохаммед попросит Его исцелить тебя».

Когда я думала о Боге, мое воображение не рисовало никаких картин. Разве кто-либо способен изобразить Вечное Существо? В Коране у Него больше девяноста девяти имен, но Он остается непознаваемым. Ничто человеческое не сравнится с Ним — так я была научена. Мои губы повторяли сокровенные слова Фатихи:

Тебе мы поклоняемся и к Тебе взываем о помощи:

веди нас прямым путем,

путем тех, которых Ты благодетельствовал...

Для мусульманина жизнь — дорога. Каждый человек идет по этой дороге между рождением и смертью, сотворением и днем суда. Я тоже отправилась в паломничество, не зная конца пути. И этот путь продлится до конца моих дней.

На следующее утро мы все поднялись до рассвета. После молитв и раннего завтрака мы пошли к Каабе. Отец позаботился, чтобы меня везли в кресле-коляске. Служанки шли рядом со мной, отец шагал впереди. Многих больных и старых паломников везли так же, как меня. Я сидела в кресле и с интересом смотрела по сторонам. Вокруг было невероятное оживление — тысячи мужчин и женщин разных возрастов и национальностей продвигались к Дому Божьему. Никогда в жизни я еще не видела такого скопления людей, объединенных

одним стремлением. Такого не было даже в Лахоре или в Равалпинди, куда отец возил меня на машине, ни даже в Лондоне. Людская волна устремлялась вперед к одной цели, на ходу молясь и ритмично повторяя стихи из Корана.

Массивные внешние стены с отверстиями ворот окружали древнюю мечеть Харам. Несколько мужчин и женщин у ворот обыскивали паломников, прежде чем пропустить внутрь. Отец объяснил мне:

— Рассказывают, что неверные не раз пытались пробраться в наши святые места, чтобы причинить вред и осквернить их.

— Что с ними сделали, отец? — спросила я со страхом.

— Думаю, их застрелили, — ответил он.

Я содрогнулась при мысли о таком наказании, но соглашалась с тем, что неверные заслужили его, — они пытались осквернить святые места.

Мы вышли на большую площадь, над которой возвышались минареты. В центре была мечеть, возведенная в восьмом веке и сильно расширенная с тех пор, чтобы принимать тысячи верующих. Наша компания разулась и ступила на ковер. Обувь сдали, получив взамен билетик с номером. Затем мы вошли через ворота во внутренний двор. Мы оказались на огромном открытом пространстве. В центре находилось массивное гранитное здание в виде куба, известное как Кааба, Дом Божий, задрапированное черной парчой с вышитыми золотом именами Бога.

Вся площадь была белой от тысяч и тысяч людей. Их лица были обращены к Каабе. Люди обхо-

дили или обегали Каабу в направлении против часовой стрелки. Мраморные дорожки расходились лучами от центра. По одной из них мы подошли к кругу. Меня пересадили в деревянный паланкин, который несли четверо крепких мужчин, и сразу же мы оказались в людском водовороте. Мы двигались вокруг Каабы — три раза бегом, четыре раза шагом. Я качалась в паланкине, как сгусток пены на морской волне. Каждый раз, когда мы приближались к Черному Камню в северо-восточном углу, который поместил туда сам Мохаммед, мы поднимали руки и кричали: «*Аллах Акбар* — Бог превыше всего!» Для меня такая езда была сильной встряской. Я тревожно посматривала на отца, но он, похоже, забыл про жару, давку и прочие неудобства. Все, чего он хотел, — это быть здесь.

На последнем круге мы оказались у Черного Камня. Мне рассказывали, что этот камень Бог бросил Адаму. Он — могучий символ нашей веры. К нему прикасались Бог, Адам и Мохаммед. Носильщики проложили нам путь в толпе и опустили мой паланкин. Мне помогли наклониться, чтобы поцеловать Черный Камень. Он был обрамлен серебром и обрызган благовониями. Я закрыла глаза и ощутила близость к Пророку. Камень на ощупь совсем не был похож на камень. Губы ощутили его тепло. Пришло чувство покоя. Я сказала: «Пожалуйста, исцели меня и всех остальных людей здесь».

Но ничего не произошло. Салима и Сема помогли мне подняться, и мы двинулись дальше. Я не поднимала головы, избегая обеспокоенного взгляда отца. Мы отправились к месту молитвы Авра-

ама и там просили об исполнении нашей сокровенной мечты. «Пожалуйста, исцели меня» — молилась я.

Следующим ритуалом был бег между Сафой и Марвой — небольшими холмами в пределах Великой Мечети. Расстояние между ними было около полумили. Говорят, под этими насыпями похоронены Агарь и Исмаил.

Это похоже на игру, подумала я, но оставила свои мысли при себе. Ирония здесь была неуместна. Все остальные относились к происходящему очень серьезно. Меня вернули в кресло-коляску, и мы по мраморным дорожкам семь раз проделали путь между Сафой и Марвой, повторяя маршрут Агари в поисках воды для сына Исмаила, после того как они были изгнаны Саррой.

Предание гласит, что источник Абб-а-Замзам — Воды Жизни — дан Богом. Люди покупали воду, и пили ее из металлических кружек. Отец напоил нас и купил бурдюк воды с доставкой в лагерь Хаджи. Немного воды он хотел взять с собой в Пакистан, остальное предназначалось для моего купания.

Ритуалы заняли у нас большую часть дня, проведенного без еды и отдыха. Мы вернулись в лагерь Хаджи и ожидали следующего события — похода на Арафат, приблизительно в семи милях от Мекки. Там, как утверждают мусульмане, Бог испытывал Авраама, повелев ему принести в жертву его первенца Исмаила. Когда Бог увидел послушание Авраама, Он остановил жертвоприношение и на замену Исмаилу послал овна, запутавшегося рогами в зарослях. Помнится, по пути туда, а также

на обратном пути, мы посещали Мину, чтобы бросить камни в три столба, символизирующих демонов, пытавшихся искушить Авраама и заставить его отказаться от принесения сына в жертву. Все смеялись над этими безобразными столбами и бросали в них камнями и обувью. Бросить обувь — это великое оскорбление.

Затем мы пошли к месту жертвоприношения, которое было сразу за городом. Пришлось постоять в очереди, прежде чем мы смогли поговорить с мясником насчет наших жертвенных ягнят. В одну руку мясник взял нож, в другую ягненка. Я держалась за нож, а мясник резал жертву. Кровь текла из перерезанного горла в сточный желоб. Ягненок дергался и дрожал, как будто пытался убежать. Я не испытывала к нему жалости. Его смерть была исполнением заповеди о жертвоприношении. Подошел другой мясник, забрал ягненка и освежевал его. Мы не могли долго стоять и наблюдать, как закалывают всех наших ягнят, — очередь за нами была такой длинной. Все было очень хорошо организовано. наших ягнят отметили — их должны были принести в жертву позднее. Мы видели, как после нас на том же месте люди закалывали своих ягнят, козлов и верблюдов. «Несколько человек — но не больше шести — могут вместе принести в жертву верблюда», — объяснил отец. Я была рада, что мы ушли, и не стали смотреть, как погибает верблюд.

Мне было известно, что сделают с мясом этих животных. Отец рассказал мне: «Часть пойдет бедным. Во время *хаджа* они смогут хорошо поесть. Часть съедим мы в лагере Хаджи. Много мяса

сожгут — при такой жаре его невозможно хранить».

Паломники оставались в Мине три дня. На второй день они переодевались в обычную одежду, и знойные запыленные улицы расцветивались яркими цветами национальных костюмов. Мужчины обривали головы или даже волосы на всем теле. Женщины укорачивали волосы, по меньшей мере, на дюйм. Все желали друг другу счастливого *хаджа*. Это были дни празднования в кругу друзей — старых и новых. В эти дни также преодолелись разногласия и происходило примирение.

«Мир стал бы счастливым местом, если бы мы сохраняли дух *Хаджа* до конца наших дней», — сказал отец. Из-за меня мы не остались в Мине, а вернулись в лагерь Хаджи. Вскоре после возвращения меня посадили в глубокую ванну. Я сидела на табуретке. Сема, повторяя молитвы, поддерживала меня, а Салима из пластикового ведерка обливала мое тело водой из источника Замзам.

В тот момент я по-настоящему ждала, что исцелюсь, и мой паралич пройдет. Но ничего не произошло. Мое тело оставалось тяжелым, как свинец. На сердце было еще тяжелее. Служанки подняли меня, вытерли и одели.

Через некоторое время отец — он ждал в другой комнате и был готов увидеть, как откроется дверь, и я войду на своих ногах — зашел ко мне.

— Сегодня на это не было воли Аллаха. Но мы не будем отчаиваться. Бог превыше всего, — сказал он и тихо вышел из комнаты.

После этих ритуалов многие паломники — *хаджи* — возвращались домой и пользовались уваже-

нием в своих странах. Некоторые добавляли слово «хаджи» к своему имени. Владельцы магазинов писали «хаджи» на вывесках, чтобы показать, что торгуют честно. «Мне бы хотелось, чтобы кое для кого так оно и было», — сказал отец с подобием улыбки.

Многие, как и мы, отправлялись в Медину, второй по значимости город для мусульман, на расстоянии двухсот пятидесяти миль от Мекки. Там Мохаммед жил десять лет после изгнания из Мекки, в 622 году основал ислам и положил начало мусульманству. В Медине он провел последние годы жизни, и нам хотелось увидеть его мавзолей. Немало историй, пленивших меня в детстве, были связаны с этим городом.

Мечеть Махди великолепна. Мы прошли по толстым красивым коврам и отдали дань уважения у могилы Мохаммеда. Она была покрыта коврами и огорожена стеклом. Люди обходили ее вокруг и через стекло посылали воздушные поцелуи. Еще они бросали деньги и букеты цветов. Смотрители подбирали цветы и украшали ими могилу.

Во дворе люди сидели и пели религиозные песни. Поскольку отец был *пиром*⁵, он попросил, чтобы меня пропустили поближе к могиле. Смотрители открыли мне, и я сидела там, у дверей, в кресле-коляске и молилась минуты две или три. Впечатление было непередаваемым. Мы подходили к другим могилам и напоследок посетили финиковый сад Фатимы. Мохаммед насадил его для своей дочери. Мы купили пятнадцатикилограммовую корзину фиников — очень дорого, — чтобы угостить членов семьи, оставшихся дома.

В Медине мы простились с Кази. Отец дал ему *бакшиш* — чаевые в конверте. Кази был приятен в общении и хорошо помогал нам. Теперь он возвращался домой и должен был передать шейху наши приветствия. Мы смотрели вслед машине, и нам было жаль расставаться с ним.

Из Медины мы полетели в Байт-аль-Макдис — Иерусалим. Город был наводнен паломниками трех вер: мусульманами, иудеями и христианами. Наше паломничество, даты которого каждый год смещаются на десять дней по лунному календарю, в этот год совпало с еврейским праздником Песах и христианской Пасхой. Мечеть в Иерусалиме называется Масжид-аль-Агса — Самая Дальняя Мечеть, в сторону которой молился пророк Мохаммед, прежде чем Мекка стала для него духовным центром.

Купол Скалы рядом с ней связан с Авраамом. Давид купил его, Соломон построил здесь храм, который позднее разрушил римский полководец Тит. Здесь ходил и учил пророк Иисус. Теперь евреи плачут около уцелевшей храмовой стены о своей утраченной славе.

Мы провели всего одну ночь в гостинице для туристов неподалеку от Купола Скалы. Я так и не посетила его, потому что была слишком огорчена из-за несостоявшегося исцеления.

На следующий день мы отправились в Ирак, чтобы посмотреть место, где похоронен внук Мохаммеда Хусейн, павший, вместе с небольшим отрядом из родственников и приближенных, в жестокое сражении у местечка Кербела. 72 храбреца выступили против халифа Язида и все погибли.

С тех пор мы, мусульмане-шииты, чтим годовщину их гибели, устраивая траурные шествия по улицам, во время которых мужчины и мальчики бичуют себя. В месяце *мохаррум* люди одеваются в черное. В таком городе, как, например, Джанг, никому не придет в голову устраивать в этом месяце свадьбу.

Мы молились об исцелении в Кербеле — без результата. Мы провели в паломничестве уже месяц, и пора было возвращаться домой. Когда мы ожидали самолета на Карачи, отец посмотрел на меня и сказал: «Бог испытывает тебя и испытывает меня. Не отчаивайся. Возможно, наступит в твоей жизни время, когда ты исцелишься».

Мой дорогой, добрый отец, такой терпеливый и преданный. Он пытался ободрить меня, и у него это получилось. Во мне ожила моя вера, которая начала было увядать.

Я ответила: «Хорошо. Я не буду отчаиваться. Останусь верной Пророку и Аллаху». Я рассмеялась, чтобы показать, что совсем не расстраиваюсь из-за того, что мне приходится возвращаться домой в том же состоянии, в котором я уезжала.

Отец наклонился и поцеловал меня: «Я так и думал, что ты это скажешь».

Служанки тоже шептали мне: «Просто ложись на Аллаха, Биби». Мы прилетели в Лахор через Карачи. У нас было чувство, что за паломничество мне будет дано какое-то особое благословение, но проявится оно во время, определенное Аллахом.

В аэропорту нас встречали родственники и слуги. Они принесли гирлянды из резко пахнущих

цветов апельсина и желтой календулы и надели их нам на шею.

Все прикасались к нам и восклицали: «Аллах Акбар». Дотронуться до *хаджи* почиталось за благословение. Они смотрели на меня, все еще парализованную, но своих мнений не высказывали. Отец сказал моим братьям и сестрам: «Бог не бывает несправедлив. Нам нужно терпение. Будем ждать Божьего времени». «Да, нашей сестре надо набраться терпения и ждать».

Мы переночевали в Лахоре у нашего родственника и на следующий день отправились домой целой колонной автомобилей. Домочадцы горячо приветствовали нас и были рады нашему возвращению.

Свадьба

Возвращение из *хаджа* было почти таким же увлекательным, как сама поездка. «Можно я до тебя дотронусь?» — спрашивала Самина. Она хотела, чтобы я снова и снова рассказывала ей обо всем, что мы повидали и чем занимались. Так происходило всякий раз, когда паломники возвращались из Мекки. Толпы людей в Лахоре бежали на вокзал с криками «Йа Мохаммед» и «Йа расул Арби» и пытались прикоснуться к *хаджи*, сходящим с поезда из Карачи. Так они рассчитывали даром получить хоть часть благословения, за которое другие заплатили высокую цену.

Возбуждение по поводу нашего возвращения продолжалось около месяца. Приезжали родственники, дальние и ближние, приходили люди из города, все с небольшими подарками — так велела традиция. Родственникам и близким друзьям мы подарили бутылки со святой водой из источника Замзам. Бутылку воды получил и *маули*, который приходил к отцу каждую неделю для многочасовых бесед о Святом Коране и *хадисах*⁶.

Что до меня, то слова «благослови тебя Бог», которые мне все говорили, приобрели новый смысл — ведь я совершила *хадж*. Конечно, что нам всем было нужно — так это мое исцеление. Но я его не получила. Если у кого-то и было скрытое недовольство по этому поводу, до меня это не дошло. Родственники лишь вздыхали и целовали меня. «Бог когда-нибудь исцелит тебя, Биби-джи. Мы

должны склониться перед Его волей», — говорили они.

Хотя в моем сердце была печаль, из-за того что наш замысел окончился очевидной неудачей, в каких-то других вещах я переживала подъем. Очень многие в нашем городе, даже если бы копили деньги всю жизнь, не смогли бы накопить на паломничество.

Острота чувств, свидетельницей которой я была в Каабе, не оставляла меня, и я смутно начинала осознавать, что для некоторых паломничество в Мекку было внешним символом другого путешествия — подобного «путешествию сердца» у суфиев⁷.

Целью таких паломников было полное подчинение Божьей воле: ислам означает «покорность». В четырнадцать лет я не могла это выразить так четко, но я помню, как росла во мне убежденность, что мне надо сторониться всего, что может осквернить меня и помешать большему посвящению. Когда звучал аззан, я с еще более осознанным рвением выполняла поклоны, при поддержке Салимы, на моем молитвенном коврике с аркой, направленной к Каабе. Не потому только, что так меня научили, но потому, что я нуждалась в этом. В течение дня, не зная других способов выразить молитвы моего сердца об исцелении, я перебирала пальцами четки и на каждой бусинке повторяла *Бисмиллах* — «во имя Бога». Но воля Божия оставалась для меня тайной, улучшение не наступало — я механически повторяла свои молитвы, и, казалось, была обречена делать это до конца своих дней.

После месяца оживления, связанного с нашим возвращением, июль был спокойным. Я думаю, у отца была депрессия из-за меня. И вдруг он сказал:

— Давайте устроим свадьбу.

— Отец! — я бы затанцевала от восторга, если бы могла. Я любила свадьбы. Одно из моих самых ранних воспоминаний, а может и самое раннее, — это когда моя старшая сестра выходила замуж за двоюродного брата. Мне было тогда четыре года. Анис-Биби было четырнадцать.

Я запомнила красное платье — Анис сшила его для меня из той же ткани, из которой пошили ее свадебный наряд. Ее платье было обильно расшито золотом. Пять колец на пальцах правой руки соединялись *пенджанглой* с браслетами на запястье. В волосах Анис были изящные украшения, на голове — корона, в носу — колечко с жемчужной инкрустацией. Поверх всего — *дупатта*, сделанная из тончайшего прозрачного шелка. Почти все время я просидела у Анис на коленях. Она крепко придерживала меня, как будто защищала, и обнимала так, как я обнимала иногда свою куклу. Пришел *маули* — он должен был произнести над невестой особые брачные слова. Я почувствовала, как Анис задрожала. Под покрывалом я погладила ее щеку, влажную от слез.

Мужчины собрались в соседней комнате, у жениха, а женщины были с нами. Жених, как требовал того обычай, никогда не видел лица своей невесты — разве что в детстве, когда они были еще малы и ничего не понимали. Но этого мы не боялись. Невеста не могла ему не понравиться. Все любили Анис-Биби, так похожую на нашу покойную маму.

Свадьбу играли с размахом. Пришли некоторые высокопоставленные особы. Молодые получили много подарков. Отец дал такое богатое приданое, что чуть не разорился. От всего, что было в доме, отсчитали по двадцать одному предмету. Все эти вещи отправили в новый дом Анис-Биби и еще деньги, золото, подарки родне жениха — целое состояние. Все говорили, что эта свадьба — лучшая из всех, которые когда-либо видел наш город.

Когда Анис пришла попрощаться со мной, я вцепилась в нее и разрыдалась. Она была мне как мама.

«Я буду часто навещать тебя», — сказала Анис. Ей действительно предстояло вернуться на следующий день — таков был обычай — и оставаться в родительском доме некоторое время перед окончательным переездом к родителям жениха. Обычно переезды из одного родительского дома в другой продолжаются пока молодоженов не сочтут достаточно взрослыми, чтобы они могли начать самостоятельную жизнь.

Свадьбу Сафдар-Шаха играли в доме невесты. На этот раз все происходило наоборот. наших женщин на свадьбе не было. Невесту Зениб мы увидели, когда ее привели в наш дом на следующий день. Вместе с ней доставили роскошное приданое. Она оставалась в нашем доме два дня, а потом на неделю вернулась к родителям. Молодожены были помолвлены с детства, но, согласно обычаю, никогда не видели друг друга. В некоторых других вещах от обычаев было сделано отступление. Невеста была старше, в то время ей было семнадцать. Она оставалась с нами, пока Сафдар-

Шах заканчивал свое обучение в американском колледже. Он изучал бизнес и, отучившись, должен был приступить к работе на упаковочной фабрике в Лахоре. Когда это произошло, они переехали в Саманабад и поселились в собственном красивом доме.

Мне нравилось, когда Зениб жила у нас. Она проводила со мной время в моей комнате. А бывало, мы качались вместе на качелях в женской половине сада. При подходящей погоде меня каждый день вывозили туда в коляске, и я сидела среди роз, душистого горошка, апельсиновых и манговых деревьев под убаюкивающее журчание маленьких фонтанчиков. Когда мы находились в саду, садовники не смели там показываться — от нас их отделяла невидимая линия.

Вскоре после этого настал черед Самины. Она вышла замуж и уехала в пригород Равалпинди, к родителям мужа. Затем подошла очередь Алим-Шаха. Он только закончил обучение на юриста и, женившись, переехал с молодой женой в Саманабад. Там он получил должность в правлении топливной компании.

Мое замужество было, конечно же, невозможно. Мы освободили моего двоюродного брата от обручения, и он со временем женился на очень красивой девушке, которая была его двоюродной сестрой по другой семейной линии.

Дома остались отец и я. Начался ценный для меня период жизни: мы с отцом сблизились, как никогда прежде. Все его дети хорошо обосновались, и он мог больше не переживать за них. Когда придется давать Богу отчет, отец не будет обвинен, что

не справился с этой своей обязанностью. Между всеми нами сохранялась прочная связь, основанная на семейной привязанности и религиозной вере. Отец был для нас примером и вдохновителем.

В нашей семье были еще два члена, о которых я не упомянула. Дядя и тетя. Они приехали после Разделения⁸, в 1950 году, за год до моего рождения. Многие люди по обе стороны границы сделались тогда бездомными. Отец посчитал своим долгом объявить во всех газетах, что просит отозваться любую сайедскую семью, оказавшуюся в таком положении.

В оговоренное время эта семья прибыла из Карачи и стала частью нашей семьи. «Дядя» стал почетным «братом». Отец помог ему начать небольшое дело, связанное с оптовой торговлей. «Тетя» вела хозяйство после смерти моей матери и заботилась обо мне.

Они мне нравились — всегда очень доброжелательные и вежливые. А благодаря их детям — мальчику двенадцати лет и восьмилетней девочке — мне было легче переносить пустоту, образовавшуюся в нашем доме. Тетя была добросердечной женщиной, очень благодарной за предоставленную ей крышу над головой. Для нее не прошли бесследно страдания, выпавшие на долю ее семьи, когда рождалось Пакистанское государство.

«Это было ужасно, ужасно. Брата убивали у меня на глазах... Не передать, как он страдал. Наш дом сожгли...», — она замолкала, стараясь подавить боль.

Постепенно эти печальные воспоминания отходили на второй план и уступали место мыслям о

светлом будущем, открывавшемся перед ней. Ее дети учились. «Наша дочь станет доктором, — с гордостью говорила тетя, — а Абас будет военным». Эти профессии пользовались уважением. Современные тенденции в образовании создавали проблемы, особенно для девочек. Чем могли заниматься женщины? Им был доступен ряд профессий. Некоторые женщины, преимущественно в больших городах, осваивая профессию, набирались идей, которые конфликтовали с традицией, требовавшей, чтобы девочки как можно скорее выходили замуж и обзаводились своим домом. «Ты ведь тоже так думаешь?» — спрашивает тетя. Я выхожу из задумчивости: «Да... наверно...» — «Да, конечно, — продолжает тетя. — Моя дочка закончит учебу и станет доктором. Подумай только, как это может ей пригодиться: она выйдет замуж, и вдруг кто-то из ее детей заболевает».

Тетина болтовня мне не мешала. Все, что от меня требовалось, это время от времени вставить слово, и тетя продолжала свой монолог. Для нее это было приятным развлечением, а я могла думать о чем-то своем.

Тетя и дядя избавили меня от многих неприятных волнений, приняв на себя заботу о наших слугах. За благополучие этих людей мы были ответственны, и кому-то надо было присматривать за ними.

Салима начала ухаживать за мной, когда мне было семь лет. Она была застенчивой деревенской девочкой четырнадцати лет. Когда я подросла, ей дали помощницу, Сему. Салима и Сема состояли в родстве.

У нас были и другие слуги, которыми руководил *муниши* — приказчик. Его офис располагался у главного входа в наш дом. Каждое утро он получал распоряжения от моего отца. *Муниши* следил, чтобы были сделаны все покупки, меню соответствовало обстоятельствам, запасы пополнялись, письма относились на почту, гостей принимали на должном уровне, счета не оставались без внимания, и чтобы каждую неделю он сам получал достойное вознаграждение за свою службу. Рангом ниже был *страж* — личность по-своему необычная. Когда посетители звонили в колокольчик у ворот, в его обязанности входило выяснить, по какому делу они пришли. Если посетители внушали *стражу* доверие, он пропускал их к *муниши*, а тот, в свою очередь, провожал к нужному члену семьи.

Из четырех садовников главным был Дита. Он руководил покупкой растений, их посадкой, установкой цветочных горшков: зимой — в оранжерее, а летом — на тенистой веранде. Второй садовник выполнял приказы Диты и следил, чтобы другие также их выполняли. Третий садовник присматривал за шлангами и отвечал за воду для полива и для маленьких фонтанчиков, установленных в саду. Сын Диты стриг траву и занимался уборкой.

Еду нам готовили повар и его помощник. Я никогда не заходила на кухню — невидимая линия не позволяла мне войти туда. Рахмат-Биби была нашей молочницей — каждое утро она делала свежее масло из молока наших буйволиц. Лахраки подавал еду на стол, а Сати помогал ей. Они также делали другую работу по дому.

Власть и ответственность в нашем доме распространялись по многим каналам, и интересы слуг совпадали с нашими. Жалование слуг было невысоким, поскольку большинство из них жили в нашей резиденции и получали от нас еду и одежду. Они работали не так много, как люди вне дома. По крайней мере, тогда мне так казалось.

Я никогда не кричала на слуг и была рада, что тетя, хотя время от времени и устраивала кому-нибудь нагоняй, но тоже не кричала. Однажды я слышала перебранку с *дохоби* — работником прачечной, который потерял какую-то дорогую вещь. Я всегда изумлялась, когда нашу грязную одежду через неделю возвращали белоснежной и отутюженной, без единой морщинки. И такой ее делали в саманном домике, воду в который подавали с помощью ручного насоса. Рядом был ирригационный канал — в нем белье полоскали.

Ремесло *дохоби* не могло сделать его богатым, но в целом он жил неплохо. Ему платили не деньгами, а натурой — пшеницей или рисом. То, что он не потреблял сам, он обменивал в деревнях на необходимое.

«Неплохая жизнь. Надеюсь, я смогу так жить, если вдруг потеряю все это», — говорил отец, разводя руками и указывая на свой комфортабельный дом и землю.

У отца была собственная теория о труде в культуре нашего народа. «У нас, конечно, слуг намного больше, чем тех, кому они служат. Но содержание слуг обходится нам недорого. Мы одеваем и кормим их. Они нуждаются в нас так же, как мы в них. Среди развитых стран есть ли хоть одна, в ко-

торой нашли бы лучший способ накормить и дать работу представителям беднейших классов?»

У меня была учительница Разия. Она приходила и помогала мне разбираться в лабиринтах наук: исламского религиозного знания, языка урду, истории Индии и Пакистана, математики, персидского языка, основ естественных наук. Вместо английского я углубленно изучала урду.

Разия была добрая и вдумчивая женщина, высокого роста и очень красивая. Ее приход был как глоток свежего воздуха. Благодаря ей, я начала интересоваться окружающим меня миром, слушать новости и религиозные передачи по радио и смотреть телевизор, который отец купил после поездки в Мекку, чтобы смягчить мое разочарование.

Однажды Разия сказала: «Теперь ты готова к экзаменам. Скоро я уже не смогу приходить и учить тебя». Я была так взволнована предстоящими экзаменами, что в тот момент не осознала, насколько мне будет не хватать наших с ней уроков.

Я сдала экзамены и целыми днями не знала, чем заняться. Разия взяла другую ученицу и перестала бывать у нас.

Отец продолжал приходить ко мне каждый вечер. Он садился, читал газету, рассказывал о своей работе и сообщал городские новости. Иногда он уезжал в командировки.

Для меня местность, где мы жили, была центром Пенджаба, а Пенджаб, конечно же, был центром Пакистана. Наш район славился лучшим племенным скотом и развивающейся промышленностью. Но кроме этого он был известен одной роман-

тической историей: там были похоронены юноша и девушка, которых разлучила жизнь, но объединила смерть.

Впервые их историю, во всех замысловатых подробностях, я услышала от Самины. Потом отец повез нас посмотреть белое мраморное надгробие, хранившее память об их несчастной любви.

Девушку звали Хир — «прекрасная». Юноша, по имени Ранджа, был сыном земледельца. Он хотел жениться на Хир. Хотя обе семьи были богатые, не обошлось без кастовых различий. Родители обманом склонили Хир выйти замуж за другого. Но она продолжала любить Ранджу, с которым когда-то была помолвлена. В конечном итоге об этом узнал султан и аннулировал ее брак. Но *доли* — свадебная повозка, которая должна была доставить ее к Рандже, оказалась для нее погребальной колесницей: когда она уезжала из дома, ее дядя дал ей отравленный напиток. В традициях Ромео и Джульетты, Ранджа покончил с собой.

Таковыми историями мы утоляли свою жажду романтических переживаний. Много лет прошло, прежде чем я сравнила их с теми чувствами, которые отец испытывал к моей маме — не воздушная романтическая страсть, а искренняя любовь, ради которой он пожертвовал собой.

Жалю смерти

Я не люблю вспоминать о том, что случилось потом, хотя память о тех событиях приносит мне утешение. Наш отец, всегда такой сильный, заболел.

Был декабрь 1968 года, шел холодный проливной дождь. Отец задержался в своем имении за городом и вернулся промокший и продрогший. Той ночью у него поднялась температура.

На следующее утро он с трудом пошел в офис. Весь день отец провел на работе. Вечером ему стало хуже, в дыхании стал слышен странный хрип.

Пришел доктор и выписал лекарство. Пришел *мулла* — помолился. Температура спала, Маджид снова отвез отца на работу, но вскоре привез назад в состоянии полного упадка сил — отец задыхался.

Ближайшие члены семьи сплотились, чтобы помочь ему преодолеть болезнь, которую врачи определили как пневмонию. Отцу следовало бы лечь в больницу, но он настоял, чтобы его оставили дома: даже в своей спальне он пытался работать. Он боролся дня два или три. Затем произошло то, чего мы боялись, — он стал проигрывать сражение, и мы были не в силах спасти его. Отец сообщил нам, как собирается распорядиться своим имуществом, и передал дела Сафдар-Шаху, который был его доверенным лицом.

Даже в таком состоянии отец думал обо мне. Он посмотрел на меня — каждый вдох давался ему с огромным трудом — и сказал: «Я завещаю тебе

много имущества. Даже если будешь содержать сто слуг, никому не будешь обузой. Позаботься о тете и дяде: если они будут в чем-то нуждаться — дай им».

Мы в ужасе переглядывались. «Этого не может быть» — говорили мы друг другу. Однако он ускользал от нас — как вода уходит в землю, и ничто, кроме солнца, не способно вернуть ее. Я была рядом с ним, тянулась к нему из кресла-коляски, обезумев от горя.

«Отец, не оставляй нас. Ты нам нужен. Если оставишь, я пойду за тобой», — я плакала и почти не соображала, что говорю. Он открыл глаза и положил ослабевшую руку мне на голову: «Тебе тяжело, но не надо убивать себя. Это грех. Помни всегда, что ты из семьи Сайедов, из семьи Мохаммеда. Ты пойдешь в рай. А если покончишь с собой, пойдешь в ад. Не слушай бабьих басен. Живи праведной жизнью, и мы все будем вместе с твоей мамой». Тут он слегка приподнялся, взволнованно сжал мою руку, его глаза необычно блеснули, взгляд на мгновение застыл, как будто он что-то увидел. Отец произнес задыхаясь: «Однажды Бог исцелит тебя, Гюльшан. Молись Ему». После этого он повалился на подушки, дыша тяжело и медленно. Его глаза закрылись.

Я оставалась рядом с ним и горько плакала. «Как мне сохранить веру, если тебя не будет рядом, отец?», — рыдала я.

Сафдар-Шах тоже плакал: «Не оставляй нас, ты нам еще нужен. Ты для нас и отец, и мать». Я смотрела на моего брата — черствого бизнесмена. Я не подозревала, что в нем скрывались такие нежные

чувства к человеку, который вырастил и воспитал нас, заботился о нас во время нашего детства и юности.

Глаза отца открылись. Предельным усилием воли он пытался остаться с нами.

«Позаботься о сестре», — сказал он каждому из своих детей по очереди, и они дали ему обещание выполнить этот наказ. Потом он выпил немного воды, произнес несколько строк из *суры Йа-син* — мы повторяли слова вместе с ним — и закрыл глаза навсегда. Так он лежал еще несколько часов, дыша тяжело и медленно. Мы оставались возле него. В восемь часов утра 28 декабря 1968 года он умер. Его друг *маули* был рядом и читал *суру Йа-син*: *«И прозвучит труба — и тогда они из могил устремятся к своему Господу. Они воскликнут: “О горе нам! Кто поднял нас с ложа, где мы покоились? Ведь это — то, что обещал Милостивый, и посланцы, оказывается, говорили правду”. Не успеет прозвучать всего лишь один трубный глас, как они все предстанут пред Нами. В тот день никому не будет причинено ни малейшей несправедливости. И воздается вам только за то, что вы вершили. А обитатели рая в этот день, поистине, будут наслаждаться своим состоянием: ведь они и их супруги покоятся на ложах в тени деревьев, предоставлены им там плоды и все, чего пожелают...»*

Мы повторяли этот отрывок сквозь слезы и верили, что тем самым облегчаем отцу переход к смерти. Затем Самина поцеловала его безжизненное лицо, то же самое сделали все мы.

На несколько часов заботу о нем приняли мужчины — родственники и соседи, опытные в ритуалах смерти. Вместе со слугами они омыли тело отца и обрядили его в белый саван, который он привез из паломничества, готовясь к своему последнему путешествию. Саван представлял собой длинную рубашку и два полотнища, которыми обернули туловище и плечи. На голову отцу надели тюрбан. Окутав тело белой тканью, его поместили в ящик, весь расписанный молитвами и стихами из Святого Корана. Ящик оставили открытым на шесть часов, чтобы женщины могли подойти и попрощаться. Затем его вынесли в сад. Люди шли нескончаемым потоком: каждый наклонялся, целовал ящик, произносил молитву или в знак уважения посылал воздушный поцелуй.

Отец был важным человеком. Его многие знали как религиозного учителя — *пир*, имевшего последователей — *мюридов*. К тому же он был крупным землевладельцем и бизнесменом. Его похороны были делом не только семейным, но и общественным. Тысяча человек пришли попрощаться с отцом: родственники, партнеры по бизнесу, религиозные деятели и множество *мюридов*. Это были выдающиеся похороны.

Мы, как семья Сайедов, имели на городском кладбище собственный участок. Отца похоронили в небольшом мавзолее, в котором была похоронена его жена. На погребении присутствовали только мужчины. *Маульви* вел молитву, все остальные повторяли и кланялись. Ящик опустили в яму. Присутствовавшие бросили на него немного земли, затем накрыли покрывалом, свитым из цветов.

Я онемела от горя и не могла пошевелиться. Салима и Сема сновали вокруг меня под присмотром тети: умывали, меняли одежду, приносили горячее молоко, массировали мне голову, чтобы облегчить боль. Я смутно осознавала, что к моим дверям приставлен страж: «Нет, она никого не хочет видеть. Сейчас лучше оставить ее в покое». Ко мне не пропускали даже родственников.

Должно быть, я уснула. Когда я пришла в себя, было три часа утра. Некоторое время я лежала неподвижно, прислушиваясь к еле слышным звукам: слуги уже не спали и готовились к наступлению дня. Случилось самое худшее, однако повседневная жизнь должна была продолжаться. «Это неправильно: он умер, а я, никчемная калека, жива, — думала я. — Боже, я не хочу жить так еще лет тридцать. Прошу, заведи меня к отцу».

Почему Бог так далек? Почему не отвечает мне? Может, мои предки тяжко согрешили перед Ним? Вероятно, Бог хочет научить меня терпению — но ведь я и так терпела очень долго, оставаясь больной. Если Он не поможет мне, придется найти какой-то другой способ, чтобы избавиться от этого надоевшего тела. Но как? Повеситься? Одной рукой этого не сделать. Отравиться? Но где я возьму яд? Вот если бы найти нож или ножницы... Но они хранятся под замком. Эта мысль еще звучала в моей голове, когда на смену ей пришла другая: «Ты никогда не встретишься с отцом и матерью в раю, если покончишь с собой». Как члену семьи Сайедов, мне был гарантирован вход в рай, даже если я не соблюду *пять столпов* ислама. Самоубийство лишило бы меня такого права.

Но если я останусь жить, то, вероятно, никогда не получу исцеления. Мое сердце сжалось, невольно потекли слезы. И тогда, от полнейшей беспомощности, я начала говорить с Богом по-настоящему, а не так, как обычно говорят мусульмане, повторяя готовые молитвы, будто обращаются к Нему через пропасть. Ощущая внутри себя невообразимую пустоту, я говорила с Ним как с тем, кто знает мои обстоятельства и мою нужду.

«Я хочу умереть, — сказала я. — Не хочу больше жить и все». Не могу объяснить почему, но я знала, что мои слова услышаны — как будто приподнялась завеса. Было прохладно, я плотнее закуталась в шаль и молилась еще смелее:

«Какой страшный грех я совершила, что Ты дал мне такую жизнь? — всхлипывала я. — Как только я родилась, у меня не стало мамы. Затем Ты сделал меня калекой, а теперь забрал отца. Скажи, за что Ты меня так наказываешь?»

Тишина была такой глубокой и спокойной, что я слышала, как бьется сердце. Надо мной как будто пронеслось легкое дуновение ветра, и тихий нежный голос проговорил: «Я не дам тебе погибнуть. Ты будешь жить». Я уверена, что слышала голос, он говорил на моем языке. Я ощутила неведомую прежде свободу приближаться к Высшему Существо, к Богу, который до этого ни разу даже не намекнул мне, что вообще знает о моем существовании.

«Какой смысл оставлять меня в живых? — спрашивала я. — Я инвалид. Когда отец был жив, я могла говорить с ним о чем угодно. Теперь каждая минута моей жизни — как сотня лет. Ты забрал отца

и оставил меня без надежды. Мне теперь незачем жить».

Голос зазвучал снова, негромко, но сильно: «Кто делал зрячими слепых, исцелял больных, очищал прокаженных и воскрешал мертвых? Я — Иисус, сын Марии. Читай обо Мне в Коране, в *суре Марьям*».

Не знаю, как долго продолжалась эта беседа. Пять минут? Полчаса? Вдруг из мечети раздался утренний призыв на молитву, и я открыла глаза. В комнате все было как всегда. Но почему никто не пришел и не принес мне воду для умывания? Казалось, меня специально на время оставили в одиночестве для этой необычной встречи.

Позднее, в течение дня, я почти убедила себя, что видела все это во сне. Вместе с сестрами и другими родственницами мы навестили могилу отца. Там царили тишина и покой. Свежие цветы лежали на холмике бурой земли. Я с ужасом смотрела на этот холмик. Отец, при жизни не допускавший, чтобы хоть пылинка осела на нем, был теперь закопан под слоем земли. Думать об этом было невыносимо. После нашего скорбного визита на могилу нам предстояло соблюсти сорокадневный траур. В эти дни Сафдар-Шах и Алим-Шах не занимались работой. Люди шли потоком — знатные и простые. Некоторые из них ехали издалека, чтобы навестить нас и почтить память отца.

Все это время едой нас снабжали соседи. В нашем доме нельзя было разжигать огонь для приготовления пищи. Предполагалось, что мы все время поминаем покойного и говорим о нем со всеми посетителями. В знак уважения гости садились

на пол и вспоминали добрые дела, которые сделал умерший. Тем самым они почитали его память и морально поддерживали семью. Это был благородный обычай, позволявший должным образом выразить скорбь и оказать поддержку понесшей утрату семье.

После того как в глубокой депрессии мы вернулись с кладбища, произошло нечто странное. Одна из служанок вдруг вскрикнула и указала на кресло. «Я видела его, он сидел здесь», — кричала она. Никто не удивился. Ощущение присутствия умершего не сразу покидает дом, а нам вообще не верилось, что отца больше нет. Как будто он просто вышел дать поручение садовнику и вот-вот вернется. Я смотрела на служанку и пыталась понять, почему именно ей удалось увидеть его.

Тетя пришла ко мне в спальню, немного посидела рядом и помассировала мне затылок, чтобы облегчить головную боль, которая появилась у меня от всех моих переживаний. «Мы с дядей будем заботиться о тебе как отец с матерью. Считай нас своими родителями и постарайся увидеть во всем, что случилось, волю Божию. Он забрал твоего отца в рай».

Тетя вышла. Я хотела отвлечься от утренних событий и попросила, чтобы мне подали Коран на арабском. Я начала читать *суру Марйам*. Читать по-арабски с полным пониманием было трудно, хотя благодаря мелодичности и ритму стихи запоминались легко. И тут меня посетила дерзкая мысль: почему бы мне не читать на родном языке? Я написала записку и отдала ее Салиме, когда она зашла меня переодеть. Я написала: «Пожалуйста,

дайте предъявителю этой записки лучший перевод Корана на урду». «Отнеси эту записку в книжный магазин и попроси Коран на урду, изданный компанией Тадж, — сказала я. — Деньги получи у тети».

Салима послушно кивнула и вышла. Через два часа она принесла Коран, завернутый в газету. «Хорошо, — сказала я, — теперь, пожалуйста, пойди и оберни его».

Ночью, когда в доме наступили тишина и покой, я развернула зеленый шелк и достала свой Коран на урду. Какое-то мгновение я держала книгу в руке. Мне хотелось снова услышать тот голос. В нем звучала уверенность, что мои молитвы услышаны и путь исцеления и надежды открыт. Инстинктивно я знала, что для того чтобы услышать голос снова, надо быть послушной и прочитывать то, что он велел. Исполненная любопытства и печали, без малейшего представления о том, насколько важным окажется этот момент, я произнесла *Бисмиллах*, открыла книгу и стала читать:

«Ангелы сказали: “О Марьям! Воистину, Аллах словом Своим сообщает тебе радостную весть: ты родишь сына. Имя его — Мессия Иисус, сын Марьям. Он будет почитаем в этом и будущем мире и приближен к Аллаху. Он будет разговаривать с людьми еще в колыбели, и взрослым будет он из числа праведников”».

На третий день после смерти отца Сафдар-Шах принял на себя обязанности главы семьи. Два наших дяди торжественно водрузили ему на голову

один из отцовских тюрбанов. С этого момента он становился *пиром* нашей семьи и *шахом*. Теперь от него будут ожидать ответов на вопросы о религии. Из него получится хороший *пир*. Некоторые люди, носившие этот титул, были малообразованными и исполненными суеверий.

В течение сорока дней траура наш дом был полон гостей: соседей, *мюридов* и их жен. Они приходили, чтобы служить нам, и делали это очень хорошо: убирали в доме, подавали пищу другим посетителям. Еще они приносили для нашей семьи одежду, которую из вежливости нам приходилось надевать.

«Это одежды не жизни, а смерти. В них я все время о ней думаю», — говорила Анис-Биби, поправляя неудобный *шальвар-камиз*.

Время траура завершили два действия. Могилу зацементировали и установили на ней камень. Все были приглашены на традиционное торжество, посвященное окончанию траура — *чалисванх*.

Поставили большой шатер. Обслуживание поручили работникам местной столовой. Они установили кухонные плиты и привезли 150 огромных горшков с рисом. Приготовили плов с турецким горохом и сладкий рис. Все сидели на циновках, расстеленных на земле, и ели руками из стальных тарелок. Меня не было на этом обеде — не хотелось, чтобы люди смотрели на меня и жалели за мое уродство. Обо всем, что там происходило, я слышала от других.

Сафдар-Шаху предстояло вернуться в Лахор. Незадолго до отъезда он пришел ко мне и сел в кресло, в котором раньше часто сидел отец. Брат

выглядел озабоченным. В руках у него был документ о моей доле наследства. Я знала, что он хочет сказать, и приготовила ответ.

— Дорогая сестра, — начал он, — тетя и дядя готовы заботиться о тебе в этом доме, но я хочу предложить тебе переехать жить к нам. Отец оставил тебе самую большую долю наследства. Я ни в коей мере не возражаю против этого — отец очень заботился о тебе и твоём благополучии и хотел, чтобы ты жила в комфорте. Но поскольку теперь ты состоятельная женщина, то можешь жить там, где хочешь, в том числе в Лахоре.

Я перебила его:

— Спасибо, брат, но я не хочу уезжать из этого дома. Здесь я выросла. Я не хочу в Лахор.

Брат пристально посмотрел на меня:

— Что хорошего в том, что ты будешь здесь скучать?

— Я и в Лахоре буду скучать, — ответила я, — а здесь я ко всему привыкла.

Я не сказала ему о еще одной причине — только здесь, в тишине и уединении, я могла продолжить поиски пророка и целителя — Иисуса — в Святом Коране.

— Хорошо, пусть будет так, как ты хочешь, — сказал Сафдар-Шах.

Мне показалось, он почувствовал облегчение.

— Думаю, в таком случае, мы должны исполнить волю отца в том, что касается распоряжения финансами.

Мы договорились, что Сафдар-Шах положит деньги в банк в Лахоре, а я смогу снимать их по мере необходимости. Как глава дома, я буду подпи-

сывать чеки Мусульманского коммерческого банка для оплаты ежемесячных расходов и выдавать деньги дяде на содержание дома. Мой брат Сафдар-Шах будет навещать меня два раза в месяц и сверять счета.

— Я уверен, что все будет в порядке, — сказал Сафдар Шах. — Отец, пока был жив, всегда доверял твоему благоразумию.

Брат уехал довольный тем, как все устроилось. Один за другим разъехались и все остальные. Мне предстояло безрадостное существование — без близкого друга, с которым я могла бы разделить одиночество. Хотя совсем без общения я не осталась.

После того как брат уехал, ко мне в комнату зашла тетя.

— Тебе повезло, ты получила такое большое наследство, — сказала она. Когда я была в твоём возрасте, считалось неподобающим женщине так много знать про бизнес. Но твой отец (да будет благословенна его память) всегда обращался с тобой как с сыном.

Тетя вышла. В комнате стало тихо. Я открыла Коран на урду и еще раз прочитала отрывок из сурь «Семейство Имрана», который теперь был в центре моего внимания: *«Я исцелю слепого и прокаженного и оживлю покойников с соизволения Аллаха»*.

Многое мне было непонятно. Многочисленные знатоки Корана пытались дать свое толкование пророку Иисусу, который, как сказано в этой суре, был сотворен из праха, как Адам, однако силой Аллаха мог творить все эти чудеса. Не было сомне-

ний, что Он — необычная личность. Но кем Он был на самом деле, этот пророк, который знал, в чем я нуждаюсь и говорил со мной с небес как живой?

Я потеряла своего самого дорогого друга, и дальнейшая жизнь казалась мне пустой. Тем не менее, в моем сердце было посажено семечко надежды. Я чувствовала, что однажды, когда-нибудь, обязательно раскрою тайну загадочного пророка, скрытую от меня, будто завесой, на страницах Святого Корана.

Машина

Синий «мерседес» отца после его смерти стоял в гараже, покрытый черной тканью. Он хранил память о человеке, который наполнял наши жизни радостью, а теперь покинул нас — как если бы солнце зашло и перестало согревать нас своим теплом. Это был автомобиль состоятельного человека. Отец каждое утро отправлялся на нем на работу, и его отъезд был частью нашего ежедневного ритуала. Автомобиль сам по себе был роскошный, но отец добавлял ему великолепия, когда садился в него. Водитель Маджид выпрямлял спину и всем своим видом показывал всем и каждому, как он горд вести машину такого господина.

Мы, дети, тоже испытывали гордость, когда отец катал нас на своем автомобиле. Мальчики ездили на нем в школу при мечети, а меня отец возил по врачам. Иногда отец устраивал мне экскурсии. Он забирал меня из моей тихой комнаты, и мы отправлялись в Лахор в гости к родственникам.

Теперь его автомобиль стоял без движения. Никому не хотелось ездить на нем, даже Сафдар-Шаху. Маджид регулярно снимал покрывало и полировал темно-синюю поверхность машины и хромированные детали, пока они не начинали блестеть как зеркало. Он натирал панель из красного дерева и обрабатывал воском кожаные сидения так, что они начинали благоухать. Он чистил двигатель, смазывал рабочие механизмы, поднимал машину на домкратах, чтобы она не стояла все вре-

мя на колесах. Когда Маджид работал, то бормотал что-то нежное — как будто разговаривал с машиной. Служанки, хихикая, сообщили мне об этом:

— Ты бы послушала этого Маджида. У него точно не все винтики на месте. Говорит машине: «Ты не умерла».

— Замолчите, — пристыдила я их. — Над этим не надо смеяться.

Мне стало не по себе: казалось, отец услышит и выйдет из вечернего сумрака, быстро окутывавшего наш дом на закате, или прикажет приготовить машину, сядет в нее и уедет, как ни в чем не бывало. Будто в подтверждение моих ожиданий, одна из служанок прибежала ко мне и рассказала, что видела, как ее господин *прохаживается* по дому.

— Он говорил с тобой? — спросила я.

— Нет, Биби-джи. Он прошел, не взглянув на меня, и вошел вот в эту дверь. Я заглянула туда, а там — никого, пустая комната!

Я не стала ругать ее за слишком бурное воображение, а просто удивилась, почему увидеть любимое лицо выпало не мне.

Машина стала символом моего бесполезного существования. Останется ли она стоять в гараже навсегда — как память об ушедших днях? Останусь ли я беспомощной, живущей лишь воспоминаниями, до конца моих дней?

У всех моих братьев и сестер была своя жизнь. Они добросовестно исполняли отцовский наказ, но мне самой не хотелось быть для них обузой и чувствовать, что забота обо мне им в тягость. Мое уныние передалось сестрам. Самина спросила ме-

ня однажды: «Сестра, что тебя беспокоит? Почему ты выглядишь такой печальной?» Выслушав мой ответ, она сказала: «Ты никогда не будешь для нас обузой. Мы так сильно любим тебя».

С тех пор всякий раз, когда на меня находили мрачные мысли и отчаяние, я, как могла, старалась убедить себя, что все не так уж плохо.

«Посмотри, Гюльшан, тебе сильно повезло, что у тебя такая семья. Ты могла родиться бедной, как одна из твоих служанок. У тебя мог быть отец, который не любил бы тебя, и братья и сестры, которые бы не заботились о тебе. Ты получила образование. У тебя есть крыша над головой, и отец обеспечил тебя так, что ты никогда не будешь ни в чем нуждаться. Радуйся тому, что имеешь. Вспомни поездку в Мекку, когда ты была так близка к Богу и Его пророку. Вспомни слова отца, что Бог исцелит тебя. Если и этого тебе недостаточно, то вспомни голос, говоривший с тобой в этой комнате об Иисусе — Целителе».

Весомости этих доводов хватало, чтобы вытащить меня из бездны отчаяния. Каждый день я напоминала себе обо всех этих благословениях, и мрачные мысли, одна за другой, покидали меня, и настроение улучшалось. Однако где-то в глубине оставался страх — возможно, я никогда не исцелюсь.

Я молилась еще усерднее, чем прежде. Мой ежедневный распорядок был выстроен вокруг пяти регулярных молитв. Каждое утро я просыпалась в три часа и готовилась к намазу *Фаджр* — утренней молитве. Затем я читала Коран на арабском, пока мне не приносили завтрак.

После завтрака Салима и Сема переодевали меня, и я коротала время за чтением религиозной книги или газеты. Иногда я слушала радио или писала письма братьям и сестрам. Потом мы обедали. После обеда наступало время отдыха, а затем — дневная молитва, *намаз Зухр*. Когда тетины дети возвращались из школы, меня на коляске выкачивали в сад, и я наблюдала за их играми. За два часа до сумерек начиналась предвечерняя молитва — *намаз Аср*, и сразу после захода солнца — *намаз Магриб*. Последней была ночная молитва, достойная особой награды, — *намаз Иша*.

От женщин посещения мечети не требовалось. Вместо этого мы тихонько молились дома. Я бы скорее забыла пообедать, чем помолиться, хотя молитвы эти я повторяла как попугай. Молитвы связывали меня с отцом и были знаком того, что я храню веру. Отец учил, что если я останусь верной, то сразу после смерти встречу его в раю, и у меня будет новое тело. В Святом Коране сказано, что все женщины в раю — юные и прекрасные.

Но были и глубокие темные страхи. Я не решалась им противостоять и, тем более, рассказывать о них кому бы то ни было. Мне казалось, что Бог гневается на меня, и поэтому забрал моего отца. Я с детства боялась Бога, которому мы поклонялись. Он был скрыт от меня завесой темноты и незнания.

Внешне это не было заметно. Во многих отношениях мой дом казался раем. Он стоял среди зелени, на плодородной земле, которую орошали пять рек: Джелам, Равви, Инд, Чинаб, где построили новую дамбу, и Сатледж. Люди в Лахоре считали наш

город захолющем. Для меня же наш дом был убежищем от множества любопытных глаз и неприятных вопросов о моей инвалидности. В нашем доме я могла укрыться от мира, полного катастроф, убийств и насилия. Ничто не могло вынудить меня оказаться в этом мире — ни замужество, ни забота о пропитании. Слушая радиопередачи Би-Би-Си, транслируемые из Лондона на урду, читая газеты, смотря телевизор, я все больше узнавала о беспокойном внешнем мире. Мне так не доставало отца, чтобы обсудить с ним все, что я видела и слышала. Многие мне было непонятно, а того, кто всегда помогал мне делать выводы, не было рядом.

Конечно, в доме мы по-прежнему общались друг с другом и много разговаривали. С дядей мы говорили о хозяйственных делах и о бизнесе. С тетей — о ее детях, о слугах, о погоде, о цветах в саду, о свадьбах и похоронах в семьях родственников и друзей. С сестрами я говорила об их детях и обо всех семейных секретах, с братьями — о делах семьи, а иногда — о событиях в мире. Их взгляд был такой: везде в мире беспокойно, а в Пакистане — мир. У нас — «святая земля».

Кроме того, велись постоянные разговоры со слугами. Мунши раз в неделю входил в приоткрытую дверь моей комнаты, чтобы вместе со мной просмотреть счета, которые он вел очень тщательно. Делалось это по настоянию дяди. Деньги — скользкое дело, и в нашем хозяйстве было много дырочек, через которые они могли ускользнуть. Дяде не хотелось, чтобы потом его в этом упрекали. Особенно много я общалась с моими служанками. Мы давно были вместе, и они любили меня

так же сильно, как я их. Но даже они не знали о тайной перемене, произошедшей во мне за три года после смерти отца, — я начала подвергать проверке те истины, которые прежде принимала без вопросов.

Ночью, когда дети уже спали, тетя с дядей уходили в свою комнату и затихал последний призыв к молитве, в доме наступала тишина. Это время я определила для чтения Святого Корана на урду. Отрывки, которые я искала в Коране, имели прямое отношение к пророку Иисусу. Я недоумевала: если Иисус был настолько сильным целителем, то почему в Коране о Нем сказано так мало?

— Тетя, — спросила я однажды, — ты знаешь что-нибудь об Иисусе?

Тетя подобрала обвисший конец шарфа и закинула за плечо. Твердо, как будто повторяя когда-то выученный урок, она сказала:

— Он единственный пророк в Коране, который слепых делает зрячими и воскрешает мертвых. Он снова придет. Но я не знаю, в какой *суре* это написано.

Когда я попыталась показать ей это в Коране на урду, тетя воспротивилась:

— Ты образованная, умеешь читать. А мы останемся при своих мыслях, как Пророк нас научил.

Я поняла, что ей не хочется рассуждать об этом. Должно быть, она передала наш разговор остальным членам семьи, поскольку вскоре Сафдар-Шах тактично расспросил меня об этом случае.

Он приезжал два раза в месяц на день — на два, чтобы проверить, как ведутся дела и заодно проведать меня. Сестра Анис навещала меня раз в ме-

сяц, а Самина — так часто, как было возможно. Она приезжала из Равалпинди и обычно гостила несколько дней. Близкие заботились обо мне, но я оставалась очень одинокой.

Сафдар-Шах держал в руках мой Коран на урду:

— Я рад, Гюльшан, что ты по-прежнему верна своей религии. А что, по-арабски, как учил тебя отец, ты больше не читаешь?

— Нет, брат, я каждый день читаю на двух языках: на арабском — утром, на урду — вечером. Хочу получше понять смысл.

Он остался доволен моим ответом.

— В том, что ты читаешь на двух языках, нет ничего плохого. Только не оставляй чтения на арабском.

Он вышел, думая, что я еще глубже ушла в ислам.

«Я исцелю слепого и прокаженного и оживлю покойников с соизволения Аллаха».

Многие годы я преданно читала Святой Коран и регулярно молилась, но постепенно потеряла всякую надежду на то, что мое состояние изменится. Теперь же я начала верить, что написанное об Иисусе — правда: Он творил чудеса, Он жив и может исцелить меня.

«О, Иисус, сын Марии, в Святом Коране сказано, что Ты воскрешал мертвых, исцелял прокаженных и совершал чудеса. Исцели же и меня». Когда я молилась такой молитвой, моя надежда крепла. Это было необычно, поскольку за многие

годы мусульманских молитв, я ни разу не ощутила уверенности в том, что мое исцеление возможно. Я брала четки, привезенные из Мекки, и произносила *Бисмиллах* после каждой молитвы, а затем добавляла: «*О Иисус, сын Марьям, исцели меня*».

Постепенно моя молитва менялась, и вот уже на каждой бусинке четок я раз за разом повторяла: «*О Иисус, сын Марьям, исцели меня*». Чем больше я молилась, тем больше меня притягивала к себе эта непонятная, второстепенная личность в Святом Коране, обладавшая силой, на которую не претендовал сам Мохаммед. Разве где-нибудь написано, чтобы Мохаммед исцелял больных и воскрешал мертвых?

«Если бы я могла с кем-нибудь поговорить об этом», — вздыхала я. Но такого собеседника не было. Я продолжала молиться пророку Иисусу, ожидая, что когда-нибудь мне будет открыто больше.

Я проснулась, как обычно, в три часа утра, села в кровати и стала читать строки, которые уже знала наизусть. Даже когда я читала, в моем сердце звучала молитва: «*О Иисус, сын Марьям, исцели меня*». Вдруг я остановилась и вслух высказала мысль, пронзившую мой мозг: «*Я делаю это уже так долго, а все равно остаюсь калекой*».

Я слышала негромкие звуки. Кто-то поднимался, чтобы приготовить воду для моего омовения перед утренней молитвой. Скоро ко мне зайдет тетя. Я воспринимала все, что происходило вокруг, но мои мысли были сосредоточены только на моей проблеме. Почему я молюсь уже три года и до сих

пор не исцелена? «Ты жив на небесах. В Коране сказано, что Ты исцелял людей. Ты способен исцелить меня, но я остаюсь калекой». Почему нет ответа, а только эта каменная тишина — как насмешка над моими молитвами?

Я снова назвала Его имя и стала отчаянно молить об исцелении. Ответа не было. Я закричала как от боли: «Если Ты можешь, исцели меня, если нет — скажи мне!» Дальше так продолжаться не могло.

Мне трудно выразить словами, что произошло после этого. Вся комната наполнилась светом. Сначала я подумала, что свет исходит от моей лампы возле кровати. Я посмотрела — свет лампы был тусклым. Может, это рассвет? Но было еще слишком рано. Свет становился все ярче, пока не превзошел по яркости дневной свет. Я так испугалась, что накрылась шалью.

Тогда пришла мысль, что это садовник включил лампы на улице, чтобы осветить деревья. Он делал так, когда созревали плоды манго, чтобы отпугнуть воров, или когда поливал сад в ночной прохладе. Я выглянула из-под шали, чтобы удостовериться в этом. Но двери и окна моей комнаты были плотно закрыты шторами, ставни — опущены. Вдруг я увидела несколько фигур в длинных одеждах, стоящих посреди света, в нескольких метрах от моей кровати.

Двенадцать фигур стояли в ряд. Средняя фигура, тринадцатая, была больше и светлее всех остальных.

«Боже», — вскрикнула я. На лбу выступил пот. Я склонила голову и молилась: «Боже, кто эти лю-

ди и как они пришли сюда, ведь все окна и двери закрыты?» Вдруг раздался голос: «Встань. Это путь, который ты искала. Я — Иисус, сын Марии, которому ты молилась, вот Я стою перед тобой. Встань и подойди ко Мне».

Я заплакала: «О, Иисус, я — калека. Я не могу встать».

Он сказал: «Встань, подойди ко Мне. Я — Иисус».

Я колебалась, и Он повторил это еще раз. Я продолжала сомневаться, и Он сказал в третий раз: «Встань».

И я, Гюльшан Фатима, девятнадцать лет пребывавшая инвалидом, почувствовала, как новая сила наполняет мои пораженные болезнью конечности. Я опустила ноги на пол и встала. Затем я пробежала несколько шагов и упала к ногам видения. Я купалась в лучах чистейшего света — он был яркий, как луна и солнце вместе взятые. Свет озарил мне сердце и разум, и многое в тот момент стало для меня ясным.

Иисус положил руку мне на голову. Я увидела в Его руке отверстие, сквозь которое прошел луч света и упал на мою одежду: мое зеленое платье казалось теперь белым. Он сказал: «Я — Иисус. Я — Эммануил. Я — Путь, Истина и Жизнь. Я жив и скоро приду. С этого дня — ты Мой свидетель. То, что видишь сейчас своими глазами, передай Моим людям. Мои люди — это твой народ. Будь верна в том, чтобы донести это до Моих людей».

Теперь ты должна хранить эту одежду и свое тело в чистоте. Куда ты пойдешь — Я буду с тобой. С этого дня молись так: «Отец наш на небесах! Пусть

прославится Твое имя, пусть придет Твое Царство; пусть исполнится Твоя воля и на земле, как на небе. Давай нам насущный наш хлеб на каждый день. Прости нам наши грехи, как и мы прощаем всем, кто причиняет нам зло. И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твое есть Царство, и сила, и слава вовеки. Аминь”».

Он велел повторить эту молитву, и она сохранилась в моем сердце и памяти.

Замечательно простая, но глубокая, она так сильно отличалась от молитв, которые я заучила в детстве и повторяла всю жизнь. В ней Бог назван Отцом, и это имя коснулось моего сердца и заполнило пустоту в нем.

Мне хотелось оставаться у ног Иисуса, молиться и повторять это новое имя Бога — Отец наш. Но Иисус желал сказать мне кое-что еще: «Читай в Коране — Я живой и приду скоро». Этому я была научена раньше и приняла Его слова с верой. Иисус говорил еще о многом. Меня переполняла неопишуемая радость. Я посмотрела на руку и ногу. На них были мышцы. Рука не выглядела полностью нормальной, но она не была больше усохшей и истощенной. Я ощущала в ней силу.

«Почему Ты не сделаешь ее совсем здоровой?» — спросила я. Он ответил с любовью: «Я хочу, чтобы ты была Мне свидетелем». Фигуры поднялись и скрылись из виду, как будто растаяли. Мне хотелось, чтобы Иисус побыл со мной еще немного, и я опечаленно вскрикнула.

Затем свет угас, я оказалась одна. Я стояла посреди комнаты, в белой одежде. Слепленные глаза болели теперь даже от света лампы. Веки отя-

желели и опустились. Мне пришлось на ощупь подойти к комоду и найти темные очки, которые обычно надевала в саду. В очках я смогла безболезненно открыть глаза. Я осторожно задвинула ящик комода, повернулась и оглядела комнату. Она выглядела как обычно. Часы тикали на столике у кровати. Было почти четыре часа утра. Дверь была закрыта. Окна тоже были закрыты из-за холода и плотно занавешены. Не зная, чего ожидать, но, ощущая перемены в своем теле, я сделала несколько шагов. Потом еще несколько. Я прошлась от стены к стене. Потом еще раз. И еще. Не могло быть сомнения: мои конечности с парализованной когда-то стороны были теперь исцелены.

О, что это была за радость! «Отец, — закричала я, — Отец на небесах!» Это была моя новая замечательная молитва. Тут раздался стук в дверь. Пришла тетя.

— Гюльшан, — сказала она взволнованно, — кто ходит у тебя в комнате?

— Это я, тетя.

На мгновение тетя замолчала, потом я снова услышала ее голос:

— Не может быть. Твоя болезнь не лечится. Ты не можешь ходить. Зачем обманываешь меня?

— Ладно, зайди и посмотри.

Дверь медленно открылась, и тетя испуганно вошла в комнату. Она прижалась к стене в ужасе и неверии, глаза широко раскрылись — тетя смотрела на мое сияющее лицо.

— Ты упадешь, — сказала она.

— Не упаду, — засмеялась я, ощущая силу новой жизни, струящуюся по моим венам. Тетя вы-

тянула руки и стала медленно приближаться ко мне — как будто шла на ощупь. Она закатила рукав моей блузки и посмотрела на руку, ставшую теперь округлой и здоровой. Потом попросила меня сесть на кровать и осмотрела мою ногу. Нога была такой же полноценной, как та, что не была парализована.

— Впервые вижу, как ты стоишь. Мне надо к этому привыкнуть, — сказала она и попросила меня рассказать, что произошло. Я рассказала тете все с самого начала: во-первых, про предсказание отца, затем про голос в моей комнате в третью ночь после его смерти. Затем рассказала о том, как три года читала в Коране об Иисусе, и, наконец, как Иисус явился и исцелил меня.

Когда я дошла до рассказа о том, что Иисус велел мне быть Его свидетелем, тетя перебила меня:

— В Пакистане нет христиан, которым ты могла бы свидетельствовать, а ехать в Америку или Англию тебе ни к чему. Пусть твоим свидетельством будет милостыня для бедных. Когда бедные придут к тебе за едой и деньгами, это и будет твоим свидетельством.

До этого момента я не связывала поручение, данное мне Иисусом, с поездкой в Англию или Америку. Но Его слова были для меня все также важны: «То, что видишь сейчас своими глазами, передай Моим людям. Мои люди — это твой народ». В голове складывалась молитва: «Иисус, где Твои люди?»

Слава

Когда я появилась на свет, родители отнесли меня к *наджуми*. Он развернул мою крошечную ладошку и рассмотрел линии жизни. «Ваша дочь однажды прославится», — сказал он после того, как минуту или две внимательно исследовал мою руку. Отец и мама удивились и обрадовались. Вне всякого сомнения, за такое известие хиромант получил от них достойную плату. Я говорю об этом потому, что отец проклял этого наджуми и назвал его вором и лжецом, когда в возрасте шести месяцев я подхватила тиф и, казалось, навсегда превратилась в инвалида.

В то январское утро, сделав несколько первых в моей жизни шагов, я мгновенно приобрела славу ходячего чуда. Я не понимала тогда, что эти шаги ведут к такой славе, которой для меня не желал никто из моих родных. Прибежали слуги. Женщины в замешательстве столпились в дверях и потрясенно восклицали: «О-о, Биби-джи, неужели это ты? Неужели Бог наконец-то исцелил тебя?»

«Иисус Эммануил явился мне в этой самой комнате и исцелил меня», — сказала я. Слуги-мужчины стояли за дверью и слушали в изумлении. Тетя растолкала их, освободив проход, и велела служанкам стать по обе стороны от меня. Сама она заботливо топталась рядом, следя за каждым моим шагом. Я вышла из комнаты, прошлась по дому и пошла на веранду. Тетя следила, чтобы я, идя незнакомым маршрутом, не запнулась за ковер,

не поскользнулась на гладких плитках дорожки и не споткнулась на шершавом цементном полу. Мой мозг принял управление телом и посылал четкие сигналы, чтобы тело привыкало к размерам и формам окружающего мира. Есть огромная разница между поленом, лежащим неподвижно в ожидании, когда его бросят в костер, и деревом — живым и создающим жизнь для других. Я начала понимать эту разницу сразу, когда ощутила, что живу. Это было новое чувство.

Мы с дядей стояли на веранде и разговаривали. Я смотрела на него из-под *дупатты*. Главой дома была я, но вместо меня всеми делами занимался дядя. Как воспримет он произошедшую перемену?

Но оказалось, я напрасно беспокоилась. Дядя обрадовался. «Для нас сегодня как будто твой день рождения, — сказал он. — Если бы твой отец был жив, то прыгал бы от радости. Мы тоже радуемся за тебя». Когда он говорил, в глазах его стояли слезы.

С искренней благодарностью я сказала: «Спасибо, дядя. Твоя поддержка очень много для меня значит». Вскоре я услышала, как дядя звонит по телефону моим братьям и сестрам. Бодрящий утренний воздух был насыщен всеобщим возбуждением. То, что произошло со мной, в полной мере коснулось каждого.

Я пыталась выглядеть спокойной, когда вышла из своей комнаты и впервые села завтракать с остальными членами семьи. Я ела без посторонней помощи. Взгляды родственников и слуг устремлялись на меня всякий раз, когда я протягивала

левую руку, чтобы взять сахар или молоко. Иногда я передавала что-нибудь детям. Они зачарованно смотрели на меня, и только острый упреждающий взгляд матери удерживал их от того, чтобы забросать меня вопросами.

— Теперь ты можешь пройтись и осмотреть свой дом, — сказал дядя.

Он уезжал на работу и должен был по дороге отвезти детей в школу. Итак, впервые в жизни я гуляла по дому, заглядывая в каждую комнату и осваивая каждый квадратный метр. Везде меня встречали с радостными улыбками. Я чувствовала себя так, будто проснулась после девятнадцатилетнего сна. Помню, я взяла ключ от комнат отца. Мне хотелось побыть там одной. Комнаты многое могли рассказать об отце и его сокровенных мыслях. Комнат было две. Они были просто и скромно обставлены: кровать, бежевый ковер, два стула, занавески. На светло-зеленых стенах — несколько изображений Мекки и Медины и рамка с фотографией отца в молодости. Еще на стене висело охотничье ружье, с которым отец иногда ходил в поля.

Слезы затуманили мне взор. Я чувствовала его присутствие так близко, словно он только что встал с постели, вышел из комнаты и вот-вот вернется. «Видишь, Аба-Джан, твои молитвы сбылись», — шептала я, глядя на его молодое и торжественное лицо, запечатленное на фотографии, и на картины Мекки и Медины. Он сделал для меня все, что мог — намного больше, чем большинство отцов сочли бы необходимым. Однако в мире действовала сила большая, чем та, которую он знал. Так вышло, что

я, его немощная дочь, прикоснулась к этой силе и была исцелена ею.

Мама тоже когда-то жила в этих комнатах, но я никак не могла отыскать там следов ее давнего присутствия. Я зашла в маленькую комнатку, которую она использовала как кладовку. Теперь ее переоборудовали в сейф и хранили там деньги и драгоценности.

Я совсем не знала маму. Я даже не знала ее лица. У нас не было ее фотографий — никому из нашей семьи в те годы и в голову не могло прийти сфотографировать женщину. Однако в тот момент я ощутила ее и горько заплакала: «О, Ма-джи, если бы ты была здесь. Почему мы так рано разлучились? Теперь у меня нет ни тебя, ни отца, и я не могу поделиться с вами своей радостью».

Чтобы разделить со мной радость моего исцеления, ко мне приехали братья и сестры. Каждый обязательно хотел услышать всю историю с самого начала: как после смерти отца голос велел мне читать об Иисусе в Коране. Как я три года читала и молилась Иисусу все более и более отчаянно. Как Иисус явился мне в моей комнате, коснулся меня и исцелил. После того как умер отец, мы впервые были счастливы в нашем доме.

— Нам надо устроить праздник и пригласить соседей и друзей из города, — сказала Анис.

— Конечно, — ответил Сафдар-Шах, когда к нему обратились с этим предложением, — мы должны воздать благодарение Богу за ответ на наши молитвы. Подумать только, нам казалось, будто

поездка в Мекку прошла впустую. Все это время твое исцеление было в Божьей воле.

Тот первый день я училась. Мой мозг как будто подшучивал надо мной. Я вдруг забывала, что могу ходить, и просила тетю подать мне что-то, к примеру, шаль, лежащую на другом конце дивана. Тетя машинально вставала, чтобы выполнить мою просьбу, и тут я вспоминала, что больше не калека, и брала шаль сама.

К концу дня я сильно устала. Физически я чувствовала себя так, как будто долгих лет болезни не было вовсе, но у меня оставалось мышление инвалида. Мне требовалось время, чтобы привыкнуть к встречам с людьми из внешнего мира — вне спасительных стен моей спальни. Теперь я не возражала, чтобы люди смотрели на меня. Мои нога и рука были в порядке, хотя и не совсем нормальные: за многие годы я перенесла много «экспериментальных» процедур и операций, повлиявших на рост пальцев. Но теперь я могла пользоваться своими конечностями.

В течение нескольких последующих дней к нам тянулся поток посетителей: приехали мои тети и дяди и сестра из Равалпинди. Праздник мы устроили в конце недели, чтобы к нам могло съехаться побольше гостей. Я всем рассказывала, что меня исцелил Иисус.

Настойчивость, с которой я об этом говорила, внесла во все происходящее первые неприятные нотки: мои братья забеспокоились. Когда я в шестой раз пересказывала им свою историю, Сафдар-Шах, как религиозный глава семьи, почувствовал, что должен высказаться:

— Мы бы больше уважали тебя, если б ты сказала, что тебя исцелил Мохаммед. А этот Иисус не так уж для нас важен.

— Но я не могу сказать, что это был Мохаммед. Меня исцелил Иисус, и Он велел мне рассказывать об этом.

— У Иисуса есть свои люди в Англии, Америке, Канаде... Это христианские страны. Ты же не поедешь туда рассказывать, что тебя исцелил Иисус! А здесь о таких вещах лучше не говорить во всеулышание.

Сафдар-Шах словно констатировал факт. Он, вероятно, не хотел, чтобы его слова прозвучали как угроза, но я услышала в его голосе неприязнь и враждебность к людям Книг, которые мы, как семья, переняли у отца.

Книгой, которая ставилась под сомнение, была Библия, включающая в себя Тору — Ветхий Завет и Инджил — Новый Завет, — книги иудеев и христиан. Мусульмане считают, что эти книги представляют опасность для ислама и поэтому стремятся доказать, что Коран, хотя и появился позже, бесконечно превосходит Тору и Инджил: он правильнее и исправляет их ошибки. Я всегда была согласна с этим, но теперь начала сомневаться.

Если Иисус мало что значит, как тогда Он смог исцелить меня? Почему в Коране, претендующем на то, что в нем содержится руководство по всем жизненным вопросам, об Иисусе сказано так мало? Об этой ли исцеляющей силе говорится в Коране? От Бога ли она исходит? Так, шаг за шагом, жажда истины вела меня в моих рассуждениях.

Мне хотелось самой прочесть Евангелия и больше узнать об Иисусе.

Я обнаруживала в себе силы отличаться от остальных членов семьи. В то же время члены семьи замечали все больше перемен во мне и в наших отношениях.

Пока я оставалась больной и беспомощной, я была для них существом безвольным. Они всегда знали, где я. Они знали, как вести себя со мной, и были уверены, что я буду покорно следовать их воле. Своих сил у меня не было, я полностью зависела от них. Теперь же я стала личностью, свободно изъявляющей свою волю. К тому же я все более осознавала себя дочерью своего отца, со своим собственным разумом, отточенным образованием, которого бы наверняка не получила, если бы была здорова. Я могла победить в споре даже Сафдар-Шаха. Он вскоре узнал, как трудно спорить с ходячим чудом, отныне обладающим своей собственной нравственной силой.

С самого начала тетя настаивала, что видение Иисуса означает, что я должна давать милостыню бедным, а они будут рассказывать о Нем остальным. Могла ли я предположить что-либо другое? Ее жизненный опыт не допускал мысли, что мусульманка может покинуть дом и семью и отправиться куда-то с проповедью.

Я обратилась к Иисусу с этими вопросами. Кто Его люди? Где они находятся, и как я могу отправиться к ним, если моя семья против этого? В глубине сердца я знала ответ, как будто слышала голос: «Если ты боишься семьи, Я не смогу быть

с тобой. Чтобы пойти к Моим людям, останься Мне верной» — это я услышала в темноте, когда стояла ночью на коленях на молитвенном коврикe. Все в доме уже спали.

«Мои люди — это твой народ. Ты должна передать им Мою весть», — сказал голос. Я не рассказывала про голос родным, но они, видя во мне перемены, постоянно наблюдали за мной и надоедали вопросами: «Ты ведь не собираешься покидать этот дом? Ты ведь не поедешь в Англию или Канаду? Помнишь, что ты говорила про Англию, когда вы вернулись оттуда? Почему бы тебе вместо поездки в Англию не дать *закят* бедным? Они бы всем рассказали о твоём Иисусе».

Я уже отдала годовой *закят* нищим — пятьдесят тысяч рупий. За две-три последних недели я отдала дополнительный *закят* — десять тысяч рупий. После этого ко мне пришел дядя:

— Теперь ты должна быть счастлива. Ты сделала то, чего от нас требует Бог — дала милостыню. И ты проявила щедрость.

Но я не была счастлива. Я сказала печально:

— Он хочет, чтобы я отдала себя, а я этого не сделала.

Мне показалось, дядя меня не расслышал, но после паузы он глубоко вздохнул и сказал: — Послушай, Гюльшан, я сейчас говорю с тобой, как говорил бы отец (да упокоится его душа в раю). Все, чего от тебя требует Иисус, отдай Ему: землю или деньги, но не оставляй свою страну и свою религию, не отдавай саму себя.

Время шло, и я чувствовала, что в моей жизни пробиваются ростки чего-то нового. Когда *муд-*

зин с башни мечети призывал к молитве, я, как обычно, шла в свою комнату. Я была довольна, что могу скрыться от тетиных зорких глаз и что не нуждаюсь в помощи слуг. Я уединялась не для того, чтобы выполнить древний ритуал. Теперь молитва приобрела для меня особую глубину и силу — я молилась Богу от сердца.

Я записала молитву «Отец наш» сразу после того, как ее услышала. Каждое слово восполняло какую-то из моих нужд. Молитва как будто специально была написана для меня. Тогда я и не подозревала, что это любимая молитва христиан.

В другие разы в течение дня я молилась в мусульманской манере, перебирая четки — щелк-щелк-щелк, — и на каждом щелчке повторяла молитву полностью. Так я могла молиться в любое время в любом месте — внешне это выглядело так, будто я совершаю *намаз* — мусульманскую молитву.

Должно быть, за несколько дней я повторила эту молитву тысячу раз. С каждым разом молиться становилось легче. Мой словарный запас пополнился словами для разговора с Богом.

«Наш Отец» — благодаря этим словам я увидела Бога в новом свете. Он — Высшее Существо, но вместе с тем — Отец, которого мне недоставало.

«Как хорошо, что Ты — мой Отец», — плакала я ночами и чувствовала несказанное утешение в Его любви ко мне. Я избавилась от давнего мрачного страха, будто Бог сердится на меня. «Пусть прославится Твое Имя» — это мне было понятно. Как мусульманку, меня приучили почитать святыя имена Аллаха, содержащиеся в Коране. Мусульмане произносят имена Аллаха с огромным

уважением и всегда добавляют фразы, выражающие благоговение, например: «да будет благословенно Его имя». В воображении мусульманина имена Аллаха вызывают зрительный образ, ими расписаны стены мечети — это одна из немногих строжайше ограниченных форм украшения. Теперь я сама увидела Его святость.

«Пусть придет Твое царство; пусть исполнится Твоя воля и на земле, как на небе». Теперь я видела, что Иисус — не бедный второстепенный пророк, а вечный Царь. Он придет снова и принесет небесное царство на землю.

«Давай нам насущный наш хлеб на каждый день...» Мне никогда не приходило в голову просить Бога о хлебе, поскольку все мои нужды восполнялись в избытке. Тем не менее, такая просьба показывала, что Бог заботится о физических нуждах и желает, чтобы верующий полагался на Него, как на Отца.

«Прости нам наши грехи, как и мы прощаем всем, кто причиняет нам зло». Прощение? В мусульманских молитвах об этом не могло быть и речи. Для мусульман Бог — это тот, кто наказывает и требует возмездия, как от своих почитателей, так и от неверующих. Я была близка к мысли, что совершила какой-то страшный грех, и за него Бог покарал меня болезнью и потерей родителей. Единственной надеждой было точное и доскональное исполнение ежедневных молитвенных ритуалов, совершение *хаджа* и соблюдение всех остальных *столпов* ислама.

В новой молитве не упоминалось ритуальное очищение. Зато утверждалось, что для того чтобы

получить прощение греха, его необходимо признать перед Богом. Ищущий прощения должен простить других. Я, со своим безукоризненным религиозным воспитанием, прежде об этом не знала.

«И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого». Эти слова придавали мне сил оставаться верной моему видению Иисуса. Только Он мог спасти меня от возврата в ислам, где все было привычно и знакомо. Такого возврата настойчиво желала моя семья.

«Ибо Твое есть Царство, и сила, и слава во веки. Аминь». Это звучало величественно и сильно, но вместе с тем просто. Я увидела эту славу, и навсегда стала другим человеком.

Между мусульманами и Богом нет посредника, хоть они и считают таковым Мохаммеда. Поэтому мусульмане молятся в таких смиренных позах.

Я чувствовала, что мне дан посредник. Он научил меня по-новому обращаться к Богу. Как мусульманка, я должна была сама нести ответственность за свои поступки — плохие и хорошие, и за их последствия. За плохое поведение Бог мог отправить меня в ад. Но теперь я видела Бога по-другому. Назвать его «Отцом» означало передать Ему ответственность за свою жизнь и счастье — так же, как раньше я вверяла себя земному отцу.

Так я рассуждала и так молилась. Я радовалась, как радуется дитя, потерявшееся в толпе на базаре, когда отец вдруг находит его. Мне хотелось узнать больше и, если будет возможность, найти Книгу христиан.

Если бы тогда, встав на этот путь, я подняла глаза, то увидела бы, что над моей головой сгущаются грозовые тучи. Через десять дней после моего впечатляющего исцеления разразилась гроза. Родня собралась с силами и устроила мне суд — по крайней мере, так это выглядело для меня — в мужской гостиной при закрытых дверях. Конечно же, сами они не считали это судом. Сафдар-Шах произнес небольшую вступительную речь:

— Мы собрались здесь как главы семейства, чтобы убедить тебя отказаться от крайних идей, которые у тебя появились в последнее время. Мы согласны, что Иисус исцелил тебя, но не хотим, чтобы об этом узнали люди. Мы — ведущая мусульманская семья, а ты можешь навлечь на нас дурную славу.

Братьев и сестер с их супругами поддерживали дяди по маминой линии, дядя по линии отца, мои двоюродные братья и сестры, а также тетя и дядя. Как я позже узнала, родня обвиняла их в том, что все это произошло со мной из-за их упущения.

Я долго молчала и слушала, а потом спросила:

— Разве вы не рады моему исцелению?

— О да, — сказали они, — нам очень хотелось, чтобы ты исцелилась. Но теперь, когда это произошло, не надо всем говорить, что тебя исцелил Иисус.

После недолгой паузы Сафдар-Шах добавил:

— Ради ислама мы можем убить тебя. Так сказано в Святом Коране.

Я оглядела присутствующих в комнате. У сестер на глазах были слезы. Тетя и дядя выглядели бледными от волнения и страха. Дяди энергично

кивали головами, от этого тряслись их седые бороды. Братья наблюдали за мной, как ястребы за добычей. Я чувствовала, как с каждой секундой между нами увеличивается разрыв. Как может религия порождать такую ненависть? Для них лучше, чтобы я умерла, чем говорила истину, с которой они не согласны.

«Прости нам наши грехи, как и мы прощаем всем, кто причиняет нам зло». Эта истина была сильнее любого из законов ислама. В тот момент я не чувствовала к ним ненависти, но только любовь, которая разрушила бы любые барьеры, если бы могла.

После недолгого молчания мой старший брат сказал:

— Если не прекратишь, мы тебя изгоним из семьи. Ты лишишься всего. Если пойдешь к христианам, мы и им сделаем плохо. Хотя откуда здесь взяться христианам?!

Тогда я тоже так думала.

Я всегда была тихой и слушалась старших, и теперь они запугивали меня. Прежняя Гюльшан сдалась бы, не смогла бы защитить свои права. Но нынешняя Гюльшан ощущала внутри себя силу. Эта сила придавала ей смелости. Я не боялась их. Мне не приходилось подбирать слова, они сами слетали с моих уст:

— Я долго слушала вас и понимаю вашу тревогу. Я не могу ответить на все, что вы сказали, поскольку сама жду ответа от Иисуса. Он скажет мне, что делать дальше. Когда я услышу Его распоряжение, то буду Ему послушна и сделаю так, как Он скажет, даже если вы меня за это убьете.

В комнате послышались возмущенные вздохи. «Какая дерзость», — переглядывались дяди, как будто не могли поверить своим ушам. Я сама удивилась, что смогла противостоять силе семьи. Как же они теперь поступят? Это был опасный момент.

Я поспешно добавила:

— Я обещаю, что никакими своими действиями не опорочу семью. Но я дождусь, пока Иисус скажет, как мне свидетельствовать о Нем. Кстати, я никогда не встречала христиан и не знаю, где их найти.

Мужчины опустили головы. Сестры старались не смотреть на меня. Они молчали — женщинам не положено вмешиваться, когда мужчины принимают важные решения.

Я думала, уж не собираются ли они сразу убить меня. Сделать это они имели право. Если бы это случилось, никто не стал бы сомневаться в правильности их решения. Однако многие люди в округе знали и любили меня, и моя внезапная смерть потребовала бы продуманного прикрытия. Сафдар-Шах объявил вердикт:

— Хорошо. Мы подождем и посмотрим, что ты будешь делать. И мы будем за тебя молиться. Возможно, ты просто сошла с ума после всего, что случилось.

На этом разговор закончился, но я знала, что они не успокоятся, пока не заставят меня замолчать о моем исцелении. Если я послушаюсь их, то буду вынуждена отречься от того, что, как я была убеждена, показал мне Небесный Отец. «Как Ты хочешь, чтобы я поступила?» — молилась я в недоумении. Ответ пришел через несколько дней.

Я отчаянно повторяла простую молитву: «Покажи мне Свой путь. О, покажи мне Свой путь». Я подняла глаза и увидела туманный столп, от потолка до пола. Внутри этого столпа стоял Иисус. Яркий свет на этот раз был затуманен. Я не спала, и это был не сон.

Иисус сказал: «Подойди ко Мне». Я с готовностью встала и подошла. Он протянул руку — на ней была какая-то ткань. Я протянула руку к Нему и вдруг почувствовала, что земля уходит из-под ног, как будто я поднимаюсь в воздух. Я закрыла глаза. Потом я почувствовала, что плавно опускаюсь на что-то мягкое. Я оказалась на широкой равнине, зеленой и прохладной, заполненной людьми. Одни стояли близко ко мне, другие — поодаль. На головах у них были короны, от одежд исходил ослепительный свет, от которого у меня заболели глаза.

Я услышала слова. Они звучали как прекрасная музыка. Люди повторяли слова — «свят» и «аллилуйя». Последнее было новым для меня словом, мусульмане его не используют. Еще люди говорили: «Он — закланный агнец. Он — живой». Все они смотрели на Иисуса. Иисус сказал: «Вот Мои люди. Это люди, которые говорят истину. Они знают, как надо молиться. Они верят в Божьего Сына».

В толпе выделялось одно лицо. Я внимательно посмотрела: невдалеке сидел мужчина. Иисус сказал: «Пройди десять миль на север, и этот человек даст тебе Библию». Я смотрела на этого мужчину — он, как и все остальные люди, которых я видела, похоже, не подозревал о моем присутствии. Фигу-

ры растаяли, я пришла в себя, и обнаружила, что стою на коленях в своей комнате в окружении привычных вещей. Я стала размышлять над тем, что увидела и услышала. Меня охватило волнение. Я ведь просила показать мне, что делать дальше. И вот получила ответ: надо пойти и свидетельствовать тому мужчине о моем видении Иисуса и попросить у него Библию. Но где же я найду его?

Тогда я кое-что вспомнила. В Джанг-Садаре, в нескольких милях на север от нашего дома, жила Разия. Наступали праздники, и я решила ее навестить. Я должна была это сделать: где-то рядом с ее домом жил человек, готовый дать мне Библию. Надо было ехать одной. Родные, если бы узнали об этом, попытались бы меня остановить. Решение было принято, и я составила четкий план. Я тогда и не подозревала, каким безвозвратным станет для меня этот шаг и как он изменит мою жизнь.

Книга

Через три недели после своего исцеления я осмелилась осуществить свой план и получить Библию. Тете я сказала, что еду навестить Разию.

— Ты берешь с собой Салиму? — спросила тетя, еще не совсем привыкшая к тому, что я устраиваю свою жизнь так, как это удобно мне.

— Нет, тетя, — ответила я с улыбкой, — я уже взрослая, ты можешь не беспокоиться, что я попаду в беду. Пожалуйста, скажи Мунши, пусть закажет для меня машину.

Тетя открыла рот, как будто хотела возразить, но тут же плотно сжала губы. Эта новая Гюльшан, в отличие от прежней, не была склонна идти у кого-либо на поводу.

Маджид подогнал сверкающий синий «мерседес» и распахнул передо мной заднюю дверь, как будто салютовал мне. Занавески на окнах машины были опущены, чтобы защищать меня от любопытных глаз. Маджид всем своим видом показывал, что доволен таким поворотом событий. Мотор заурчал, мы выехали из главных ворот, и стражник с улыбкой закрыл их за нами. Наше путешествие началось.

Разия была готова к моему приезду. Она пока не знала, что мне предстоит еще одна встреча. Я отослала Маджида, велев ему вернуться после обеда. Затем я поздоровалась со своей учительницей. Разия была счастлива видеть меня в таком хорошем состоянии и хотела кое о чем расспросить. Она бы-

ла разочарована и проявила некоторое любопытство, когда я сказала, что должна срочно повидаться с кем-то на другом конце города.

— Я пойду одна, — сказала я. — Это всего лишь деловая встреча.

Разия стояла на веранде в недоумении, провожая меня взглядом, пока я поспешно шла по подъездной аллее к главной дороге. Мне было неудобно. Никогда прежде я не пыталась никого обманывать, но только так я могла пойти и получить Библию. Уже в пути я вспомнила, что не взяла *бурку*. Мне это показалось символом растущей внутри меня свободы.

Со мной поравнялась двуколка. Я поприветствовала пожилого кучера и сказала:

— Я ищу человека. Он — христианин, живет где-то по дороге в Качари. Знаете такого? Взгляд кучера был направлен куда-то вперед. Он как будто не слышал меня, и я поспешно добавила:

— У меня к нему дело.

Кучер кивнул на север:

— Это там. Очень старое место. Оно было там еще до того, как возник Пакистан. Не знаю, живут ли там христиане, но если хочешь, могу тебя туда отвезти.

— Пожалуйста, отвезите.

Я забралась в двуколку. Кучер хлестнул свою худую лошадь, и мы потихоньку поехали. Дорога заняла около получаса, и мне хватило времени поразмыслить над тем, что я делаю. Интересно, что бы сказали мои сестры, если б увидели, как их любимая и нежно хранимая Гюльшан едет в двуколке по большой дороге? Такого никогда не случает-

лось ни с кем из нашей семьи. Но у меня не было выбора. Иисус послал меня в это путешествие, и я вручила Ему все последствия.

Мы подъехали к большому зданию. Позже я узнала, что это — христианская часовня. Рядом находился большой дом за высокой стеной. Двухколеса остановилась у ворот.

— Это здесь, — сказал кучер.

Я расплатилась с ним и прошла через ворота в засаженный деревьями двор. Подойдя к дому, я увидела мужчину, сидящего на солнце со стопками книг, разложенных на небольшом столике рядом с ним. Когда я приблизилась, мужчина поднял голову. От изумления у меня перехватило дух. Это лицо я видела в своем видении, когда Иисус сказал: «Этот человек даст тебе Библию».

Мужчина привстал и вежливо сказал:

— Если вы к моей жене, то ее нет — она в Лахоре.

Я поспешно ответила:

— Я не к вашей жене, а к вам. За Библией. Я видела вас в видении.

Мои слова поразили мужчину, и он, не скрывая этого, внимательно изучал меня. Его взгляд словно пытался проникнуть сквозь мою *дупатту*, которой я инстинктивно прикрылась, когда шла через двор. Я открыла лицо и посмотрела на него снова.

— Кто ты? Какой ты веры? Чья ты дочь?

— Я живу в десяти милях отсюда. Я из мусульманской семьи.

Я видела, что мужчину это испугало. В какие неприятности пытается втянуть его эта странная мусульманка, прося у него Библию? Он сказал:

— На твоём месте я бы шел домой и продолжал читать Коран. Коран хорош для тебя, а Библия для меня. Лучше тебе не читать ее.

Он встал, чтобы проводить меня к выходу.

Я стояла на месте. Энтузиазм покидал меня, сердце сжималось. Я-то думала, что мужчина примет меня с радостью. Мне даже казалось, что он должен быть готов к моему визиту.

— Иисус-Эммануил послал меня к вам. Пожалуйста, верьте мне.

— Он еще раз окинул меня изучающим взглядом и предложил сесть. Я начала рассказывать свою историю — сначала застенчиво, затем смелее: о том, какой была моя жизнь девятнадцать лет, пока я была инвалидом; про поездку в Мекку, про полные надежд молитвы, приведшие тогда к разочарованию. Я поведала о трагической смерти отца и о чудесных последствиях тех событий, когда Иисус говорил со мной и велел мне читать Коран.

Мужчина внимательно слушал, чуть подавшись вперед и не сводя глаз с моего лица. Никогда прежде меня не разглядывал незнакомый мужчина, хотя этот человек не казался мне незнакомцем. Я продолжала свой рассказ об удивительном откровении Иисуса, которое я получила в своей комнате, и о моем исцелении.

— А затем я увидела вас. Иисус снова явился и показал мне Своих людей. Вы были среди них. Иисус велел мне пойти к вам за Библией. Если вы все еще не верите мне, послушайте, какой молитве Иисус научил меня.

Я повторила слова молитвы «Отец наш».

Когда я закончила, наступило молчание. Мой

собеседник в глубоком раздумье сидел в кресле — руки на подлокотниках, голова склонилась на грудь.

— Возможно ли это? — сказал он, скорее обращаясь к самому себе, чем ко мне. Он глубоко вздохнул и поднялся: — Посиди здесь немного. Мне надо пойти помолиться об этом. Дать тебе Библию — это серьезный шаг для нас обоих.

Он зашел в дом, а я осталась сидеть на солнце. Вокруг деревьев порхали колибри. Их маленькие крылышки двигались так быстро, что иногда казалось, будто птички неподвижно висят в воздухе.

Мне казалось, что прошло много времени, хотя на самом деле, я думаю, прошло менее получаса. Мужчина вышел из дома и сказал:

— Я помолился и спросил у Господа, что мне делать. Мне кажется, Он велит мне дать тебе то, что ты просишь. Ты знаешь, что путь, на который собираешься ступить, труден. Ты можешь превратиться в изгоя для твоей семьи. Тебе придется многое вынести и многое потерять.

— Я все это знаю, — сказала я, — но это путь, которым я должна идти. Я хочу следовать за Иисусом-Эммануилом, который исцелил меня и показал мне путь любви.

Он улыбнулся и сказал:

— Подумай еще. Когда ты оставишь то, что надо оставить ради Христа, дьявол начнет атаковать тебя. Он создаст множество препятствий, которые тебе придется преодолевать. Ты встретишь сильное сопротивление. Возможно, даже христиане будут создавать для тебя препятствия.

Мои глаза наполнились слезами:

— Я не хочу думать о препятствиях. Я знаю только то, что Иисус-Эммануил открыл мне. Он поднял меня и дал мне свет. Я хочу узнать о Нем больше. Он послал меня к вам за помощью. Пожалуйста, помогите мне.

Тогда мужчина дал мне Новый Завет на урду и книгу «Убиты за веру в Карфагене». После этого он помолился замечательной молитвой, которая в простых словах выражала чувства братской любви и доброты. Молитва придала мне сил.

Я снова наняла двуколку и вернулась к Разие как раз к обеду. Я не стала рассказывать ей про поездку, сказала только:

— Я получила то, за чем ездила, но проблема еще не решена.

Затем я сменила тему, и мы болтали и смеялись, как ни в чем не бывало, пока не приехал Маджид, чтобы отвезти меня домой.

Тетя с нетерпением ждала моего возвращения. Она пристально посмотрела на меня, но я отвернулась. Я была уверена, что все, произошедшее со мной, написано у меня на лице.

— Как поживает Разия? — спросила тетя.

— У нее есть несколько чудесных учеников. Она счастлива, что ее сестра теперь замужем.

— Жаль, что ее саму никак не выдадут замуж. Наверно, у семьи нет для нее приданого.

— Правда. Доходы ее отца слишком малы, ей приходится брать учеников, чтобы помогать ему.

Раньше мы бы с удовольствием посплетничали бы так, по меньшей мере, часа два. Но у новой Гюльшан были дела поважнее. Я извинилась, зашла в свою спальню, закрыла дверь и прилегла от-

дохнуть. Я чувствовала, что истощена и физически, и психически.

Ночью я начала тайно читать Новый Завет. Что я чувствовала? Спросите, что чувствует жаждущий, когда ему дают воду. Спросите, что чувствует младенец, когда мать кормит его грудью. Вскормленная на шелухе, я теперь могла утолить голод хлебом и прочитать на этих страницах истину о жизни и предназначении человека. Иисус сказал мне: «Я — Путь, Истина и Жизнь». Его слова в Евангелиях проливали свет для моего понимания. Я никогда по-настоящему не понимала Коран. Новый Завет не был похож на остальные книги. Он раскрыл мои духовные глаза. Его истории оживали, когда я читала их. Я познакомилась с двенадцатью учениками, сопровождавшими Иисуса в моем поразительном видении. Я обнаружила молитву, каждое слово которой впервые услышала у ног Иисуса. Я узнала значение этого дорогого имени, услышанного в видении: «Я — Иисус. Я — Эммануил... С нами Бог».

С детства меня приучили думать о Боге как о далеком и недостижимом. И вот, наконец, я получила объяснение божественной силы и миссии Иисуса. Он мог воскрешать мертвых, потому что Он — Господин жизни. Он придет снова, потому что вовеки жив. Он всемогущ, потому что Он — Бог, а не просто пророк.

«Я — Путь, Истина и Жизнь». Я понимала, что это — краткая характеристика личности Иисуса. Я продолжала чтение и дошла до места, где говорилось о крещении. В Евангелии от Марка (1: 9-11) я прочитала, что Иисус крестился. В Послании к

римлянам написано: «Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни».

Обновленная жизнь. Именно это я чувствовала — как будто меня погрузили в поток свежей воды. Жизнь наполняла все части моего бытия. Крещение было символом и печатью этого переживания.

Когда я размышляла над этим, мне вспомнилась такая картина: печальная девушка сидит на табуретке, и служанки поливают ее водой из источника Замзам. Вода Жизни — Замзам — не смыла моих грехов и не наполнила жизнью мою мертвую плоть. Иисус дал духовную воду жизни для моего больного тела и для моей души. Теперь я хотела быть погребенной с Ним в крещении. Я рассуждала об этом, не осознавая в полной мере всей силы задуманного поступка и перемен в моей жизни, которые он повлечет за собой.

«Я свидетельствовала об Иисусе, — сказала я себе, — и выполнила то, что Он велел. Я могу креститься, а потом вернуться сюда и жить дальше, разве нет?» Вопрос повис в воздухе. Не было голоса, который бы ответил на него — положительно или отрицательно. Но тут передо мной возникло лицо отца, я почувствовала боль, как будто в сердце вонзили нож.

«О отец, прости меня, но я должна следовать за Иисусом, который исцелил меня». В душевном страдании я произнесла это вслух. Мгновенно глубокий мир сошел на меня, и я ощутила уверенность в том, что выбрала правильный путь. Никто и ничто не могли теперь остановить меня.

К 12 марта я прочитала Новый Завет полностью. Я также прочитала «Убиты за веру в Карфагене». Там рассказывалось о ранних христианах. Их бросали львам, сжигали и подвергали бесчеловечным пыткам, но они сохраняли веру. Я поняла, какую мысль должна была донести до меня эта книга. Но это нисколько не изменило моего решения.

На следующий день я снова навестила Разию и из ее дома, как уже было, отправилась к господину Маджору. На этот раз госпожа Маджор была дома. Я показала им на некоторые места в Новом Завете.

— Вот, — сказала я, — здесь написано, что я должна креститься. Вы могли бы меня крестить?

Маджор покачал головой:

— Дочка, мы в нашей деноминации не крестим. — Он как-то странно смотрел на меня: — Ты осознаешь, что может случиться, если ты это сделаешь? Скорее всего, ты уже никогда не сможешь вернуться домой. Вероятно, твои родные захотят убить тебя. Да, даже такая любящая семья, как твоя, может полностью измениться, когда они увидят, что кто-то из их числа оставляет мусульманскую веру.

Наступило короткое молчание. Я пыталась представить себе такой поворот событий. Стать для своей семьи изгоем или быть убитой родными... Мне вспомнился семейный совет... Ястребиные взгляды, направленные на меня. Потом я вспомнила последние слова отца, адресованные моим братьям: «Позаботьтесь о вашей сестре». Нет сомнений, что они, в конечном итоге, выполняют этот наказ. Но даже, если они этого не сделают и попы-

таются причинить мне вред, я все равно должна следовать путем, который избрала. Слова Иисуса пустили корни в моей жизни. Теперь я ощущала свежесть, жизненную энергию и рост там, где до этого было бесплодие религии, зацикленной на прошлом.

Чтобы не оставалось сомнений в моей решимости, я сказала твердо:

— Иисус-Эммануил велел мне быть Ему свидетелем. Для меня следующий шаг — крещение. Я должна быть послушна, иначе потеряю мир, который у меня есть сейчас. Лучше умереть с Христом, чем жить без Него.

Маджор посмотрел на жену, она слегка кивнула в ответ. Он снова перевел взгляд на меня: — Пусть будет так. Если Иисус сказал тебе об этом так ясно, ты не должна идти против Его воли. Однако будет нехорошо, если кто-то увидит нас вместе по дороге в Лахор. Вы с женой поедете на автобусе. Ей, в любом случае, надо отвезти нашу дочь в школу. Я приеду потом.

— Конечно, Гюльшан, я буду рада составить тебе компанию, — сказала госпожа Маджор, беря мои руки в свои. Это было такое человеческое прикосновение — радушный прием в семью моих новых единоверцев.

Я без лишних эмоций изложила свои планы: как будто речь шла не обо мне, а о ком-то другом. Говорят, что ислам родился в пустыне, и его последователи прошли суровую школу послушания. Личные чувства никогда не считались достаточной причиной для отступления. Поэтому, следуя за Иисусом, я имела возможность применить вы-

работанную на протяжении всей моей жизни привычку быть послушной — даже когда мои чувства мне изменяют.

Тем не менее, при составлении планов я не могла допустить, чтобы дверь в семью закрылась для меня навсегда. Честно говоря, я надеялась, что смогу принять крещение, а затем вернуться домой и жить своей жизнью. Тогда я не была еще наставлена в вере и думала, будто все, чего требует от меня Иисус, — это сделать несколько шагов: найти христиан, рассказать им о своем исцелении и принять крещение.

Однако Маджор смотрел дальше, чем я:

— Не бери с собой деньги и украшения. Если возьмешь, на христиан могут подать в суд. Он говорил об этом очень серьезно. Я смотрела на него и все понимала правильно. Он говорил о полном разрыве, как если бы от меня потребовалось отказаться от всего. От всего? От денег, украшений, дома, земли, любви моих родных, поддержки семьи? Мог ли Иисус требовать от меня такого? Мог ли Он подарить мне исцеление, чтобы забрать все, что было дорого для меня?

Когда в тот день я вернулась к Разие, я спросила:

— Можно будет еще раз навестить тебя через пару дней?

— Конечно, — ответила Разия, — буду тебя ждать.

Дома я сказала тете и дяде, что через пару дней на некоторое время уеду погостить к Разие, и, возможно, мы съездим в Лахор.

— Я подпишу чек на 75 тысяч рупий, чтобы вы

могли оплатить все счета, пока я буду отсутствовать, — сказала я дяде.

— Где вы остановитесь в Лахоре? — поинтересовалась тетя: ее насупленный вид выражал неодобрение моего плана, хотя возразить мне она не могла. Теперь я была самостоятельной, к тому же на чеках должна была стоять моя подпись.

— Могу остановиться у сестры и брата, — сказала я беспечно. — Я напишу письмо.

На следующий день я попросила тетю пойти со мной на могилу отца. Она одобрила мое желание почтить его память. Мы нарвали цветов в саду, и я возложила их на могилу с чувствами, которые трудно описать. Глубокое уважение к его памяти смешивалось с осознанием того, что вечность на самом деле не такая, как он меня учил: не чувственные райские наслаждения, но присутствие Иисуса.

В последний вечер перед поездкой я пошла в сад, в котором часто сидела в годы беспомощности. На том самом месте, где когда-то был установлен гроб отца, я опять вспоминала о нем, с печалью и тоской.

Солнце погрузилось в огненно-красные облака и окрасило стены нашего дома. Я шла среди цветов и плодовых деревьев, вдыхая аромат роз и апельсин. Ночной бриз шелестел листвой апельсиновых и манговых деревьев. Небо окрасилось в багровые и темно-синие полуночные тона. Взошла луна. Звезды, как маленькие алмазы, сияли в бархатных складках ночи. В доме горели огни: дом светился теплотой и уютом. Уходить не хотелось. Я как будто видела все это впервые — теперь, когда

мне предстояло с этим проститься. Притаившимся среди деревьев теням я не позволила напугать меня.

«Зачем это нужно? Можно следовать за Иисусом без этого. Ты можешь все потерять, если сделаешь это». Мысли приползали ко мне из темноты. Но в ответ на них как будто тихий голос прозвучал в голове и напомнил прочитанный в Новом Завете стих: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня... кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Матфея 10:37-38).

Я снова посмотрела на свой дом: вспомнились не только счастливые моменты, но и времена, когда дом казался мне тюрьмой, а я была узницей и тешила себя надеждой, что иду по дороге в рай. Я высказала свои мысли вслух: «Все меняется. Но этот дом я всегда буду носить в своем сердце». Я пошла в дом и принялась собирать вещи.

Утром я подписала два чека. Один, на 75 тысяч рупий, я дала дяде на содержание дома, чтобы денег хватило на все, и ему не пришлось бы разыскивать меня раньше времени. Другой чек, на 40 тысяч рупий, я намеревалась дать Разие, чтобы она согласилась помочь мне в осуществлении моего плана.

Я оставляла дверь приоткрытой на случай, если вдруг захочу вернуться домой.

15 марта я проводила дядю на работу и, сдерживая слезы, поцеловала тетю, Салиму и Сему. Тетя спросила:

— Может, сказать водителю, пусть отвезет тебя прямо в Лахор? Как же ты там, в Лахоре, будешь

без машины? Может, служанкам поехать с тобой? Твой дядя очень переживает за тебя.

— Пожалуйста, не волнуйся, тетя, — сказала я. — Я напишу тебе письмо.

Этим ей пришлось удовольствоваться.

Маджид подъехал, и я села в машину. На повороте, когда мы выезжали, я оглянулась на наш тихий белый дом и через мгновение потеряла его из виду. В заднем стекле «мерседеса» стражник видел мою руку — на прощание я махала ему из-за занавесок.

Было несложно убедить Разию исполнить мое желание, особенно когда я дала ей деньги. Но я не назвала ей настоящей причины своего странного поведения. Я пыталась выиграть время, чтобы никто не смог помешать моему крещению.

— Это тебе за то, что была моей учительницей и хорошо ко мне относилась. Я еду в Лахор погостить у друзей. Теперь я самостоятельная, и мне надоело объяснять каждое свое действие дяде и тете. Им я сказала, будто еду с тобой, чтобы они не волновались.

На красивом лице Разии появилось сомнение:

— Я, конечно, все сделаю, чтобы помочь тебе, но вдруг твои родственники приедут искать тебя и увидят меня здесь?

Я поспешно ответила:

— Пожалуйста, если кто-то из них приедет меня искать, сделай так, чтобы они не сомневались, что ты со мной в Лахоре. Пусть к ним выйдет твоя мама, а ты спрячься в доме. Прости, что не могу тебе все объяснить.

Разия была удивлена, но сказала:

— Конечно, Гюльшан. Как пожелаешь. Думаю, мы хорошо друг друга знаем и можем доверять.

Интересно, что бы она подумала, если б узнала мои истинные намерения.

Как и прежде, от ее дома я поехала в двуколке к Маджор и его жене, которые тепло приняли меня. В тот же день на машине меня отправили в Лакхор — в дом, где преподобный Аслам-Хан и его жена принимали обратившихся в христианство мусульман.

Так начался новый этап моей жизни — новообращенной среди христиан. Все получилось совсем не так, как я себе представляла.

Крещение

Господин Аслам-Хан оказался очень добрым человеком и, похоже, смог понять проблемы, с которыми я столкнулась. Для меня он вскоре превратился в Аба-джи — отца. Ама-джи — госпожа Хан — была тоже добра, но по-своему. Худошавая волевая женщина, она все время была занята работой по дому, и от меня она ждала того же.

Когда я приехала, она показала мне комнату для гостей, с простой кроватью в виде рамы, переплетенной ремнями. У меня промелькнуло воспоминание о роскошной кровати у меня дома — широкой, с мягким хлопковым матрасом.

Она сказала:

— Вот твоя комната. Это — ящики для одежды. Туалет — там. У нас много работы, потому что много посетителей. А сейчас извини, мне надо дать несколько распоряжений горничной. Если тебе что-нибудь понадобится, спрашивай горничную.

И она поспешила из комнаты.

Я, как могла, старалась угодить госпоже Хан, но, поскольку никогда прежде не занималась работой по дому, чувствовала себя глупой и неуклюжей. Однако я не желала, чтобы мне делали замечания по поводу того, как я справляюсь с нехитрой работой, которую мне поручали.

Когда хозяйка подходила и проводила пальцем по только что протертым мною вещам, я чувствовала стыд и гнев. Я прятала эти чувства в себе — и они бродили во мне и отравляли мои первые дни в

этом доме. Мне хотелось повернуться к ней и сказать:

— Вы правы, Ама-джи. Я сделала это плохо. Но поймите, что до того как я попала сюда, мне ничего не приходилось делать самой. Я никогда не мыла посуду, не вытирала пыль, не застилала кровать, не стирала одежду, даже сама не расчесывалась и не одевалась. И это не только потому, что у нас было много слуг, — я много лет была совершенно беспомощной.

Но ничего такого я не говорила. Для нее это прозвучало бы как попытка найти оправдание или, что еще хуже, как проявление гордыни. Она, наверно, ответила бы, что теперь-то я здорова и должна учиться, или что я, на самом деле, крайне ленива. Несколько ночей я не могла спать: как будто шепот доносился из темноты: «Еще не поздно. Твои братья и сестры плачут по тебе. Может, вернешься?»

Я представила лица тети и дяди — они печально смотрели на меня. Я не могла лежать, встала и бродила по комнате. Не в силах заглушить глумливый шепот, я воззвала к Иисусу: «Я подчинилась Тебе и чувствую, что иду путем, который Ты указал. Почему мне являются эти лица и глумятся надо мной?»

Тихий, нежный голос ответил: «Я всегда с тобой. Они не могут причинить тебе вреда». Слова Иисуса наполнили мой разум, я ощутила мир, глумливые голоса затихли.

Приблизительно через неделю проблемы начали решаться сами собой. Я теперь больше двигалась и лучше спала. Ременная кровать перестала

быть неудобной. Я прочитала то, что полностью изменило мое отношение к любой домашней работе: «Он встал с вечера, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан» (Иоанна 13:4-5).

Для меня это было что-то новое. Я хорошо запомнила этот пример смирения и служения. Он поразил самый корень моей гордыни. Когда я выполняла порученную мне работу, то мысленно возвращалась к Иисусу, ставшему слугой. Теперь мне было нетрудно служить другим ради Него.

До крещения я провела в этом доме пять недель. Я спрашивала преподобного Аслам-Хана, чем вызвана задержка, но он отвечал:

— Надо еще кое-что устроить. Позже я поняла, что он хотел понаблюдать за мной и убедиться в серьезности моего намерения креститься. Получилось бы плохо, если бы я, сделав этот шаг, потом вдруг пошла на попятную. Во мне начало расти беспокойство, что обо всем узнают мои родные. Я боялась, что они станут расспрашивать обо мне Разию, и написала ей письмо: «У меня здесь дела, и я пока не могу вернуться. Пожалуйста, не говори родным, где я. Скоро я все тебе объясню».

Потом я узнала, что Разия и ее мать сдержали слово и сумели сохранить мою тайну, хоть это и создало для них много проблем. Я рада, что теперь Разия замужем. Она — порядочная женщина и верная подруга. Даже не понимая моих действий, она, несмотря ни на что, защищала меня в те дни.

Пока жила в доме господина Хана, я посещала методистскую церковь на улице Уоррис. Находясь среди христиан, я обрела большую свободу в поклонении Богу. Здесь многое было по-другому.

Первым, на что я обратила внимание, когда зашла в церковь, были украшения. В мечети все украшения сугубо номинальные — слова из Корана, мозаичные узоры, колонны, купола, ковры. Также для украшения используются светотени. В мечети не увидишь изображения человека, не говоря уже об изображении Бога, ибо «как может тот, кто сотворен, изобразить своего Творца»? В церкви были окна из цветного стекла с изображением молящегося Иисуса. На столе стояли цветы, играла музыка. Над аркой вместо надписи по-арабски были слова: «Вот Я стою у двери и стучу». Я задумалась. В Пакистане люди часто стучат. Обычно они сильно колотят в двери и ворота. Но стук Иисуса в дверь моего сердца был такой мягкий.

Следующим, что бросалось в глаза, — семьи сидели вместе: мужчины, женщины и дети. Одинокие прихожане присоединялись к этим семейным группам. У нас в мечеть обычно ходили только мужчины. Женщины молились дома. Я понимала, что большинство наших женщин получают очень мало наставления. Коран учит, что женщины ниже мужчин, хотя и акцентирует внимание на справедливости и равенстве в отношении женщин. Считается, что в мечети мужчины представляют своих женщин. У христиан — совершенно иначе. Бог обращается к каждой душе через Иисуса, который умер за каждого.

В Библии сказано, что во Христе нет националь-

ных различий (еврей или грек), классовых (раб или свободный) или половых (мужчина или женщина). Замечательное, равное отношение. Бог принимает поклонение от меня так же, как от моих братьев во Христе. Общение верующих выражается в том, что мы собираемся вместе как Тело Христово.

Я ощущала невидимые нити, связывающие во едино всю церковь в христианском общении — в молитвах за больных, старых и нуждающихся. Я чувствовала себя принятой в их круг. Постепенно я начинала осознавать, что церковь занимает место оставленной мною семьи. Здесь у меня было много братьев и сестер.

Я заметила, что проповедь священнослужителя проста, но затрагивает глубокие вопросы в книге, доступной моему пониманию. Через это учение со мной говорил Господь Иисус, не напрямую, как это было раньше, в моей комнате, но так, что я могла прилагать истины Библии к своей жизни. При этом я обратила внимание, что проповедник говорит так, будто пытается в чем-то убедить некоторых слушателей. Я начала осознавать, что не все люди, называющие себя христианами, настолько же искренни, как я. Среди мусульман такое тоже бывает, но я росла в строго ортодоксальной семье и тогда об этом не догадывалась.

Хозяева дома предупредили, чтобы я не слишком много рассказывала людям о себе. Тем не менее, я рассказала о своем исцелении и обращении в христианство людям из церкви. Они изумились: «Ты хочешь сказать, Иисус явился тебе в твоей комнате и исцелил тебя?» Я не могла понять, по-

чему произошедшее со мной вызывало такое удивление. Неужели Иисус не может действовать в жизни каждого верующего так, как в моей?

«Тебе дается по твоей вере», — сказал Абаджи, когда я пришла к нему с этим вопросом. Его ответ многое для меня прояснил. Чтобы замечательные духовные переживания продолжались и жизнь была полна чудес, — необходима вера. Я вспомнила неудачную поездку в Мекку и поняла, что, хотя я этого и не осознавала, моя вера росла. Я получила ее как дар — эту веру, способную передвигать горы. Она выросла из беспомощности и нужды. Мой вопль был услышан Богом, которого я не знала, но Он знал меня. И Он действовал в моей жизни. В ночной тишине я приняла твердое решение не ослабевать в вере независимо от того, какие препятствия встретятся на моем пути.

Наконец, наступил день моего крещения — 23 апреля. Все происходило в одном из помещений дома, где имелся специальный резервуар. Присутствовали Маджор с женой и еще несколько друзей. Церемонию проводил священнослужитель из церкви на улице Уоррис. Он погрузил меня под воду, и я почувствовала, что прежняя Гюльшан остается там, на дне резервуара, вместе с ее старыми мыслями и желаниями.

Из воды вышла новая Гюльшан, которая «погребена с Ним в крещении и воскресла к обновленной жизни». Эта новая жизнь струилась внутри меня, и мне не терпелось свидетельствовать о ней. Старейшины дали мне новое имя — Гюльшан-Есфирь. Потом я прочитала, что Есфирь свидетельствовала царю о Божьем народе — евреях и подвер-

гала себя большой опасности. Это имя подходило к моей ситуации.

После церемонии ко мне подходили женщины и целовали меня в лоб. Мужчины пожимали мне руку и поздравляли с вхождением в церковь Христа. Их истинная христианская любовь согревала меня. Когда все разошлись, Аслам-Хан спросил о моих чувствах.

— Все хорошо, — ответила я, — но теперь я хочу свидетельствовать обо всем, что со мной произошло.

Он покачал головой:

— Ты можешь свидетельствовать и без слов — своими делами.

Но я помнила, что Иисус сказал мне: «Ты — Мой свидетель. Иди к Моим людям». Не желая отступить, я подняла глаза и посмотрела на Аслам-Хана:

— Но я чувствую, что Иисус хочет, чтобы я свидетельствовала. Можно, я выступлю в церкви?

— Думаю, ты к этому не готова. Ты еще не свидетельствовала у себя дома. Богу было бы это угодно, — ответил он.

Но он не знал новой Гюльшан-Есфири. Я сказала:

— Хорошо. Если я не могу свидетельствовать здесь, то мне придется поехать домой и обо всем рассказать семье. В любом случае, я должна это сделать.

Он встревожился:

— Нет, для тебя это будет опасно. Им не понравится, что ты крестилась. Они могут причинить тебе зло.

— Не думаю, что родные станут причинять мне зло. И я не поеду, пока не почувствую, что для этого настало время. А пока могли бы вы отправить меня в библейский колледж? Я бы хотела узнать больше, чтобы потом лучше рассказать обо всем своей семье.

Он пристально посмотрел на меня. Мне было интересно, о чем он думает. Я немного смутилась от настойчивости, с которой добивалась своего. Я была молода и горела рвением. Мне хотелось исполнить работу, которую, как я была уверена, поручил мне Бог. Но у меня было еще так мало опыта. Я только начала свое настоящее жизненное па-ломничество.

— Думаю, пока это невозможно, — твердо сказал Аслам-Хан. — Ты слишком молода в вере. Но если хочешь заняться христианской работой, можем определить тебя в школу для слепых «Восход».

Он рассказал мне об этой школе. Там заботились о слепых детях, которые не могли обучаться по обычной системе. Он хотел рекомендовать меня туда воспитательницей. Меня увлекла эта идея, и я согласилась.

С директором школы мы были уже знакомы. Оставалось договориться, чтобы он заехал за мной на своем фургоне. На следующий день мы перебрались по старому мосту Рави через грязные воды реки и въехали во двор школы «Восход». Я чувствовала, что окончательно отрываюсь от своей прошлой жизни. Теперь я — новый человек, с новым именем и новой судьбой. В школе для слепых начался новый этап моего роста. Прежде я сама все-

цело зависела от других людей, а тут вдруг на меня легла ответственность за группу маленьких слепых детей и забота об их физических нуждах. Я оказалась в совершенно ином мире, и мне приходилось учиться жить в нем. Это было нелегко.

Нелегко, но гораздо лучше, чем могло быть. Добротное здание из красного кирпича многое повидало с тех пор, когда его построил под больницу-лепрозорий индийский благотворитель сэра Ганга Рам. Его прах покоился в находившейся неподалеку обветшавшей усыпальнице. Мисс Фиссон в 1958 году устроила в этих стенах христианскую школу для слепых и проработала в ней до выхода на пенсию в 1969 году. Я думала о ней с благодарностью.

Для меня это было прекрасное место, чтобы научиться жить во внешнем мире — вне завесы. В знак разрыва со старой жизнью я коротко подстриглась и заказала портному два белых пальто, чтобы, выходя на улицу, можно было носить их поверх *шальвар-камиза*.

К своему огромному удовольствию, я обнаружила, что работа здесь хорошо оплачивается, но не рупиями — (месячное жалование было всего 40 рупий), а безоговорочной любовью моих маленьких подопечных.

В школе учились дети от пяти до шестнадцати лет. Мусульман и христиан среди детей было поровну. Они счастливо трудились и играли вместе. Разделяли их только на время молитвы и занятий по религии. В моем отделении было сорок детей. Я должна была присматривать за мальчиками младшего возраста: ходить с ними в столовую,

быть их глазами на территории школы и спать в их спальне. Мне надо было заботиться об их одежде и частично о стирке, помогать умываться и заправлять кровати, а также следить, чтобы они тщательнее мыли посуду после еды — обычно это получалось у них плохо. Еще я мыла окна и скоблила столы. К тому же я должна была учить детей Библии. Раз в две недели наступала моя очередь водить детей в церковь.

Со мной работали еще две воспитательницы-христианки. Они были двоюродными сестрами. Поначалу они отнеслись ко мне недружелюбно. Мы работали рядом, но они разговаривали только между собой и всячески старались выразить свое нерасположение ко мне. Однако через несколько дней наши взаимоотношения потеплели. Девушки стали помогать мне в делах, которые оказывались для меня слишком трудными. Еще они были моими переводчицами в общении с директором, не говорившим на урду, а только по-английски. Теперь, когда им приходилось идти в офис директора за мылом или пастой, они звали меня с собой. Девушки помогли, когда у меня возникли проблемы с руками.

Работа была грубая, а мои руки были слишком нежные и непривычные к такому труду. После первой недели кожа начала шелушиться от мыла, которым мы стирали одежду. Потом я обварила руку на кухне. И, наконец, когда скоблила столы, загнула занозы, так что руки начали кровоточить. Это причиняло мне сильное неудобство. Росина, одна из сестер, пошла со мной к директору, чтобы быть моей переводчицей.

Директор мне посочувствовал и дал Росине мазь от ожогов. Потом он сказал мне:

— Я не могу найти для тебя работу полегче. Мне жаль, но если ты не справляешься, скорее всего, тебе придется уйти. Может, другие смогут чем-нибудь помочь тебе.

— Не переживай, мы тебе поможем, — утешила меня Росина, когда мы возвращались в свое отделение. Я благодарно ей улыбнулась.

Когда я вернулась в свою комнату, то обратилась со своими тревогами к неиссякаемому источнику утешения. Вскоре я поняла, что мои руки всего лишь обожжены, причем по моей же неосторожности. Руки Христа были прибиты к кресту за меня. В сравнении с Его страданиями мои страдания были ничтожны. Однако мне еще предстояли куда более серьезные сражения. Вскоре после моего прибытия в школу «Восход» я позвонила младшему брату — Алим-Шаху:

— Думаю, тебе следует знать, что теперь я — христианка. Я работаю в школе для слепых в Лахоре.

На другом конце провода слышалось тяжелое дыхание:

— Что ты наделала? Вернись домой и забудь про все это.

— Я нашла путь, истину и жизнь. Как же я могу это забыть?

Алим-Шах сказал:

— Ты, наверно, сошла с ума! Если будешь упорствовать, мои двери навсегда закроются для тебя. Я буду считать, что ты умерла.

— Пусть так, но скажи мне, могу ли я оставить

истину ради того, чтобы вернуться к вам? Я ни за что этого не сделаю.

Его голос звучал неумолимо и ровно:

— Понятно. В таком случае мои двери для тебя закрыты. Тебя больше нет. Не хочу видеть тебя, и меня ты тоже больше не увидишь.

Услышав это, я улыбнулась:

— Хорошо. Твоя дверь закрыта, а дверь моего Небесного Отца открыта. Для тебя меня больше нет, потому что я умерла во Христе. Если и ты умрешь во Христе, то будешь жить и тогда увидишь меня.

В ответ он бросил трубку.

В тот же день я написала дяде, что стала христианкой и приняла крещение. Это же я написала Сафдар-Шаху. Я ждала их реакции с беспокойством. Мне бы хотелось, чтобы они приняли меня такой, какой я теперь стала, поняли меня и позволили вернуться. В глубине сердца я знала, что это невозможно. Вернись я домой, родные ни за что бы не допустили, чтобы я выражала свою веру так, как считаю нужным.

В то время, по совету преподобного Аслам-Хана, я не вверяла себя никому в школе. Мое положение было шатким, оппозиция набирала силу, и добрый священнослужитель переживал за меня и тех, кто был со мною связан. Когда дети расспрашивали обо мне, я избегала прямых ответов. У меня для них было много других рассказов. Они любили слушать, когда я пересказывала им истории из Библии.

— *Обаджи!* — кричали дети, когда надо было ложиться спать. — Пожалуйста, расскажи нам еще что-нибудь.

— Хорошо, но только одну историю, и я погашу свет.

Я читала и пересказывала истории Иисуса: про девяносто девять овец в загоне и одну потерянную в горах и одинокую. Я рассказывала о блудном сыне: он взял у отца свою часть наследства и отправился в далекую страну. Там он потратил все деньги. Никому не нужен был такой друг или зять: ни один отец не доверил бы ему приданое своей дочери. Я также рассказывала истории, вошедшие в Коран, — про Авраама, Исаака, Исмаила, Сарру и Агарь. Мусульмане верят, что Авраам, которого они называют Ибрагимом, хотел принести в жертву Исмаила. В Библии написано, что Авраам был готов принести в жертву Исаака, который являлся его законным и единственным сыном.

В школе действовало правило, запрещавшее в разговоре с мусульманскими детьми придавать этим историям оттенок той или иной религии. Я придерживалась этого правила и рассказывала оба варианта, а потом спрашивала у них:

— Какая из двух историй правдива?

Мнения мусульман и христиан разделялись. Каждый считал правдивой свою историю, но, по крайней мере, от меня они узнавали, что у той же истории есть и другая версия. Мы вместе пели. Я разучивала с детьми песни и церковные гимны, которые им очень нравились. Одну песню мы пели с особым удовольствием:

*Эти слова пропой мне еще,
Дивные жизни слова,
Дай мне увидеть их красоту,
Дивные жизни слова.*

Около девяти часов вечера наш день заканчивался, и у меня было время читать и изучать Библию для себя. Всякий раз, когда я открывала ее, происходило нечто, как будто у меня был переводчик, помогавший понимать прочитанное. Если в один из вечеров я спрашивала себя: «Что это значит?», то могла быть уверена, что пройдет немного времени, и мне все станет понятно. Моя духовная осведомленность постоянно росла.

Такое обучение дополнялось тем, что я получала от слепых детей. Они принимали свою неполноценность с терпением и жизнерадостностью. Мне это нравилось. Я смотрела на них и училась. Я наблюдала, как они играют, и думала, что тоже когда-то была слепа и не видела Божьей любви. Теперь я прозрела.

Моя семья пошла в наступление. Сафдар-Шах прислал мне письмо. Я ожидала этого с ужасом. Начало было, как всегда, вежливым: он писал, что не ожидал получить от меня такого известия:

«Моя дорогая сестра. Ты всегда сильно любила Бога. Наш отец очень любил тебя, и ты многое узнала от него про ислам. Я мог бы не говорить об этом — ты сама это знаешь. Ты также знаешь, что дочь в семье Сайедов не может идти путем, которым идешь ты. Ты должна вернуться.

Алим-Шах рассказал мне, что ты стала христианкой и поверила, что Иисус — Сын Бога. Для нашей семьи и нашей религии это неприемлемо. Я предлагаю сразу, как только ты прочтешь это письмо, приехать ко мне и выслушать мой совет. Как тебе известно, я распоряжаюсь всем имуществом, записанным на твое имя. Оно не может быть

передано дочери Сайеда, перешедшей в христианство».

Также он писал, что весь Пакистан уже знает, что я — христианка и не могу претендовать на имущество. Заканчивалось письмо так: «Если ты не оставишь христианства, я ни перед чем не остановлюсь, чтобы тебя вернуть. Моя религия разрешает мне убить сестру, ставшую христианкой, и все равно пойти в рай».

Это письмо меня сильно расстроило. Отец завещал мне имущество, потому что любил меня. Теперь они пытались лишить меня всего из-за того, что я стала христианкой. Я вспоминала белые стены своего дома, и мне хотелось плакать. Это было несправедливо.

Когда я молилась об этом, то прочитала в Евангелии от Иоанна (14:1-4): «Пусть сердце ваше покинут тревоги! Вы верите в Бога, так верьте и Мне! В доме Отца Моего комнат много. Будь не так, разве Я бы сказал вам, что иду приготовить вам место? И когда Я уйду, приготовлю вам место, Я вернусь и возьму вас к Себе, чтобы и вы были там же, где Я. А куда Я иду, путь туда вам известен».

Эти слова принесли мне утешение. Мне был обещан небесный дом.

Я разорвала письмо, выбросила клочки в корзину для бумаг и пошла на собрание. Там мы пели «Что за Друга мы имеем», и я вдумывалась в смысл этих слов.

Через три дня последовала новая атака — письмо из дома от дяди. Оно было на десяти страницах, написано на хорошей бумаге, в голубом конверте.

В письме говорилось, что они очень скучают по

мне. Упоминались Салима и Сема: «Кому же теперь они будут прислуживать?» Читать это было больно. Они с любовью просили меня вернуться. Конец письма был таким: «Ты теперь стала атеисткой? Мы молимся, чтобы ты вернулась в ислам и в свой дом».

Солнце освещало школьный двор. На траве играли дети. Я стояла с письмом в руке. Серая тень сомнения и страха протягивала ко мне свою руку. Я свернула письмо и помолилась: «Господь Иисус, я не сделала им ничего плохого. Почему они так себя ведут? Они не оставляют мне выхода. Скажи, как мне им отвечать?»

Потом, когда я снова задумалась об этом, то увидела ситуацию по-другому. Они не отдадут мне моего имущества, так что хотя бы от этого бремени я могу быть свободна. Я могла бы всю жизнь служить в школе для слепых, посещать церковь и поклоняться Богу.

«Разве это не лучше, чем та никчемная жизнь, которой я жила, когда была парализована?» — сказала я себе.

Весь день я думала и молилась о том, как мне ответить и, наконец, написала свой ответ на листочке из школьной тетради: «Дорогой дядя, я получила ваше письмо и внимательно прочитала его. С глубоким уважением мне бы хотелось обратить ваше внимание на пять пунктов:

1. Я нашла путь, который ведет прямо к Богу. Иисус сказал: „Я — дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет“ (Иоанна 10:9). Чтобы попасть в дом, надо войти в дверь. К Богу тоже есть дверь, и эта дверь — Иисус.

Кто не идет путем Христа, не может постучаться к Нему. Пророки — это привратники.

2. Я нашла истину: „А как Я истину говорю, то не верите Мне. Кто из вас обличит Меня в неправде?“ (Иоанна 8:45-46).

3. Я нашла жизнь. Иисус сказал: „Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет“ (Иоанна 11:25).

4. Я нашла прощение грехов.

5. Я нашла вечную жизнь: „Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную“ (Иоанна 3:16).

Вы называете меня атеисткой. Попробуйте, докажите это на основании моих пяти пунктов. Если не сможете, то больше меня так не называйте».

Я ничего не написала об имуществе и не стала затрагивать никаких других вопросов. По сей день я не получила ответа на это письмо.

После этого меня оставили в покое на несколько месяцев. Как я потом узнала, через пару недель после того, как тетя и дядя получили мой ответ, они собрали свои вещи и, сказав, что едут в Карачи, уехали из дома, предположительно в Иран, поскольку они были мусульманами-шиитами. Они поступили так, потому что боялись гнева Сафдар-Шаха, считавшего, что в случившемся виноваты они.

Сестры

Наступил декабрь, мы готовились к Рождеству. Большинство слепых детей должны были разъехаться по домам, но кое-кто оставался. Мы украсили столовую: поставили елку, развесили флажки, соорудили маленькие ясли. Мы видели, как светятся детские лица, восхищенные простой историей младенца Иисуса. Для меня эти дни были особыми — я впервые участвовала в этом христианском празднике. С тех пор я много раз повторяла слова песни: «Нам дан чудесный дар, Бог вложил в сердца людей благословение небес».

Директор и его жена подарили каждому ребенку маленькие подарки: конфеты и игрушки. Мы все в школьном фургоне отправились в Армию Спасения на праздничную службу. Вечером директор с женой пригласили нас, воспитательниц, к себе домой.

Вскоре после Рождества ко мне пришел неожиданный посетитель и принес ужасную весть. Мой зять Блунд-Шах из Равалпинди приехал в школу, чтобы повидать меня. Мы встретились в комнате для гостей. Он выглядел сокрушенно и устало. Он рассказал, что моя сестра Анис серьезно больна и находится в Гуджарате. Последние три месяца она жила там, потому что из-за плохо протекавшей беременности наблюдалась у семейного доктора, переехавшего в Гуджарат работать в больнице. На седьмом месяце плод погиб, и врачи не могли остановить кровотечение.

— Она близка к смерти и постоянно повторяет твое имя. Ты могла бы поехать со мной прямо сейчас? Машина на улице.

Я не могла отказать в такой просьбе. Дверь, которая, как я думала, закрылась навсегда, вдруг приоткрылась.

— Моя бедная сестра! Конечно, я поеду, но мне надо спросить разрешения.

Я извинилась и вышла из комнаты. В ушах зазвучал еле слышный шепот: «Когда ты приедешь, она будет уже мертва. Ты зря потратишь время. Они не позволят вам поговорить. Возможно, они попытаются помешать твоему возвращению».

Прежде чем пойти к директору, я зашла в свою комнату и помолилась. Ответ был ясный: «Поезжай к ней. Она не умрет. Я сохраню ей жизнь».

Я отпросилась на два дня, и быстро побросала вещи в сумку. Мы выехали в пять часов вечера. Через три часа мы были в Гуджарате. Нас встретили страшным сообщением:

— Она мертва, — сказала доктор миссис Хан, — умерла в семь часов. Она потеряла слишком много крови.

Я вошла в комнату, где лежала моя сестра. У нее был измученный вид, желто-серое лицо, синие губы. Муж моей сестры дал волю слезам, его сочувственно вывел из комнаты родственник. Комната наполнилась людьми. Сестру оплакивали родные и соседи. Весть о смерти распространяется быстро, и люди торопятся отдать дань уважения умершему. Я стояла на коленях у ее постели и плакала. «Иисус, — сказала я в своем сердце, — Ты сказал мне, что она будет жива. Что мне делать? Она умерла».

Я продолжала молиться: «Иисус, Ты — путь, истина и жизнь. Соверши чудо, воскреси ее». Я повторяла эту молитву, пока меня не озарила мысль, что Иисус сказал мне: «Она не умрет. Я сохраню ей жизнь». Тогда я молилась: «Господь, дай ей немного жизни, чтобы я смогла поговорить с ней о Тебе». Затем через какое-то время я услышала голос: «Она не мертва. Она жива. Я продлил ее жизнь». После этого я встала и сказала:

— Почему вы все плачете? Она не умерла — она жива.

Мои слова вызвали всеобщее оцепенение:

— Она сумасшедшая. Уведите ее. Заприте ее в другой комнате.

Меня вытолкали и завели в пустую палату. Я слышала, как снаружи щелкнул замок. Теперь я была пленницей. «Господь, пробуди мою сестру, чтобы все поверили, что она жива», — молилась я.

К тому времени начались похоронные обряды и уже готовили гроб. Тело моей сестры омыли и переодели. Утром ее должны были омыть еще раз.

Было около восьми утра, замок щелкнул снова, и меня выпустили попрощаться с сестрой.

Вместе с другими женщинами я стояла у кровати сестры. Жена *маули* произнесла *Калмас* над телом. Она и еще три женщины стали переносить тело для последнего омовения. Руки и ноги сестры окрасили красной хной — знак счастья и знак крови. После этого ее должны были завернуть в ткань и положить в ящик.

Вдруг сестра шевельнула рукой, открыла глаза, резко села и удивленно огляделась. Затем она рассеянно рассмотрела свои руки и спросила:

— Что происходит?

Люди заголосили, кто-то упал в обморок, кто-то выбежал из комнаты. Поднялась невероятная паника. Я обняла Анис, а она прижалась ко мне. Люди начали возвращаться в комнату. Потом все посмотрели на меня:

— Что ты сделала? Разве может мертвец сидеть?

Меня переполняла радость и ощущение Божьего величия. Я сказала с улыбкой:

— Спросите у нее, что произошло.

Анис сказала, как всегда, спокойно:

— Не бойтесь меня. Я жива.

Услышав суматоху, в комнату вбежали муж Анис, *имам, маулви и муэдзин* из мечети. *Маулви* положил ей руку на голову и спросил:

— *Бати*, скажи мне правду. Что случилось? Что случилось с тобой? Ты умерла четырнадцать часов назад. Мы готовились тебя хоронить!

Она ответила:

— Я не была мертва.

Женщина-врач стояла рядом:

— Ты была мертва. В тебе не было жизни, — настаивала она.

— Нет, я спала, — сказала сестра. — Во сне я видела, как будто собираюсь встать на ступеньку лестницы. Наверху лестницы стоял мужчина в белом одеянии и в золотой короне. От его лба исходил свет. Я видела его руку надо мной. От его руки исходил свет. Он сказал: «Я — Иисус Христос — Царь царей. Сейчас Я отправлю тебя назад, но в назначенное время приведу сюда снова». Тогда я открыла глаза.

Когда она говорила, ее лицо светилось радос-

тью. Не описать словами, как была счастлива наша семья. Я воспользовалась случаем и рассказала всем, кто хотел меня слушать, о Пророке, творящем чудеса, который на самом деле больше чем пророк — об Иисусе.

Даже муж Анис, прежде настроенный решительно против меня, теперь говорил, что мои молитвы вернули его жену к жизни.

— Кто этот великий пророк, которого ты видела? — спросил он меня через три дня, когда разъехались гости.

Я взяла Коран и показала ему места об Иисусе в *суре Марйам*. Потом я показала ему историю о воскресении Лазаря в Евангелии от Иоанна (11:43-44).

— Верить теперь, что Иисус воскрешает из мертвых? Здесь написано, что Иисус повелел Лазарю выйти, и он вышел.

В ответ он медленно произнес:

— Да, я верю, что это сделал Иисус. Сын Марии. Моя жена получила вторую жизнь. Похоже, он был доволен и принимал мои слова.

Но самые большие перемены произошли в самой Анис. Она всегда относилась ко мне с любовью, но теперь просто излучала радость и мир. Я слышала, как она пересказывала *маулви* и его жене свое видение Иисуса. Я заметила, что они слушали ее рассказ с большим вниманием. Но вскоре они начали смотреть на меня с неприязнью.

— Расскажи мне об Иисусе, — как-то раз тихонько попросила Анис, когда нам, наконец, удалось ненадолго уединиться. Я дала ей маленький Новый Завет, и она пообещала его прочитать. Ей

хотелось, чтобы кто-то помог ей понять, что там написано. Она начала читать Евангелие от Матфея, и я объяснила ей, как Иисус родился и какой была Его родословная.

— Молись за меня. Я буду верна тому, что видела, и последую за Тем, Кто дал мне жизнь, — сказала она. — Я замужем, так что за меня надо молиться.

Мои глаза наполнились слезами. Я хорошо понимала ее положение. За всем происходящим я совсем забыла о школе «Восход», но вдруг осознала, что пора возвращаться. Честно говоря, мне не терпелось вернуться и кому-нибудь рассказать об этих чудесах. Когда я уходила, чтобы на автобусе вернуться в Лахор, Анис пожала мне руку и сказала:

— Моя дверь для тебя открыта. Приезжай ко мне, когда тебе угодно. Пусть родня не хочет тебя видеть, но я всегда буду тебе рада.

Автобус отошел от гуджаратского автовокзала, переполненный пассажирами — сельскими и городскими. Я сидела и осмысливала события этой поездки, теперь оставшиеся в прошлом и тающие, как счастливый сон. Мне стало ясно одно: я по-прежнему люблю этих людей и их мир, хоть и не могу больше жить в нем. Я — паломник, но не в Мекку. Я иду прямым путем к Богу через Иисуса. Школа «Восход» — это часть моего паломнического пути. Автобус ехал в Лахор, и я с нетерпением ждала, когда смогу снова увидеть моих слепых мальчиков.

Я допустила досадную ошибку. Об этом мне сказало школьное начальство, когда я через какое-то

время предстала перед ним. Я опоздала на два дня. «Ты отпрашивалась на три дня, а отсутствовала пять». Был неприятный разговор, меня уволили, не дав возможности все объяснить. Я положились на Божью защиту и отдала суд Ему.

Несколько минут спустя я стояла у фонарного столба на дороге в Равви, все еще ошеломленная внезапностью моего изгнания. Я чувствовала голод. Время было послеобеденное, а я ничего не ела с раннего утра. Было холодно и пасмурно. В такой день рано темнеет. Я вспомнила, что мне не вернули из прачечной кое-что из моей одежды и постельного белья. Я представила терпеливые лица слепых мальчиков, и у меня навернулись слезы. Их *баджи* не расскажет им больше историй. Еще мне были должны деньги. У меня оставалась только маленькая сумма, которую мне дала утром сестра. Я стояла там в растерянности. Место было безлюдное. Я понимала, что если что-то случится, никто не станет заступаться за женщину, оставившую ислам.

«Отец, — сказала я Богу, предавая свою судьбу в Его руки, — в этом городе живут люди, хорошие и плохие. Найдется ли у Тебя место для Твоей дочери? Пожалуйста, скажи, куда мне идти?» Я спрашивала и уже знала ответ: «Вернись в Гуджарат».

На билет денег хватало. Я села в автобус, отправлявшийся в два часа пополудни, потом взяла двуколку и своим появлением удивила сестру. Она обхватила меня и радостно сказала:

— Я так счастлива, что ты вернулась. Будешь объяснять мне Библию.

Даже Блунд-Шах был рад моему возвращению, поскольку я могла теперь составить компанию его жене. Она скучала по детям. Две их дочери, шести и восьми лет, были в Равалпинди у дедушки с бабушкой. Блунд-Шах тоже уезжал туда в командировки — он был компаньоном в автобусном бизнесе.

Какое-то время мы беспрепятственно наслаждались нашей новой дружбой. Как два молодых ягненка, мы паслись на зеленых пажитях Божьего Слова. По мере того как сестра утверждалась в новой жизни, в ней происходили видимые перемены. Она уже не таким командирским тоном обращалась со слугами и иногда делала что-то сама. Она даже просила, чтобы слуги ели первыми и говорила: «Сначала ест тот, кто беден». Она нашла стих: «Почитай других выше себя». Мне хотелось уяснить, что ею движет на самом деле, и я спросила:

— Почему ты это делаешь?

Она ответила:

— Я хочу знать, где я буду, если завтра умру. Я пытаюсь быть Его послушной рабой.

У служанок это вызывало удивление:

— С тех пор, как наша *Биби* воскресла из мертвых, она стала как ангел, — говорили мне служанки. Они старались для нее, как никогда прежде, и служили ей от всего сердца. Ко мне они относились с большим уважением.

Однажды сестра спросила меня о моем крещении. Она внимательно слушала, когда я объясняла его смысл. Я сказала:

— Если по-настоящему хочешь жить, то важно,

чтобы ты была похоронена со Христом в крещении. Когда мы крестимся, очищаются наши тело, разум и душа, и мы становимся Его людьми.

Тогда она сказала:

— Я хочу креститься, ведь я теперь христианка. Мое сердце изменилось, и я хочу сделать следующий шаг.

Моя радость смешивалась с тревогой. Мне дорого обошлось мое крещение. Понимает ли сестра, какую цену придется ей заплатить за этот поступок?

Но Анис настаивала:

— Мне будет плохо, если я не приму крещение, — сказала она. — Я буду тогда ни мусульманка, ни христианка. Я буду никто.

Она говорила это твердо, и я сдалась. Какое право я имела отказывать ей в помощи? Но я сразу поняла, что обратиться с такой просьбой к священнослужителю — значило бы навлечь беду со стороны родственников Блунд-Шаха. Я сама должна была выполнить церемонию.

В один из дней мы попросили служанку наполнить глубокую цементную ванну теплой водой и приготовить чистую одежду и несколько полотенец. Потом мы велели служанке уйти. Я видела любопытство в ее темных глазах, когда закрывала за ней дверь ванной.

Мы с Анис стояли в воде. Я спросила, может ли она исповедать веру во Христа. Она сказала:

— Я хочу похоронить себя прежнюю и быть новой в Иисусе. Я буду Ему верна.

Затем я погрузила ее в воду во имя Отца, Сына и Святого Духа и предала ее Божьей защите. Это

был торжественный момент. Потом Анис сказала мне, что когда молилась, она поднялась как будто на крыльях ангелов и увидела людей, славословящих Иисуса. Однако я уже знала, что всякий раз, когда о чем-то радовалась, мне следовало ожидать противодействия темных злых сил. Этот случай не стал исключением. Мой зять узнал о крещении. Я думаю, что та любопытная служанка сказала ему что-то такое, после чего ему захотелось расспросить сестру и выяснить, чем мы занимались.

Анис выглядела испуганной:

— Вчера он меня спросил, и я ему рассказала смысл крещения. Теперь он сердится. Он не понимает, когда я говорю о кресте. Ему это не нравится. Не знаю, как ему объяснить. Думаю, он захочет поговорить с тобой. Постарайся не ссориться с ним, а то он прогонит тебя.

Я пыталась быть особенно любезной с моим зятем, но, в конце концов, ввязалась с ним в спор. Он предложил, чтобы я сказала ему, в чем разница между чтением Корана и Библии. Конечно же, мне пришлось сказать, что разница в Иисусе. Ведь Он — Путь, Истина и Жизнь...

— Читать Библию — нормально, но крест — это ненормально, — сказал Блунд-Шах. — Даже в вашей Библии сказано, что на кресте умирает тот человек, который проклят. Как же проклятый может давать жизнь другим?

Он победно смотрел на меня и думал, что я попала в его ловушку.

Такое начало мне как раз и было нужно. Я прочитала ему из Первого послания к коринфянам (1:18): «Слово о кресте для погибающих юродство

есть». Он молчал, я осмелела и прочитала ему из Евангелия от Иоанна (1:29): «Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира». Сестра сидела и слушала с отрешенным видом. В разговор она не вмешивалась.

Я направила его внимание к Торе и к его мусульманским корням, и объяснила, что кровные заместительные жертвы были установлены Богом во времена Авраама, но после Иисуса они стали не нужны. В подтверждение я прочитала из Книги Бытие (22:11-12) «...не поднимай руки твоей на отрока...» и из Евангелия от Иоанна (12:32): «И когда Я вознесен буду от земли, всех привлеку к Себе». Я сказала ему, что благодаря великой жертве Иисуса на кресте наши грехи были прощены. Иисус — полная и совершенная заместительная жертва. Я рассказала ему, что сначала нашла упоминание об этих вещах в Коране, а затем пришла к более полному пониманию, читая Библию. Я рассказала о пророках, которые предсказывали приход Иисуса. Еще я рассказала, что Библия — не просто книга, но живое слово Бога, и что в Библии я находила помощь во всех жизненных вопросах.

Закончила я тем, что прочитала из Деяний апостолов (4:11-12): «Он есть камень, пренебреженный вами, строящими, но сделавшийся главою угла, и нет ни в ком ином спасения, ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись».

Весь этот разговор происходил в гостиной, в десять часов утра. Блунд-Шах сидел как за гипнотизированный. Потом он очнулся и пристально посмотрел на меня:

— Ты хочешь и меня сделать христианином? Ты живешь в моем доме, ешь за моим столом и осмеливаешься подрывать нашу мусульманскую веру! Убирайся сейчас же, и больше не приходи.

Сестра тайком передала мне немного денег и прошептала:

— В Лахор не возвращайся. Поезжай в Равалпинди. Когда я туда приеду, то найду тебя. Она дала мне адрес подруги их семьи, муж которой был высокопоставленным чиновником в правительстве, а сама она занимала высокие посты в благотворительных организациях, стремящихся улучшить положение женщин. У нее могла найтись для меня работа.

Работа мне была нужна. Я отправилась в двуколке на автовокзал и села на автобус в Равалпинди. Через три с половиной часа я забралась в другую двуколку, которая доставила меня к воротам внушительной резиденции на Пешаварской дороге. Я написала свое имя и имя моего отца, чтобы женщина, с которой я хотела встретиться, поняла, что я — друг семьи и запомнила, как меня зовут.

Когда меня пригласили внутрь, я прошла в высокие ворота в стене и почувствовала, что совершаю правильный шаг. Я верила в хороший результат этой встречи.

В Западне

Женщина приняла меня в гостиной. Я стояла и с трудом выдерживала ее испытующий взгляд. Ее внешность была необычной: выше меня, со светлой кожей и короткой стрижкой. На ней был розовый *шалвар-камиз* и свитер, на плечах — черная вышитая шаль.

Она улыбнулась мне с симпатией.

— Как мило, что ты пришла меня навестить. Мы ведь раньше с тобой не встречались? Мужа нет сейчас дома, он в Исламабаде и вернется только вечером. Он очень занятой человек.

Я прошептала, что слышала, что ее муж — очень важная персона. Женщина грациозно повернула голову и попросила подать нам чай. Пока мы пили его из изящных фарфоровых чашек с цветочным узором, она поддерживала со мной вежливую беседу, интересовалась моим здоровьем и тем, какой была моя поездка из Гуджарата. Ей очень хотелось узнать про Анис. Я не стала вдаваться в подробности, почувствовав, что ей не хочется, чтобы служанки слышали мой рассказ.

После чая она попросила меня следовать за ней. Мы вошли в ее спальню, она закрыла дверь, предложила мне сесть и начала задавать вопросы, которые уже витали в воздухе, но еще не были высказаны:

— Почему ты ходишь с открытым лицом? Почему ты одна? В вашей семье девушки так не ходят. Что с тобой случилось? У тебя какие-то проблемы?

На мне было белое пальто и *шальвар-камиз*, на голове — платок. Я давно уже не носила *бурку*. Мне совсем не хотелось сейчас спорить об этом.

Я сказала:

— Вы удивлены, что я не закрываю лицо. А вас не удивляет, что я могу ходить? Вы знаете, что я была парализованной и девятнадцать лет провела в постели?

— Да, знаю. Но скажи мне, какой доктор сумел тебя вылечить?

— Я вам покажу моего доктора.

Я прочитала ей историю из Евангелия от Марка (2:9-11) о калеке, которого принесли к Иисусу. Иисус исцелил его. Потом я дала ей Библию на урду, чтобы она убедилась сама. Она взяла книгу так, будто это была змея, взглянула и тут же вернула мне.

— Это книга христиан, — сказала она с отвращением.

— Да, правда. Я и есть христианка, — ответила я.

Она вцепилась в подлокотник кресла:

— Что я слышу?!

— Это правда. Я теперь принадлежу Тому, Кто исцелил меня.

— Скажи мне, что ты имеешь в виду.

Я рассказала ей свою историю, не называя имен христиан. Моя собеседница пыталась держать себя в руках. Она встала и несколько раз быстро прошлась по комнате. Потом снова села напротив, наклонилась вперед и посмотрела на меня с сильным беспокойством: — Но если Иисус исцеляет человека, — спросила она, — разве обязательно тому переходить в христианство?

— В моем случае — да. Я нашла новую жизнь, и теперь принадлежу Тому, Кто дал мне ее. За Него меня выгнали из дома. Но я приехала к вам не для того, чтобы говорить о религии. Я хочу спросить, не найдется ли у вас для меня работа в каком-нибудь из ваших женских учреждений. Могли бы вы помочь мне? Мне подошла бы простая работа, я не ожидаю, что она будет высокооплачиваемая.

Последовала недолгая пауза, женщина рассматривала узор на дорогом ковре:

— Понимаю. Знаешь, я подумала, что тебя кто-то похитил из дома, и ты нашла меня, чтобы просить о помощи, — она грустно рассмеялась. — Хорошо, оставайся у нас на эту ночь, а завтра я что-нибудь для тебя подыщу.

Мне отвели отдельную комнату. Служанка принесла ужин. Я коротко помолилась и легла спать. Я очень устала, но чувствовала мир. Семейные связи даже на таком расстоянии были сильнее, чем я думала.

Утром я завтракала в столовой в полном одиночестве. После завтрака я познакомилась с хозяином дома. Он сразу же пошел в наступление и вежливо попросил меня отречься от христианства. Я так же вежливо отклонила его просьбу. Внутри я ощущала дрожь, ведь он имел власть и был в правительстве.

Хоть я и друг семьи, он с легкостью мог избавиться от меня как от надоевшего комара.

Он сказал:

— Подумай над тем, что ты говоришь. У тебя еще есть время вернуться в ислам, а я помогу тебе примириться с семьей.

Была ли в его словах скрытая угроза? Я старалась сохранять спокойствие. Мне предоставлялась возможность, которую не следовало упускать.

— Спасибо, не надо, — сказала я. — Я с ними не ссорилась. Я в мире со всеми. Тот, в Кого я верю — Князь мира. Он и вам может дать мир.

Эти слова прозвучали неожиданно для меня самой.

— Почему ты не оставишь христианство? — он начинал терять свою ледяную бесстрастность. — Не хочешь жить у брата или сестры, так приезжай ко мне и живи хоть всю жизнь.

Это было щедрое предложение и, несомненно, искреннее.

— Благодарю, но мое христианство — это не просто религия, от которой человек может отказаться, когда захочет. Это другая жизнь. Если я откажусь от жизни во Христе, то умру. — Затем я добавила: — Если не можете помочь мне с работой, то скажите. Я уйду и больше вас не побеспокою.

На мгновение он застыл как статуя, а потом отвернулся.

— Ладно, мы для тебя что-нибудь найдем.

Выходя из комнаты, он подмигнул жене. Я слышала, что она позвонила своему водителю и велела приготовить машину.

— Поехали, — сказала она.

Мы сели в машину и отправились в город. Машина остановилась у больших железных ворот. За высокими стенами я видела крыши больших бетонных зданий. Знак на воротах пояснял, что это — Центральная тюрьма Равалпинди. Вот где мне предстояло работать.

Водитель подозвал охранника, чтобы тот открыл ворота. Моя спутница проводила меня внутрь, в кабинет начальника. Несколько минут она говорила с ним на английском. Было понятно, что они говорят обо мне. Потом начальник звонком вызвал пожилую женщину со связкой ключей в руках. Начальник сказал ей что-то, чего я не расслышала, и кивнул в мою сторону. Женщина сказала мне:

— Пойдем.

— Иди с этой женщиной, — сказала моя благодетельница, — здесь тебе будет лучше.

Я горячо поблагодарила ее и пошла вслед за женщиной через веранду на улицу. Женщина открыла ключом решетчатые ворота и впустила меня в длинную, как коридор, комнату с высоким потолком и без окон. Свет проникал в эту комнату через решетчатую дверь в одной из стен. В противоположной стене была глухая дверь. Человек десять женщин сидели на корточках на грязных циновках из пальмовых листьев и на кусках мешковины или стояли, прислонившись к стене, с выражением полного безразличия. Я слышала, как за мной захлопнулась дверь и повернулся ключ в замке. Я беспомощно посмотрела на женщину, которая была ко мне ближе других:

— Что происходит? Где работа, которую я должна делать?

— Работа? Нет здесь никакой работы. Ты в тюрьме, как и все мы. За что тебя сюда?

Понадобилось несколько минут, чтобы до меня дошло: эта так называемая «подруга семьи» отравила меня в тюрьму за то, что я христианка!

Меня обманули и заманили в ловушку. Я подбежала к воротам и стала трясти решетку. Никто не отозвался. Я закричала. Никто мне не ответил, кроме молодой женщины, которая говорила со мной до этого.

— Можешь кричать, сколько хочешь — тебя отсюда не выпустят.

Я обернулась к ней:

— Что это за место?

— Ты еще зеленая, ничего не знаешь. Это тюрьма предварительного заключения. Здесь держат до суда, если никто не дает за тебя залог.

Все это было сказано в гораздо более крепких выражениях.

Я старалась сохранить спокойствие и все обдумать. Как долго меня здесь продержат? В каком преступлении меня обвинят? Преступно ли быть христианкой? Конечно же, по конституции быть представителем меньшинства не преступление. Однако по исламским законам я была виновна в тягчайшем деянии и стала для своей семьи как неприкасаемая.

Мысль о семье напомнила об обещании Анис найти меня. Наверняка, она скоро приедет. Мой взгляд упал на мою сумку. К счастью, ее не отобрали. В сумке были Библия и чистая одежда — невероятная роскошь для такого места.

Я снова осмотрелась, уже более внимательно. Где бы мне пристроиться? Комната была в длину метров двадцать пять, с тремя-четырьмя боковыми камерами, в которых стояли железные кровати, покрытые темными одеялами. Они служили защитой от ночных гималайских ветров, прони-

кавших через зарешеченные двери. Одного взгляда мне хватило, чтобы понять, что спать там я не смогу. Комнаты были очень темные и тесные, без окон — как могилы. Мне совсем не хотелось быть заживо съеденной живностью, населявшей те одеяла. На холодном, твердом и грязном полу женщины лежали на циновках, полностью завернувшись в простыни. Я надела на себя все, что могла, и всю ночь просидела, глядя сквозь дремоту на чистое ночное небо, луну и звезды.

Соблюдение гигиены вызывало большие затруднения, как у меня, так и у других женщин. Ужасная вонь в комнате говорила о наличии там туалета, но проточной воды не было, как и условий для мытья. Чтобы мы все могли пить и мыться, нам на целый день давался один большой кувшин воды — *мутка*. Его наполнял каждое утро водонос. К кувшину цепью была прикована кружка. Еще там были два стакана, чтобы пить, и сосуд для ритуальных омовений. Пока я там была, ни разу не видела, чтобы кто-то им воспользовался по прямому назначению. Мысли женщин были очень далеки от молитвы.

Три раза в день надсмотрщик приносил что-то похожее на еду — черствый хлеб и чай на завтрак, в другие разы — чечевичный суп, недоваренные чупатти и изредка — безвкусный баклажан. Вид этого продовольствия — дома я не дала бы такое даже нищим — вызывал у узниц приступы бешенства. Иногда они выплескивали чай в надсмотрщика и начинали проклинать его, повара, полицию, суды и друг друга — в выражениях, от которых я затыкала уши.

За решеткой ворот, чуть поодаль, мы время от времени видели родственников и друзей, приносивших заключенным передачи. Ворота распахивались, одну или двух женщин уводили ненадолго в комнату для свиданий. Возвращались они с тем, что делало жизнь здесь сносной — чистыми простынями и продуктами. Сладкий рис и плов, кусочки курицы передавались по кругу, но никогда не доходили до меня.

Никто не проявлял никакого интереса к моему существованию как и желания предъявить мне обвинение в каком-либо преступлении. Тем не менее, я знала теперь, что это — временная тюрьма для тех, кто ждет суда. Как долго люди томятся здесь в ожидании? Я спросила у пожилой надзирательницы, за что я здесь.

— Не знаю. Начальник приказал, — ответила она безразлично. — Я выполняла приказ.

Я слышала, как из мужского корпуса доносились крики — заключенных жестоко избивали. Женщины — некоторые из них, я думаю, были связаны с городскими бандами — объяснили, что мужчин избивают, чтобы выбить признания и предъявить им нужные обвинения. Еще я узнала, что женщину надзирательницы тоже могут избить — с той же целью. Я ждала, не постигнет ли и меня такая участь.

Первую неделю я не могла ни нормально спать на жестком полу, ни есть тюремную еду. Стоило мне понюхать суп, и я теряла всякий аппетит. Мне не нравились грязь, вши, запахи и, прежде всего, моя компания. Но даже когда меня качали волны сомнения и окружали облака страха, я читала мою

драгоценную Библию, и обстановка вокруг улучшалась, и мир во мне струился как река. В Деяниях апостолов я читала про Петра и Иоанна в темнице (12:6-8)⁹. Я подумала, что, как и я, они были потрясены тем, что с ними обращаются, как с обычными преступниками. Но они благодарили Бога и пели Ему хвалу. Апостол Павел также писал из тюрьмы: «За все благодарите». Значит, и я могу благодарить Бога за то, что Он со мной даже в таких обстоятельствах.

Сначала, когда я использовала время вынужденного безделья для размышлений над Божьим Словом, я старалась отгородиться от своих сокамерниц. Было очевидно, что большинству из них нравилось творить зло. Они были членами банд и отбросами большого города. Среди них были магазинные и карманные воровки, похитительницы детей и одна убийца из Северо-западной провинции, убившая своего мужа.

О моя гордыня! Эта тюрьма была лучшим средством от нее.

Мое терпеливое молчание, когда я углублялась в книгу, только увеличивало их уважение ко мне и разжигало любопытство. Я была загадкой, которая, в конце концов, должна была раскрыться.

— Что это ты там читаешь с таким интересом?

Я подняла глаза: рядом стояла моложавая женщина с опустошенным лицом, на котором оставили свой след все мыслимые пороки.

— Ты целыми днями читаешь свою книгу, а нас даже не замечаешь. Наверное, что-то интересное. О чем она?

— Ты в самом деле хочешь знать, что это за книга?

— Конечно. Все сгодится, чтобы скоротать время в этой чертовой дыре, — сказала женщина, которую, как я уже знала, звали Кальсум. Женщины прекратили сплетничать и стали прислушиваться к нашему разговору. Так я начала рассказывать им о Нем. Я показала им книгу:

— Это — зеркало.

— Как — зеркало? Это книга, — сказала другая женщина, Хатун, оглядываясь на товарок, чтобы получить их поддержку.

— Да, это книга, но еще и зеркало. В ней мы видим себя такими, какими нас видит Бог — судья всех людей.

— Не очень приятное зрелище, — со смехом сказала одна из женщин.

— Ты права, — сказала я. — Это зеркало показывает наши дела и дает им название — «грех». Грехи выглядят плохо и для людей, и для Бога. Люди осуждают наши грехи и наказывают за то, что мы сделали. Но Бог свят, и Он должен еще строже осудить нас за наши грехи. Грех не угоден Богу и оскорбляет Его. Бог наказывает грех смертью.

Ко мне было приковано все внимание этих несчастных женщин, ожидающих наказания. Я продолжала:

— Вы можете подумать: для нас нет выхода, нам надо понести наше наказание. Но зеркало показывает Бога, который открывает перед нами два пути. Один путь ведет к смерти, а другой — к жизни. Мы сами можем выбрать, каким путем идти.

Последовало напряженное молчание, которое прервала Кальсум:

— Как это «зеркало» все это делает?

— Оно показывает нам, что Сам Бог указал нам путь прощения наших грехов. Он зовет нас, грешников, прийти к Нему с нашими грехами и получить прощение. В этой книге сказано: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» (Матфея 11:27-30).

Меня удивила их реакция на это. Они внимательно слушали мои доводы. Одна женщина сказала:

— Мы не можем отрицать, что отягощены грехом. Поэтому мы здесь. Никто не может забрать у нас того, что мы совершили.

Я объяснила ей доктрину прощения, изложенную в Первом послании Иоанна (1:8-9): «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды». Некоторых женщин эти слова глубоко потрясли. В их глазах заблестели слезы. Они просили меня продолжать. Мы договорились, что каждое утро я буду проводить для нескольких женщин занятия по изучению Библии.

Я увидела, как за очень короткое время в них произошли большие перемены. Дело было не только в том, что теперь они делились со мной курицей и пловом и давали чистые простыни, в которые я заворачивалась, когда спала. Лучшим результатом было то, что семеро женщин исповедали грехи Богу и признали вину в делах, в которых не сознавались властям, включая убийцу из Северо-западной провинции и двух карманных воровок. Они заверили меня, что больше никогда не совершат преступлений.

«Вот для какой работы ты попала в тюрьму», — говорила я себе, когда заканчивался месяц моего заключения.

Троих женщин вызвали на суд. Когда они уходили, то плакали из-за того, что им приходилось со мной расставаться. Вскоре вызвали и меня. Дверь тюрьмы отворилась, и меня отвели в приемную начальника, где меня ждала потрясенная Анис и «подруга», которой я доверилась, пытавшаяся держаться так, будто она здесь ни при чем.

Анис подлетела ко мне и обняла, хоть я была страшно грязная. Потом она обернулась к женщине и начала ее допрашивать:

— Что сделала моя сестра, что ее посадили в тюрьму? Убила кого-нибудь?

— Твоя сестра стала христианкой. Она отреклась от ислама.

По ее тону было понятно, что это грех более тяжкий, чем убийство.

— Это ее личная вера. Она нашла истину и не боится об этом говорить. Нельзя за это сажать человека в тюрьму. Или в Пакистане больше нет законов?

На это ей было нечего сказать. Она пожала плечами:

— Если хотите, можете забрать ее домой.

Анис повернулась ко мне:

— Гюльшан, сейчас ты должна поехать ко мне домой.

Это мне было не по вкусу:

— Зачем мне ехать к тебе домой? В этой тюрьме лучше, чем у тебя дома.

Ее это ранило:

— Почему ты так говоришь?

— Потому что твой муж оскорбляет Иисуса и крест, а я не желаю этого слышать. Здесь, в тюрьме, женщины меня слушали и исповедовали Иисуса. Здесь я могу заниматься полезным делом.

Сестра обняла меня со слезами:

— Ты так сильно любишь Иисуса!

— За Иисуса я готова отдать жизнь.

Это было правдой. Все, что со мной происходило, лишь укрепило меня в вере. Я прошла сквозь темные тоннели отчаяния, но и в темноте видела свет.

Анис сказала:

— Я тоже люблю Иисуса и хочу больше узнать о Нем от тебя.

Потом она рассказала, что произошло с ее мужем. По-видимому, в тот день, когда я покинула его дом, он попал в аварию и в результате месяца пролежал в больнице. Сестра не могла связаться со мной раньше, поскольку должна была, в первую очередь, позаботиться о муже. Она продолжила:

— Теперь он ничего не станет предпринимать против тебя и разрешил мне привезти тебя в наш дом.

Как быстро все может измениться! Только что я была на дне, среди женщин-преступниц и находила большое удовольствие в общении с ними. Через час я уже отмокала в ванне в уютном доме сестры в пригороде Равалпинди, а слуги были готовы выполнить любое мое распоряжение. Мне было интересно, как долго это продлится на этот раз, прежде чем я получу новый приказ покинуть дом из-за моей неспособности молчать о моей вере.

Искуситель

Думаю, что время, пока я гостила у сестры и ее мужа в Пинди, было едва ли не самым счастливым периодом моей жизни, с тех пор как я стала христианкой. Анис не знала, как мне угодить, а зять был любезен и тих. Я снова чувствовала себя членом семьи. Ко мне относились с любовью и со мной считались.

В доме была прислуга: две-три служанки, приказчик, повар, водитель. Сын повара работал в саду. От меня больше не требовалось шить и скоблить столы. Но была востребована моя способность служить детям. Я развлекала маленьких девочек так же, как когда-то Анис развлекала меня — рассказывала истории. Это была приятная обязанность.

В то же время я с сочувствием и интересом наблюдала за служанками. Мне была понятна работа по дому, которая ложилась на них: мытье посуды, полов, стирка, чистка, полировка, уборка, протирка. Я улыбалась им в знак благодарности за все, что они делают. Мне это ничего не стоило, но умножало радость.

Мы очень сблизились с сестрой — теперь мы были сестры во Христе. Два или три часа в день мы посвящали изучению Библии. Анис очень быстро усвоила основную истину: Библию можно понять так, как никогда не поймешь Коран. Она читала ее на родном языке. Библия не была окружена тайной. Человек мог читать ее как обычную книгу

и видеть другой взгляд на общие для мусульманской и иудейской истории события. Однако в ней было нечто большее — безошибочная сила истины.

Сестра сказала мне:

— Какие чудесные слова. Они приносят утешение.

В тот момент она думала о ее погибшем ребенке.

— Правда. Это слова нашего небесного Отца. Что бы ты ни чувствовала, ты найдешь в Библии нужные слова — в печали и радости. Но главное — знать, что твои грехи прощены, и жить с Иисусом каждый день.

— Я чувствую, что когда мы о Нем говорим, Он здесь, с нами.

Я показала ей стих: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Матфея 18:20).

— Когда мы молимся, Он слушает. Учитель рядом с нами. Мы понимаем Его Слово, потому что нас ведет Святой Дух.

Блунд-Шах был не очень доволен новым увлечением жены.

— Не говори никому, что Христос воскресил тебя из мертвых. Лучше молчи, — говорил он ей. Не думаю, что она слишком прислушивалась к его словам. Ради нее я не стала объявлять во всеуслышание, что я христианка. Правда, если меня спрашивали напрямую, то я рассказывала о моем видении и исцелении — обычно после этого вопросы прекращались.

У Анис и ее мужа было много родственников и друзей. Каждый день кто-нибудь навещал их уютный дом.

Что бы ни происходило в других частях мусуль-

манского мира, строгие традиции шиитского дома требовали сохранения коренных различий в положении мужчин и женщин. Гости и гости, даже если приходили вместе, располагались в разных частях веранды или в разных гостиных. Были случаи, когда меня, как христианку, раздражало такое разделение, ведь я знала, что в обществе, где Христос объединил людей, мужчины и женщины могут очень хорошо сосуществовать без таких разделений. Но в Пакистане, стране, основанной на исламских принципах, вся наша общественная жизнь сверялась с учением Корана и традиционным его толкованием. В условиях городской жизни внутренний конфликт такой ситуации был для меня более явным, чем в Джанге, с его сельским укладом и отсталостью в подобных вопросах. Одна моя часть осуждала эту традицию, а другая наслаждалась привычной легкостью общения в приятной женской компании, не затрудненного мужским присутствием.

На меня действовали успокаивающе все эти мелкие подробности их жизни: кто на ком женится, у кого заболел или выздоровел ребенок, что дети проходят в школе и чем займутся после ее окончания. Девочки теперь тоже могли получать образование, некоторые даже поступали в колледж. Но найти занятие после обучения им было непросто. Иногда это вообще не приветствовалось. Дочь могла стать женским врачом, или учителем для девочек, или медсестрой. Труднее было войти в сферу, где пришлось бы работать с мужчинами, как, например, в офисе. Однако удерживать образованных дочерей дома до их замужества станови-

лось делом все более затруднительным — многие молодые мужчины откладывали женитьбу, получая образование за рубежом. В этом заключалось противоречие между религиозным идеалом и реальной жизнью. В наше время каждая семья сталкивалась с подобными проблемами. Женщины, осудив чуждое влияние запада, с облегчением переходили к более приятным темам — срывали плоды с дерева мечтаний о богатом и счастливом будущем их сынов и дочерей. Я слушала и как никогда прежде понимала, что такие мечты — всего лишь слабые соцветия, готовые разлететься от порыва ветра. Эти противоречия не могли исчезнуть сами собой. Мы не осознавали тогда, что жонглирование логикой жизни в угоду логике религии, если происходит в большом масштабе, становится взрывоопасным.

Анис выразила словами то, о чем я думала: «Они переживают о детях, но куда ведут их собственные жизни?» Временами ее потрясала бесцельность жизни в религии без Христа. Опыт, которого я набралась, побывав по обе стороны завесы — *пурды*, показывал, как надежно и прочно основание, на котором я утвердила свою жизнь. Моя радость теперь не зависела от удовлетворения личных амбиций, она коренилась в послушании Божьей воле. Я ни на мгновение не позволяла себе предположить, будто тогдашний период затишья продлится вечно.

В ноябре я узнала, что мой зять собирается на время поехать в Лахор по делам его автобусного бизнеса.

— Нам всем придется поехать, — сказала Анис, — и остановиться у Алим-Шаха.

Эта новость привела меня в смятение:

— Мне очень жаль, но я не смогу поехать с вами в Лахор. Брат сказал, что, поскольку я христианка, его двери для меня закрыты.

Лицо сестры сморщилось, как у ребенка, который вот-вот расплачется:

— Мне нужны твои молитвы и твоя помощь. Если Алим-Шах не впустит тебя, я сниму другой дом и буду там с тобой.

— А что будет делать твой муж? Я думаю, он с тобой разведется, — я обняла ее и согласилась поехать с ними. Посмотрим, как брат отреагирует на мое появление.

Итак, 28 ноября, в четыре часа дня мы выехали на машине. Наш багаж вез грузовик.

— Я так рад тебя видеть. Добро пожаловать в мой дом.

Это говорил мой брат Алим-Шах. Я не верила своим ушам. Как будто не было того горького разговора по телефону. Семья сестры поселилась у Алим-Шаха временно, пока не подыщут собственный дом. Мне отвели уютную спальню и приставили служанку.

— Я знаю, что у тебя здесь есть друзья, — сказал брат совершенно неожиданно. — Я велел водителю, чтобы отвез тебя, куда ты пожелаешь.

Я горячо поблагодарила его, но в глубине души ощутила беспокойство. Слишком все хорошо, чтобы быть правдой.

Когда наступило воскресенье, я попросила водителя отвезти меня на улицу Уоррис в методистскую церковь. Служитель встретил меня в дверях и пожал руку. Люди довольно вежливо меня при-

ветствовали, но никто не поинтересовался: «Как твои дела? Где ты была? Нужно ли тебе чего?» Так что я не стала никому говорить о своих злоключениях, доверяя Богу, что Он, как всегда, все уладит.

Четыре месяца спустя, майским вечером, я молилась у себя в комнате. Я сидела в кресле, открытая Библия лежала на коленях. Я услышала скрип половицы и открыла глаза. Напротив меня сидел Алим-Шах. Он наблюдал за мной с улыбкой. Я напряглась и почему-то подумала о тиграх.

— Надеюсь, тебе хорошо в моем доме, — он сказал это добрейшим голосом. — Надеюсь, ты находишь общий язык с моей женой и с нашими детьми. Надеюсь, слуги не причиняют тебе беспокойства.

— Мне очень хорошо здесь, — сказала я искренне.

— Мы очень любим тебя и хотим, чтобы ты оставалась у нас. Кстати, я собираюсь построить для тебя дом в Гульберге. Это красивый современный пригород для умеренно богатых людей в пяти или шести милях от нас. И я хочу, чтобы ты приезжала ко мне на праздники. В июне я собираюсь посетить исламские страны... А также Мекку и Медину. Хочешь поехать со мной?

Он искушал меня. Я вспомнила: «...все это дам Тебе, если...» (Матфея 4:8-9).

— Я не против того, чтобы поехать с тобой, — сказала я, — но на мою веру это никак не повлияет.

Брат как будто не слышал. Он взял с моих колен Библию и, задумчиво глядя на открытые страницы, сказал:

— За все, что я дам тебе, я прошу только одно — эту книгу. Отдай мне Библию, и я верну ее на склад

Библейского общества, чтобы ты никогда больше не читала ее. И перестань ходить в церковь. Я дам тебе все, чего ты захочешь.

Я сказала вслух:

— «Слово Твое — светильник ноге моей и свет стезе моей» (Псалтирь 118:105). Это слово Бога, оно позволяет мне различать добро и зло. Я не отдам его тебе... Оно — часть моей жизни. — Я видела, что он начинает сердиться и поспешно добавила: — Я не могу перестать ходить в церковь, потому что церковь — дом Божий. Невеста готовит себя для Жениха, который скоро придет. «А кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Матфея 10:33).

Брат вскочил и швырнул мне Библию:

— До того, как взойдет солнце, — вон из моего дома. Не хочу тебя больше видеть.

В капкан была положена приманка. Капкан защелкнулся, но оказался пуст. Жертва ускользнула.

Никто больше не подходил ко мне в тот вечер. Я легла с тяжелым сердцем. На утро ссора витала в воздухе. Невестка не сказала мне ни единого слова. Брата вообще не было видно. Анис и ее муж никак не давали о себе знать. Служанка принесла завтрак и тихо вышла.

Я печально упаковала вещи: четыре или пять платьев, которые пошила для меня Анис. Я не стала брать красивых нарядов, подаренных Алим-Шахом, ведь он сказал: «Ничего не бери из этого дома».

Мой чемодан стоял в коридоре. Я шла к нему и вдруг увидела, что мне навстречу движется Саф-

дар-Шах. Я не видела его с тех пор, как покинула Джанг. Радостные слова приветствия застыли у меня на губах, когда я увидела его лицо и предмет, который он держал в руках. Это было ружье.

Он схватил меня за запястье и потащил в подвал.

— Сиди здесь и не шевелись! — приказал он. Я подчинилась. Сафдар-Шах, когда выходил из себя, мог быть жестоким. Он пошел за Алим-Шахом. В доме стояла мертвая тишина. Воздух был пропитан страхом.

С суровыми лицами братья спустились в подвал. Мое сердце отчаянно билось, ноги стали как ватные.

Я сидела на диване и пыталась успокоиться.

Братья сели за стол напротив меня. Я старалась заглянуть в их полные ненависти глаза, но они как будто смотрели внутрь и не замечали моего взгляда. Сафдар-Шах передал ружье Алим-Шаху:

— Сними это проклятие с нашей семьи!

Алим-Шах взялся за приклад двустволки и медленно нацелил ее мне в голову. Он сказал с тихим отчаянием:

— Зачем тебе умирать? Все, что надо сделать, — сказать, что ты больше не веришь, что Иисус — Сын Бога, и перестать ходить в церковь. Этим ты сохранишь себе жизнь, и я не убью тебя.

Его лицо выглядело осунувшимся и измученным. Я видела, под каким жутким давлением он оказался: любовь ко мне боролась в нем с любовью ко всему, что преподал ему наш отец.

Для меня это тоже был ужасный момент. С детства, как любую мусульманскую девочку, меня

приучали относиться к братьям с глубочайшим уважением. До того как Иисус вошел в мою жизнь, я никогда не противоречила братьям. Я старалась не грубить им и знала, что могу положиться на их любовь, а если потребуется, защиту. К тому же отец взял с них святой обет позаботиться обо мне, хотя, конечно, никак не предполагал такого поворота событий. Я была виновницей конфликта — они разрывались между любовью и долгом.

Но я должна была идти дальше. Я не могла повернуть назад, особенно сейчас.

— Хотите сказать, что если не пристрелите меня сейчас, то я не умру? В Коране написано, что каждый, кто родился, должен умереть. Так что стреляйте. Я не против того, чтобы умереть во имя Христа. В Библии сказано: «Верующий в Меня, если и умрет, оживет». (Иоанна 11:25).

Ружье дрогнуло и опустилось. Сафдар-Шах нарушил молчание:

— Убьешь эту христианку, а потом тебя же обвинят. Она и так проклята. Выбросить ее вон.

Они вытолкали меня вверх по лестнице. Я взяла чемодан и вышла. Братья устало вернулись в дом. «Ни одно оружие, сделанное против тебя, не будет успешно» (Исаия 54:17) — я читала эти слова прежде, но не осознавала тогда, насколько они правдивы.

Света

«Куда мне идти, Отец?» — я стояла в одиночестве на обочине дороги в Саманабад и пыталась сдержать слезы потрясения и боли от всего, что произошло. Я ждала хоть малейшего намека на то, что мне делать дальше. Бетонная дорога была пуста. Дома, выстроившиеся чередой за высокими заборами, казалось, дремали в слабом утреннем свете и скрывали благополучную жизнь своих обитателей.

Почти машинально я повернула направо и побрела по цементной дорожке к автобусной остановке, до которой было полтора километра. Пока я шла, у меня созрело решение: Джон и Бимла Эммануил дадут мне пристанище.

Джон Эммануил работал садовником в муниципальной службе. С женой и четырьмя из пяти своих детей они жили в Мединской Колонии. Семья посещала церковь на улице Уоррис. Пару раз они приглашали меня в гости. Мне нравилось общение с ними. Мы разговаривали о Господе, об исцелениях и о Божьей спасительной силе. Они сказали тогда: «Приходи к нам в любое время, наш дом всегда для тебя открыт».

На автобусной остановке был довольно большой выбор транспорта. Я взяла рикшу до Музанг-Чунги, а там села на микроавтобус, который как раз шел в Гурумангат. Оттуда до Мединской Колонии было недалеко. Я пересекла железнодорожные пути и пошла пешком.

Я шла по пыльной дороге с выбитыми колеями. Дорога тянулась между домами. Мне приходилось быть осторожной, чтобы не попасть в открытые сточные канавы, идущие к выгребной яме неподалеку. У дома Джона Эммануила я постучала в двойные деревянные двери в высокой стене. Вскоре мне отворила Бимла. Она посмотрела на меня с удивлением и пригласила войти.

Я рассказала ей несколько эпизодов из всего, что произошло, и попросила приютить меня на время. Она, увидев, что я дрожу, обняла меня:

— Мы с радостью тебя примем. Ты можешь пользоваться всем, что у нас есть.

Ближе к вечеру Джон Эммануил приехал домой на своем велосипеде. Он сочувственно выслушал мою историю.

— Не переживай. Я твой брат во Христе, — утешал он меня.

«Удивительно, я чувствую такое единство с людьми, которые мне не родные», — думала я, согретая его сочувствием. Я убеждалась, что единство истинных верующих во Христе способно связывать Его последователей узами более прочными, чем узы родства или брака.

Дом, который они снимали, был маленький — всего одна гостиная с верандой. По одну сторону веранды располагалась кухня, по другую — туалет. Я беспокоилась, где мы все будем спать. Мне предложили ночевать на веранде с детьми. Старшей девочке было восемь лет. Веранда закрывалась ставнями, чтобы при холодной погоде можно было превратить ее в комнату. Джон и Бимла спали во дворе — так обычно делали в больших се-

мьях, живущих в маленьких домах. Там не было ни цветов, ни травы — для них просто не хватало места. Во дворе был сделан пол из глины с соломой и побелен. За счет двора места в доме становилось больше. Во дворе все же было несколько цветков в горшках, и они оживляли вид. В сравнении с тем комфортом, который я только что оставила, мое новое жилище было более чем простым. Но меня радовала свобода читать Библию, не прячась, молиться и разбирать Божье Слово вместе с Джоном и Бимлой. Но ради этого мне пришлось заглянуть смерти в лицо.

В первую ночь я лежала на ременной кровати на открытом воздухе, укрывшись простыней. Я не могла уснуть из-за непривычности нового места, вереницы мыслей и назойливых ночных звуков. В той местности люди ложились спать рано, чтобы проснуться на рассвете и подготовиться к поездке в город на работу. Когда прекратилась дневная суматоха и стихли голоса у водоколонки, наступила глубокая тишина, в которую начали вливаться другие звуки и шумы, происхождение которых я обязательно хотела определить.

Слышался писк и возня крыс. Позади домов засоренные водостоки образовали большие лужи. В них шумно развлекались счастливые лягушачьи семьи. Поодаль в кустах надрывались сверчки. Не было сетки, которая могла бы защитить от зудящих комаров, — они вились вокруг меня густым облаком. Я слышала слабые шорохи в соломенной крыше веранды и ждала, что вот-вот оттуда мне на голову свалится ящерица или таракан. Я завидовала детям — они спокойно спали и ничего

этого не слышали. Чем больше я ворочалась, тем громче становилось их ровное дыхание и, в конце концов, стало напоминать мне далекий шум морского прибоя.

Я заткнула уши и направила взгляд на полоску неба, видневшуюся из-под крыши веранды. Я пыталась заснуть и считала мерцающие звезды, но от этого сон пропал совсем. Потом в поле моего зрения выплыла одинокая луна и залила двор таинственным светом, который так любят поэты и влюбленные. Вскоре ветер, как властный повелитель — набоб, возревновал серебристую красавицу-луну и задернул рваные завесы облаков, чтобы скрыть ее от устремленных к ней глаз. Время шло, я смотрела, как луна и звезды движутся по небу, будто в танце. Потрясения и печали ушедшего дня обрели для меня истинный смысл.

Это был один из тех моментов, когда важные вопросы жизни проясняются и выделяются из обычной повседневной суеты. Я, Гюльшан-Есфирь, бедная и ненавидимая теми, кто должен был обо мне заботиться, изгнанная из их дома, была теперь свободна. Завеса унаследованной религии, прежде разделявшая меня с Богом, разорвалась, и я увидела Его в лице Иисуса Христа, моего Господа. Мне указан путь ученичества, — в радости или боли, я должна проходить его в послушании. Но я не одна. Со мной Тот, Который силен и заботится обо всех моих нуждах.

Сквозь дрему я видела, как побледневшее небо поглотило звезды и оставило лишь одну звезду — предвестницу рассвета. Я думала об Иисусе. Он — утренняя звезда надежды, посланная Богом, что-

бы осветить мою жизнь. Наконец я заснула. Я спала недолго, но безмятежно.

Я проснулась и с трудом подняла веки — дневной свет ударил в глаза. Четырехлетний Гуду дергал меня за руку. Я принесла воды — колонка была на улице — и принялась за стирку. Меня не покидала мысль, которая выкристаллизовалась во время ночных размышлений. Я не могла жить за счет моих друзей и должна была найти какую-нибудь работу.

Директриса частной школы для девочек оглядела меня с головы до ног. Я стояла у нее в кабинете и робела перед этой хладнокровной деловой женщиной. Ее власть чувствовалась в воздухе. Но я тоже была настроена решительно. Директриса поправила шаль и вежливо сказала:

— Доброе утро, сударыня. Чем я могу вам помочь? Ваш ребенок учится у нас?

— Нет, у меня нет детей. Я пришла узнать, не нужна ли вам учительница.

Выражение ее лица из вежливо-заинтересованного превратилось в слегка снисходительное. Я видела, что своим прямым обращением заработала себе пометку о неблагонадежности. Мне следовало бы обратиться письменно, а не приходиться в кабинет, как делают служанки и садовники в поисках работы.

— Какие предметы вы можете преподавать и какова ваша квалификация?

— Я могу преподавать урду, исламское религиозное знание, историю, географию и математику до уровня вступительных экзаменов.

Она пристально посмотрела на меня и как будто пересмотрела свое мнение обо мне.

— Квалифицированная учительница для девочек, — сказала она. — Но, к сожалению, вакансия, которая у меня была, уже занята, и я не могу вас трудоустроить. Оставьте ваше имя и адрес секретарю, если у нас снова появится вакансия, я свяжусь с вами.

Она встала из-за массивного стола, давая понять, что я могу уходить. Но я медлила. Я была в отчаянии.

— Не знаете ли вы девочек, которым нужна домашняя учительница? Может, по болезни, или родители не хотят, чтобы дочери ходили в школу?

— Нет, к сожалению. Если вдруг услышу, проинформирую вас. Оставьте секретарю ваше имя и адрес.

Две или три недели подряд я приезжала в город и искала работу — ходила из школы в школу, как торговец вразнос, и предлагала свои знания. Адреса я получила на бирже по трудоустройству, где всех удивила своим появлением. Для них я была загадкой — молодая женщина из хорошей семьи, с руками, как видно, не предназначенными для какой-либо работы и, судя по всему, не имеющая поддержки семьи.

Джон и Бимла снова и снова уверяли меня в готовности помогать, но я понимала, что я — еще один рот, который приходится кормить на небольшую зарплату одного человека. Я молилась о работе и ходила по раскаленным солнцем улицам — с дыркой в ботинке. Когда я чувствовала гнев и отчаяние, я думала об Иисусе и о том, как Он шел по улицам, чтобы умереть за меня на кресте.

Когда я пришла на биржу в четвертый раз, то ус-

лышала, что еженедельному журналу, редакция которого располагалась в районе рынка в Старом Анаркали, требовалась женщина-репортер. Название Анаркали — Цветок Граната — мне было знакомо. Так звали героиню трагической истории, которыми изобиловало наше прошлое. Ее заживо замуровали по приказу императора моголов за то, что она влюбилась в своего единокровного брата Салима. «Еще одна несчастная девушка попала в беду, — думала я, и пыталась припомнить, понесли Салим наказание и было ли оно таким же суровым. Скорее всего, нет, ведь он был сыном императора.

Я видела этот журнал раньше и знала, что у него 24 страницы, фотографии знаменитостей на цветной обложке и политический уклон. Отчаяние придало мне смелости, и я записалась на собеседование.

На следующий день, в 10 часов утра, я явилась в офис журнала на первом этаже здания в Старом Анаркали. Редактор был высокий мужчина с приятной внешностью. Он носил легкий черный костюм и обладал по-настоящему хорошими манерами.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — предложил он, указав на стул, точно выровненный по квадрату ковра, на некотором удалении от его полированного стола. Он нажал звонок и попросил вошедшего юношу принести мне холодной колы. Юноша принес мне бутылочку с соломинкой.

— Мне бы хотелось узнать, почему вам вообще нужна работа, — спросил редактор и обнажил в улыбке белые зубы. Я ответила:

— У меня нет родителей, и есть образование. Я хочу сама зарабатывать себе на хлеб.

Он играл ручкой с золотым колпачком. Я почувствовала аромат, вероятно, его одеколону. — Но скажите мне, — продолжал он, — почему ваши братья и сестры не позаботятся о вас так, чтобы вы не были вынуждены работать?

— Они все семейные люди, живут своими домами, и я не хочу их обременять. Поэтому мне нужна работа.

Он поинтересовался, где еще я искала работу. Я рассказала о своих неудачных попытках стать учительницей. Свет сквозь занавешенное тюлем окно падал мне на лицо, и я видела, что редактор с любопытством меня изучает. Затем он быстро принял решение.

— Можете приступить к работе завтра. Приходите с 8.30 до 9.00 и не беспокойтесь — я дам вам список основных вопросов, которые будете задавать людям во время интервью. Работать придется много: ходить по домам и иногда посещать школы.

«У меня уже есть опыт хождения по домам», — подумала я, но ничего не сказала.

Он объяснил, что мне будут платить основную зарплату в сто рупий в месяц. Кроме того, мне причиталась часть сумм, которые женщины платили за возможность дать интервью. Оказывается, что если они платили, то могли говорить все, что угодно. От этих денег я получала двадцать процентов. Такая система была более выгодна работодателю, чем мне, но я не могла торговаться.

— Ты не мусульманка, — сказал редактор, и это прозвучало не как вопрос, а как утверждение.

— Я христианка, — ответила я.

Мгновение, пока он осмысливал эти слова, было для меня долгим и мучительным. Наконец он вернул ручку в верхний карман пиджака, встал и сказал:

— Это не так уж важно. Похоже, что ты, как сама говоришь, образованна и не боишься разговаривать с людьми.

Он проводил меня в помещение редакции. Там я познакомилась с тремя мужчинами-репортерами, фотографом и переписчиком. Мне выделили письменный стол. Рядом была комната, в которой мы ели — нам полагался бесплатный обед. Там работал посыльный. Ему приходилось выполнять разнообразные поручения, бегать на почту, приносить нам обеды и заваривать чай.

На следующий день я пришла в назначенный час и присоединилась к коллективу. Я была единственной женщиной среди семерых мужчин. Вначале я беспокоилась, но потом увидела, что для этого нет причин. Все мужчины в редакции относились ко мне с уважением и звали меня *баджи* — «сестра». В последующие четыре дня я научилась всему, чему могла, в том числе запомнила десять основных вопросов для интервью. Я приняла решение добиться успеха.

Новости, как я скоро узнала, писали в редакции. Затем их отдавали редактору на проверку. После этого переписчик переносил текст на урду на большие листы бумаги. Редактор проверял его работу и перед сдачей в печать убеждался, что все ошибки исправлены.

Наряду с другими обязанностями, мне поручи-

ли помогать редактору проверять работу переписчика перед сдачей в печать. Иногда я шла с посылным на почту и отправляла или получала пакеты.

Когда в редакцию доставляли пачки только что отпечатанных журналов, моя работа заключалась в том, чтобы складывать и адресовать их. Я научилась работать с адресными наклейками — мне нравилось осваивать новую работу, пока я с трепетом ожидала своего первого интервью. Его я должна была взять у жены бывшего министра иностранных дел, сложившего полномочия из-за личных трений с премьер-министром господином Бхутто. Я должна была задать вопросы, которые могли показаться ей навязчивыми. Но редактор заверил меня, что женщина будет рада возможности выразить свой взгляд на ситуацию. Как всегда, он оказался прав.

Женщина любезно приняла меня в своей гостиной и предложила присесть. В памяти промелькнула та, другая, любезная женщина, в конечном итоге упекшая меня в тюрьму. Должна признаться, что я чувствовала удовлетворение оттого, что, как представитель прессы, обладала большей властью, чем прежде. Теперь я задавала вопросы.

Один за другим я задала свои десять вопросов: «Почему ваш муж подал в отставку?», «Вы рады этому?», «Где вы получили образование?» и так далее.

Мои вопросы не были слишком пронизательными. Однако сам факт, что женщину вообще о чем-то спрашивают, что женщина-репортер задает вопросы и что ответы на них будут читать тыся-

чи людей по всей стране, многое говорил об изменениях, происходивших в обществе в то время.

Альтаф, фотограф, сопровождал меня в этот раз и в других случаях, когда я брала интервью. Я чувствовала, что нахожусь под его защитой, а ему очень нравилось знакомиться с женщинами. Половина общества, к которому он принадлежал, была все еще скрыта от глаз и считалась личной ответственностью второй половины. Любые современные идеи, проникавшие в это общество, не могли пересилить традицию, все еще прочно удерживающую мужчин и женщин — как богатых и образованных, так и бедных и невежественных.

Альтаф помогал мне кое в чем еще. Женщина, рассказывая о своей жизни, мимоходом использовала несколько английских слов. Это сильно меня смутило: отцовский запрет сделал этот язык для меня недоступным, а теперь я оказалась среди людей, для которых он являлся признаком хорошего воспитания и образованности. Мой спутник тихонько перевел мне английские слова. Он также напомнил мне, какие вопросы надо задать, когда вдруг они вылетели у меня из головы.

Когда с вопросами было покончено, женщина спросила меня:

— А какое у тебя образование?

— Достаточное, чтобы брать у вас интервью, — был мой ответ.

Женщина рассмеялась.

— Не часто можно встретить женщину с хорошим образованием, — сказала она.

Когда моя статья, должным образом переработанная редактором, появилась в журнале, под за-

головком стояло мое имя — Гюльшан. Редактор не согласился добавить мое христианское имя Есфирь. Жена бывшего министра заплатила семьсот рупий, из которых мне досталось сто сорок. Сто я отдала Джону Эманнуилу, а себе оставила сорок. Вначале мои хозяева не хотели брать деньги, но я настояла.

— Мы так рады, что Бог помогает тебе, — сказали они.

Я и сама была очень рада. Впервые в жизни я добилась успеха и заработала деньги, используя полученное образование. Понемногу гневные лица моих братьев отодвинулись в моей памяти на второй план.

В другой раз я брала интервью у директрисы средней школы для девочек в Лахоре. Я нервничала и боялась туда идти, представляя, как буду путаться в своих вопросах перед умной женщиной, облеченной во власть, как в *бурку*. Но фотограф Альтаф успокоил меня: — Попроси ее объяснить все так, чтобы было понятно читателям. Потом слушай внимательно и записывай. Не бойся задавать простые вопросы — многим читателям не нравятся заумные интервью.

Это был хороший совет. Я просто сидела и слушала, пока директриса преподавала мне урок об отличиях национализированных школ от частных. С ее точки зрения, явным преимуществом новой системы было то, что она давала ей, как директору школы, большую свободу действий — прежние хозяева слишком много ею командовали, а плата за обучение неуклонно возрастала. Недостатком же была нехватка помещений. К ее рассказу я до-

бавила портрет самой директрисы, некоторые детали ее кабинета, несколько слов о сотрудниках школы, с которыми познакомилась, о состоянии школьного здания и внешнем виде учениц.

Фотографу очень понравилось это интервью: он фотографировал все, о чем я писала, в том числе девочек-школьниц. Они были очень привлекательными в школьной форме: белых *шальвар-камизах* с голубыми *дупаттами*. Для них это развлечение было в новинку, и они много хихикали, прикрываясь *дупаттами*.

Моя статья заслужила одобрение редактора.

— Неплохо, — сказал он. Выразить бурный восторг ему было не свойственно.

Через три дня после публикации статьи я наведалась в ту школу, чтобы получить оставшуюся плату — интервьюируемые всегда вносили задаток. Директриса не могла скрыть своего любопытства. Одна из сотрудниц, христианка, рассказала ей что-то обо мне.

— Почему ты стала христианкой? Разреши мне помочь тебе вернуться в мусульманскую веру, — сказала директриса.

Прямо в присутствии сотрудниц я рассказала ей немного о себе.

— Ты заботливая, и у тебя сильная вера, — сказала она мне.

Все, что я писала, получалось хорошо, и я уже не так сильно переживала. Работа перестала казаться мне сложной, и я все чаще видела в журнале статьи, подписанные моим именем. Было странно осознавать, что мои статьи читают повсюду в Пакистане. Вероятно, они питают стремления моло-

дых женщин, показывая, чего сумела достичь одна из них. Однако, хоть я и была для них примером, но устремляла свои мысли и мечты в совершенно другом направлении. Я хотела служить Богу и выполнять Его волю. Так почему же я оказалась здесь и работала в журнале, ведь это так сильно отличалось от всего, что случилось со мной до этого? Мой путь паломника привел меня сюда, но для чего? Это было загадкой, и мне никак не давалось ее решение. Я просто жила день за днем. Моя жизнь разделялась на две половины: внешнюю и внутреннюю — жизнь на работе и жизнь в молитве.

Мои коллеги-журналисты понимали, что я не такая, как они. Недели через две они узнали, что я христианка, но им не было известно, что когда-то я была мусульманкой. Они дразнили меня за мою веру.

— Ты веришь в трех Богов, — говорили они и смеялись.

Я пыталась им объяснить, что это не так и что Бог один в трех проявлениях — Отец, Иисус Христос — Сын Божий, а не просто пророк, и Святой Дух, посланный в день Пятидесятницы, чтобы наполнять верующих жизнью Христа, учить и освящать их. Но разве они могли изменить свое мнение? Им с детства промывали мозги и внушали, будто христианство хуже их сугубо монотеистической религии. Тем не менее, я заметила, что никто из моих коллег не соблюдал полуденной молитвы, и мне было интересно, что для них значила их вера.

Перегородки в офисе были из фанеры. Редактор все слышал, входил к нам и приказывал мужчинам прекратить меня поддразнивать.

— Перестаньте, — говорил он. — Она у нас единственная женщина, не грубите ей.

Как-то раз, в четыре часа дня, я собиралась домой и спускалась по лестнице. Вдруг меня окликнул господин Юсеф, хозяин магазина сластей, находившегося по соседству с редакцией.

— *Ассалам аллейкум* — мир тебе, — сказал он.

Я остановилась и подождала, пока он подойдет ближе:

— *Вааллейкум ассалам* — и вам того же.

Он сказал:

— Госпожа, я вижу, как вы ходите в редакцию. Должно быть, вы образованная женщина, раз работаете в журнале. Я ищу учительницу для моих троих детей. Хотели бы вы заниматься с ними в дневное время после вашей работы? Мы бы могли с вами договориться о плате за уроки.

Я колебалась. Зарплата в журнале не была большой, поскольку я выезжала на интервью всего раз или два в месяц. Коллеги-мужчины ездили в командировки постоянно, даже за пределы Лахора. Я зашла в дом к господину Юсефу и познакомилась с его женой и детьми. Мы с первых минут друг другу понравились и сразу же обо всем договорились: я буду преподавать урду, математику, исламское религиозное знание, историю и географию. Каждый день после школы дети будут заниматься со мной по два часа — с четырех до шести. За это я попросила 150 рупий в месяц и ужин каждый день. Мы также договорились, что в воскресенье я приходить не буду.

Это решение имело одно последствие — мне пришлось оставить дом моих добрых друзей в Медина-

ской Колонии, так как после занятий с детьми я не успевала вернуться туда засветло. Женщине было небезопасно ходить одной по темным улицам. В Лахоре имелся полный набор воров и похитителей людей, и я хорошо знала эту сторону жизни, после того как побывала в тюрьме. Я поселилась в доме супругов Нилам. Они жили на улице Уоррис, рядом с церковью и недалеко от Старого Анаркали. Я познакомилась с господином Ниламом, когда работала в школе «Восход». Он был там учителем музыки.

К декабрю я написала восемь или девять историй. Все они были напечатаны за подписью «Гюльшан» или «Наша репортер». Я чувствовала, что редактор мною доволен. В середине месяца он вызвал меня в свой кабинет.

— У тебя получается лучше, чем я ожидал, — сказал он. — Мне бы хотелось оставить тебя здесь, но обязательное условие для этого — чтобы ты вернулась в мусульманскую веру.

Я окаменела. Он продолжал:

— Теперь мне известно, почему ты стала христианкой. Я вот что хочу тебе сказать. Твои братья отказались тебе помогать, но я готов помочь. Только оставь христианство. Нет, ты послушай. Можешь жить в моем доме. Я назначу тебя руководителем редакции и найму другую женщину-репортера. Я дам тебе зарплату 1000 рупий в месяц...»

Оказавшись под тошнотворным напором реальности, я очнулась и осознала смысл его слов. Редактор связался с Алим-Шахом. Вероятно, они были друзьями и посещали один клуб. Должно быть, он давно все про меня знал и терпеливо гото-

вился к этому моменту. Это была все та же старая история: «Покажите ей, как мы, мусульмане, любим друг друга, и она вернется, поскольку вынуждена зарабатывать себе на хлеб и жить у чужих людей».

Я была так довольна своими журналистскими успехами, что не задалась вопросом, почему этот мирской человек принял на работу и до сих пор не уволил такого неопытного работника, как я. Пора бы им уже убедиться, что я никогда не вернусь к ним.

Я вздохнула:

— Не подумайте, что я недооцениваю ваше предложение. Мне бы очень хотелось остаться работать у вас. Но я должна вам сказать, что не могу перестать быть христианкой. Иисус — моя жизнь. Того, что я нашла в Нем, не может дать никакая другая религия.

В тот же день повидаться со мной захотела жена редактора. Она направлялась в магазин в Старом Анаркали и зашла по пути в наш офис, чтобы, как я полагаю, предпринять последнюю попытку переубедить меня.

Она пригласила меня в кабинет мужа. Он в это время перечитывал корректуры в другой комнате.

— Ты же умная женщина, — сказала она. — Почему ты христианка?

Подтекст ее вопроса вызвал у меня внутренний стон. Для мусульман все христиане были глупцами, поверившими лжи. Я знала, что у этой женщины отсутствует духовное понимание, и мне не хотелось вдаваться в объяснения.

Я мягко ответила:

— Вам не понять. Бог очень реален для меня. Она посмотрела на меня, ее взгляд стал жестким. Не говоря ни слова, она вышла.

В конце дня редактор протянул мне конверт, в котором было 125 рупий.

— Извини, — сказал он, — но ты больше не можешь у нас работать. Мы с женой сожалеем о твоём уходе. Нам тебя будет не хватать.

— Мне тоже жаль, но Бог найдет для меня другую работу, — сказала я с высоко поднятым подбородком, хотя внутри не ощущала смелости.

У редактора, вероятно, всколыхнулись гуманитарные чувства. Когда я уже выходила, он сказал:

— Если окажешься в крайней нужде, я тебе помогу. Но проблема с религией останется.

— Не беспокойтесь, — ответила я, — мой Бог мне поможет. Прежде чем искать помощи у людей, я буду искать помощи у Бога.

С этими словами я покинула его офис.

Другие репортеры огорчились моему уходу:

— Ты так долго была с нами, а теперь нас покидаешь из-за какой-то религии. Пусть Христос исцелил тебя — дай денег церкви и забудь обо всем.

— Он гораздо больше для меня значит, — сказала я, пожалала им руки и пообещала молиться за них. Я вышла и стала спускаться по ступенькам, ощущая озноб и головокружение от пережитого шока. Меня снова изгнали, как раз тогда, когда я начала чувствовать, что защищена от подобных атак.

На улице, чтобы удержать равновесие, я прислонилась к стене. Должна же быть причина у всех этих тягостных событий. В сердце своем я возвала

к Небесному Отцу, и Он тут же ответил мне словом утешения: «Как дни твои, будет умножаться сила твоя. Разве не Я заповедал тебе?» Я не знала, что впереди меня ожидает моя обетованная земля и я прохожу подготовку, чтобы вступить в нее.

Свидетель

— *К* тебе пришел гость, — сказал господин Нилам утром 30 декабря.

Я с удивлением подняла глаза от книги. Это был господин Джилл, старейшина церкви при Христианском колледже Формана. Он принес мне приглашение и сразу перешел к делу.

— Преподобный Артур из методистской церкви при Христианском колледже Формана приглашает вас проповедовать во время новогодней службы. Можете проповедовать на любую тему. Что скажете?

Я ответила не сразу. Это был большой колледж. В церкви обязательно соберется много влиятельных людей. Смогу ли я стоять перед таким собранием и проповедовать? Я была близка к тому, чтобы отказаться, но вспомнила, что Бог сказал мне той памятной ночью: «Иди и проповедай Моим людям». Когда Бог исцелил меня, Он дал мне это поручение, но в то время я еще не была готова его выполнять. То сияющее видение освещало мой тяжелый путь и учило познавать Бога через Его Слово посредством веры. Было ли это неожиданное приглашение знаком того, что теперь я готова рассказывать Церкви о явленной мне великой благодати и милости?

К тому времени я знала, что если выбор правилен, то об этом говорят сразу несколько факторов: открытые двери, слово от Бога, внутренний мир и уверенность. Я посмотрела на гостя:

— Я приду. Как мне до вас добраться?

— Завтра вечером приезжайте в наш дом в Колонии Вадат. Мы с женой будем вам рады. Переночуете у нас, а потом мы вас проводим на новогоднюю службу. Мы живем недалеко от колледжа.

Камла Нилам одобрил такой план. Мы договорились, что господин Джилл зайдет за мной на следующий день и проводит к себе домой. Мне надо было собраться с мыслями и подготовиться к предстоящему испытанию.

На следующий вечер в гостиной господина Джилла на меня напал страх. Я размышляла о том, что я буду делать. Гордыня подняла голову: мне так хотелось произвести хорошее впечатление.

На коленях я, наконец, высказала вслух то, о чем думала: «Как я смогу говорить о Тебе? Уже почти четыре года прошло с тех пор, как я Тебя видела. Как мне описать Тебя?»

Звучало это довольно глупо. Чего я хотела? Повторения духовного переживания? Как только я озвучила свою мысль, то сразу поняла, насколько нелепо мое беспокойство. В Божьем присутствии я преклонила свой разум перед Ним и в тишине услышала тихий, спокойный голос: «Мой Дух будет с тобой». Меня наполнила радость. Такого обещания было достаточно.

Впервые в жизни я стояла перед таким количеством людей. Учителя, профессора, медсестры, доктора из близлежащего христианского госпиталя — все такие образованные и уверенные в себе. Я чувствовала сходящую на меня силу, когда свидетельствовала о моем исцелении и рассказывала

о Божьей благодати, явленной мне среди многих скорбей. Люди сидели в полной тишине и ловили каждое мое слово, не сводя глаз с моего лица.

Позже, когда я уже вышла из-за кафедры, люди подходили и говорили, что мои слова для них значили. «В этом была сила» — сказали несколько человек. «Мы не заметили, как прошло время» — говорили люди со слезами на глазах. Женщины, перед уходом сказали: «Ты многое вынесла в одиночку. Мы хотим поддержать тебя». Они дали мне свой адреса.

Мне передали часть пожертвований и доставили меня в дом господина Джилла на обед. Сквозь пелену изумления я думала о моих братьях. Как бы мне хотелось, чтобы они услышали об этом новом повороте в жизни их сестры, которую они осудили.

После того служения меня начали регулярно приглашать на женские собрания в церковь при Христианском колледже Формана. Это означало, что я могла больше не давать уроки детям господина Юсефа и заняться желанной работой — проповедовать евангелие. Все церкви в округе по очереди приглашали меня проповедовать и оплачивали мои расходы.

В апреле и мае я жила у друзей на Канал-Парке. В июне другая семья приютила меня в своем доме. У них я жила до дня свадьбы сына моей сестры.

Мы готовились к женскому летнему лагерю в Мюрри. Место для него находилось на высоте двух с половиной тысяч метров над уровнем моря в предгорьях Гималаев, в двух с половиной часах езды от Равалпинди. Это была горная стоянка времен

английского колониального господства в Индии. Теперь богатые люди ездили туда отдыхать и наслаждаться более прохладным климатом и горными пейзажами. Несколько вершин большую часть года были заснежены.

В Мюрри осуществлялась активная христианская деятельность. Там были языковая школа для миссионеров и христианская школа для детей. В отличие от всех школ, находящихся на уровне моря, эта школа работала летом и закрывалась на месяц зимой, когда глубокий снег делал непроходимыми опасные горные дороги. В Мюрри летом всегда было оживленно — различные христианские группы со всего Пакистана устраивали там лагеря и проводили конференции.

Женский лагерь в Мубарике, куда меня пригласили проповедовать, открывался в первых числах июня и работал в течение одной недели. Мне предстояло ехать в поезде в Равалпинди вместе с руководителем лагеря госпожой Хадаят. Нам надо было выехать в 4 часа утра в пятницу. Мне очень хотелось, впервые в жизни, проехаться в поезде.

Но в четверг утром, около 10 часов, я получила сообщение от сестры Самины. Она была в Саманабаде и готовилась к свадьбе сына, которая планировалась на субботу. Самина хотела, чтобы я была на этой свадьбе.

Сын Самины пришел в дом, в котором я гостила, и лично пригласил меня. Я ласково ему улыбнулась. Пока он был ребенком, мы почти не виделись с ним. Махмуд был гордостью семьи, и мне хотелось побывать на его свадьбе, но к тому были серьезные препятствия. Я сказала Махмуду:

— Пожалуйста, скажи своей маме, что я очень люблю ее и тебя, но приехать не могу. Ко мне будут относиться недоброжелательно из-за моих убеждений, и мое присутствие только испортит атмосферу праздника, а этот день ничто не должно омрачать. К тому же, в пятницу я собираюсь в горы на конференцию. Я прошу всех вас извинить меня и благодарю за ваше любезное приглашение.

Мой племянник укатил на своем мотоцикле, мрачный. Я продолжила подготовку. В 2 часа дня Махмуд вернулся. «Тетя, ты должна приехать. Мама говорит, что не позволит мне жениться, если тебя не будет на свадьбе. Я тоже хочу, чтобы ты приехала». У здорового взрослого парня в глазах были слезы.

Я приняла молниеносное решение:

— Могу пообещать тебе только, что пойду к господину и госпоже Хадаят и спрошу их мнение. Возможно, я побываю у вас на свадьбе и сразу уеду, чтобы успеть на автобус до Равалпинди, с которого пересяду на автобус до Мюрри в воскресенье утром.

Лицо Махмуда посветлело:

— Тетя, ты согласишься сесть на заднее сиденье мотоцикла? Я отвезу тебя к господину и госпоже Хадаят, — сказал он.

Вскоре соседи имели возможность наблюдать занятое зрелище: молодая женщина на заднем сиденье ревущего мотоцикла изо всех сил старалась вцепиться в рубашку юноши, сидевшего перед ней. Когда я рассказала супругам Хадаят о моей проблеме, они, не задумываясь, посоветовали мне принять приглашение:

— Это будет для них свидетельством, — сказали они. — Некоторые твои родственники не видели тебя с тех пор, как ты исцелилась.

Это была правда. В памяти я возвращалась к тому ужасному разговору с дядями. Я помнила их жестокие взгляды, лица, полные гнева к этой «бесстыжей девице», посмевавшей осквернить обычай семьи и законы ислама. Я стала другим человеком. Но изменились ли они? В этом я сомневалась. Тем не менее, мне мог представиться случай свидетельствовать о моей вере. К тому же я любила сестру и ее сына. Ради них я была готова поехать.

— Вы правы, — сказала я.

Когда этот вопрос разрешился, господин Хадаят посмотрел в своей записной книжке расписание автобусов. Оказалось, что автобус отходит от Бадами-Багх в Лахоре в полночь в воскресенье. Значит, в Равалпинди я прибуду как раз вовремя, чтобы успеть на автобус в Мюрри. Мое первое собрание начиналось в воскресенье днем, и я на него успевала. Племянник отвез меня домой на своей «ямахе». Он пообещал приехать на следующий день и отвезти меня на свадьбу.

Итак, на следующий день я взяла небольшой чемоданчик, и мой дорогой племянник доставил меня в Саманабад.

Свадьба, как я и предвидела, превратилась в катастрофу. Некоторые из старших членов семьи восприняли мое присутствие как прямое оскорбление. Всякий раз, когда я приближалась, они поворачивались ко мне спиной. Другие, в ком был силен дух *джихада*, начинали со мной спорить, так что у меня почти не было возможности пого-

ворить ни с Саминой, ни с Анис, с которой мы не виделись около года. Главным оружием атакующих был вопрос: «Почему ты веришь, что Иисус — Сын Бога?»

В чемоданчике у меня была Библия, но мне не пришлось ее доставать — нужные слова сами сходили с моих уст. В этих словах ощущалась сила. Я осознавала, что такая возможность вряд ли представится снова, и говорила с каждым, кто проявлял хоть малейший интерес. Спор разгорался, и у меня не было времени ни есть, ни пить. Моих главных противников — братьев — я не видела. Сафдар-Шах, когда услышал, что я еду на свадьбу, решил остаться дома. Алим-Шах был все время с гостями-мужчинами вне поля моего зрения.

Постепенно мои оппоненты разошлись с репликами типа: «Она ненормальная, оставьте ее» и «Она для нас никто, не разговаривайте с ней».

Тут я посмотрела на часы. Было 11 вечера. Я услышала голос: «Завтра тебе надо свидетельствовать в Мюрри, а ты до сих пор здесь». Я слегка запаниковала и поспешила в комнату сестры — спросить, не сможет ли кто отвезти меня на Бадами-Багх. Оказалось, что машина Самины использовалась другими гостями, Анис была занята с родственниками мужа, а остальные прямым текстом мне отказали: «Не хотим пачкать машину. Пусть Иисус тебя везет». Самина подошла и взяла меня за руку:

— Гюльшан, мне так жаль, что я не могу тебе помочь. Оставайся у нас на ночь, а утром мы отвезем тебя на автостанцию.

Благоразумная женщина не пошла бы на улицу

одна ночью. Это было опасно. Но мной овладело осознание крайней необходимости. Я получила приказ, и должна была найти выход. Не прощаясь, я тихонько выскользнула из освещенного дома, такого комфортабельного и безопасного, и оказалась на обочине дороги. Облака закрывали луну, дома и деревья создавали в темноте странные фигуры. Ветви большой шелковицы шелестели над головой. Я нервно вышла из ее тени.

— Господь, Ты освятил меня. Позаботься обо мне и помоги успеть на автобус. Я в Твоих руках, — молилась я.

К концу молитвы я расплакалась. Со всех сторон в темноте меня окружало Божье присутствие, и я чувствовала себя в безопасности. Я услышала приближающийся звук мотоцикла и почти сразу же увидела свет фар, рисующий силуэты на черной завесе ночи. Мотоцикл двигался ко мне, подпрыгивая на неровностях дорожного покрытия. Я увидела, что это был рикша. Возможно, он отвозил на свадьбу опоздавшего гостя, а может, возвращался домой после работы. Молясь, чтобы мужчина остановился, я помахала ему. Рикша затормозил.

— Отвезите меня на Бадами-Багх как можно скорее. Мне надо успеть на автобус в Равалпинди.

Я не видела его лица, у рикши на голове был капюшон. Рикша кивнул. Я подсела к нему, отгоняя мысли, что он может оказаться злодеем и воспользоваться моей ситуацией. Мы поехали. Звук мотора разбудил эхо. Улицы мелькали одна за другой. Когда мы свернули к Бадами-Багх, по моим часам получалось, что мы проехали 25 километров за

пять минут. Рикша, не говоря ни слова, взял мой чемоданчик и понес его к площадке, с которой отправлялся автобус компании «Ватан Транспорт» на Равалпинди. Он шел впереди меня — хорошо сложенный, одетый в странный длинный балахон серо-коричневого цвета. Я подумала, что он, наверное, *пуштун*. Он поставил мой чемоданчик под сидение в передней части автобуса и собрался уходить, не ожидая оплаты.

— Сколько я вам должна? — остановила я его.

Он слегка обернулся и ответил:

— Бог послал меня помочь тебе. Езжай с миром.

Он поднял рукав балахона, и на его мускулистой руке я увидела слово, написанное светящимися буквами: «Патрус» — Петр. Я пыталась разглядеть его лицо, но увидела только искрящиеся глаза.

Слезы наполнили мои глаза, мне пришлось утирать их. Когда я посмотрела снова, он уже исчез, не взяв с меня денег. Мне хотелось выяснить, не приснился ли мне весь этот эпизод. Я оглядела автостанцию. Там было много народу, люди предпочитали путешествовать ночью, когда не так жарко. Я видела только пассажиров, разминавшихся перед дальней поездкой.

Я заняла место в мягком кресле. Я была единственной в автобусе женщиной, путешествовавшей в одиночестве, без *бурки* и самостоятельно расплатившейся с кондуктором. На половине пути автобус сделал остановку в Джелуме, а потом ненадолго остановился в Гужархане. Мы поднимались в предгорья Гималаев, становилось прохладно. В 4.45 мы приехали в Равалпинди и протолкались

сквозь скопление людей, тощих коров, коз, машин, рикшей, грузовиков, велосипедов и тележек к автобусной остановке на Раджа-Базаре. Солнце к тому времени уже окрасило восток золотыми лучами.

Автобус до Мюрри был поменьше, а поездка была медленной и опасной. Мы двигались по извилистой горной дороге, на которой встречный транспорт едва мог разъехаться. Было то время года, когда многие ездили этой дорогой — на равнинах стоял нестерпимый зной. Кресла в автобусе были расположены так, что я сидела спиной к окну, и край пропасти не был мне виден.

В 11 часов утра мы подъехали к Мюрри. Я вышла у почты, на склоне ниже города. Я отдала чемоданчик кули, и он проводил меня до лагеря Мубарик. Когда мы приближались к лагерю, нас увидел стражник. Он подошел поприветствовать меня и взял у кули мой чемоданчик.

Неделя в женском лагере прошла замечательно. Там были тридцать женщин из Пешавара, Силкота, Карачи, Фейсалабада (раньше называвшегося Лиаллпур) и Хайдарабада. Бог коснулся Своей исцеляющей рукой самых болезненных сторон жизни женщин.

Мы спали в двухэтажном здании. Моей соседкой по комнате была Руфь из Абботабада. Распорядок дня включал утренние и вечерние занятия и время для приема пищи. Остальные часы оставались свободными, но я была все время занята общением с женщинами — они рассказывали мне о том, что их тяготило. Учительница из государственной школы в Лахоре рассказала, как трудно ей

свидетельствовать мусульманам. Мы помолились вместе и поговорили о страхе, который порабощает человека в подобной ситуации. Я напомнила ей обещание Христа: «Я не оставлю и не покину вас». Когда настало время прощаться, она сказала радостно: «Ты дала мне новую надежду. Я готова к любым испытаниям».

Когда женщины уехали, из Пешавара прибыла группа молодежи. Преподобный Сайед, руководитель базы, где размещался лагерь, попросил меня остаться и побеседовать с ними. Ко мне пришел молодой человек и рассказал, что он работает среди мусульман и стесняется свидетельствовать им об Иисусе. Я показала ему фрагмент Евангелия от Матфея — 10:31-33 и помолилась за него. На четвертый день он пришел снова и сказал, что теперь обрел смелость: «Страха больше нет».

Я уехала из лагеря и поселилась в Равалпинди, в семье Юнис. С сестрой Юнис мы встретились в Мубарике, и у нас сложились дружественные отношения.

— Когда уедешь отсюда, приезжай к нам, — сказала она мне.

Так я и сделала.

С этих лагерей началось мое настоящее служение. Я проповедовала на конференциях и рассказывала, каким путем вел меня Бог. В тот первый год, в начале июля, меня снова пригласили в Мубарик. Там я оказалась за одной кафедрой с людьми, чьи имена были широко известны в христианском мире. Они приняли меня и признали, что служение дано мне Богом. Всякий раз после проповеди на меня обрушивался поток приглашений.

Люди хотели услышать то, о чем я говорила. Они признавались, что мои слова воодушевляют их, и говорили, что моя проповедь очень своевременна.

Для роста служения открывались новые возможности, но все это время я крепко держалась за Иисуса. По опыту я знала, что за благословением обязательно последует атака. И даже зная об этом, я не смогла угадать, с какой стороны она придет на этот раз.

Заключение

*И*з Равалпинди я объехала весь Пакистан: выступала в церквях, на конференциях, беседовала с людьми, имевшими духовные и физические нужды. В октябре 1977 года я поехала в Лахор. Туда меня пригласили брат и сестра во Христе из методистской церкви на Канал-Парк. Они написали мне, что их сын заболел. «Пожалуйста, приезжай и помолись за него», — писал брат Джеймс. Я начала молиться еще в пути.

Когда я к ним приехала, сына перевезли домой из христианской больницы «Юнайтед». Ему стало лучше, но он был еще очень слаб. Супруги Джеймс попросили, чтобы я погостила у них. У Джеймсов было пять сыновей и пять дочерей. Им хотелось, чтобы я помогла им наставить детей в вере. Мы договорились, что я останусь, но, когда возникнет необходимость, продолжу свои поездки по Пакистану.

Все эти годы я жила верой. Господь восполнял мои нужды так, что люди думали, будто меня поддерживает какая-нибудь заграничная миссия. Я пыталась объяснить им, что когда мы всецело доверяемся Богу, то получаем в наше распоряжение богатство небес. Я отдала Богу все — семью, дом, землю, деньги, репутацию — и доверилась Ему во всех своих нуждах.

Я была в Равалпинди, когда закончилась последняя глава земной жизни Анис-Биби. Моя сестра, под давлением семьи вынужденная оставаться

ся тайной христианкой, умерла 14 марта 1977 года. Когда она умирала, я была рядом и утешала ее. Я знаю, что она вложила свою руку в руку того Мужчины в короне, наверху лестницы, и позволила ему отвести ее в присутствие Бога. После этого две дочери Анис-Биби, 15 и 16 лет, поселились у дяди. Их отец не захотел, чтобы они оставались с ним. Несколько месяцев спустя я получила от девочек известие. Они спрашивали, не возьму ли я их к себе. В том доме они не были счастливы. В октябре я взяла моих племянниц на попечение. Они переехали ко мне — в дом брата Джеймса. Под одной крышей собралось слишком много женщин, и тогда я начала молиться о доме, где я могла бы жить своей жизнью и не быть обязанной никому, кроме Бога. Я поместила девочек в монастырскую школу — мне не хотелось оставлять их в чужом доме на время моих поездок. Школой управляли несколько добрых сестер, так что девочки оказались в хорошей атмосфере.

Бог вложил в сердца моих друзей в Карачи желание изменить мое бездомное положение. Они поняли, что настало время обзавестись мне своим домом, а не жить постоянно у разных людей. Друзья собрали деньги, я добавила к этой сумме свои небольшие сбережения, и этого как раз хватило на маленький дом. Как замечательно, когда у тебя есть свое место, куда можно вернуться после череды евангельских собраний и утомительных поездок!

Когда я поселилась в своем доме летом 1978, мои племянницы переехали ко мне. Но все пошло как-то не так. Меня привлекли к суду по ложным

обвинениям. Я рассказала судье, что была парализована, и Иисус исцелил меня. Судья спросил, могут ли члены моей семьи подтвердить это. В интересах правосудия мой родственник явился в суд, подтвердил историю моего исцеления и характеризовал меня с хорошей стороны. Дело прекратили.

Мои племянницы уехали, но Бог дал мне замечательных приемных детей: двух дочерей и сына. Их дедушка тоже поселился с нами. Я больше не была одинока.

Два месяца спустя я была в Карачи у подруги, в Колонии Ахтар, неподалеку от методистской церкви. Молодая медсестра Патриция попросила меня навестить ее сестру Фреду, работавшую медсестрой в больнице в Джинне. Патриция предпологала, что Фреда одержима нечистым духом. Она сказала: «Моя сестра больна. Она кричит. Когда к ней приходит злой дух, она бросается на людей». Я согласилась навестить Фреду, и мы поехали в больницу на рикше. День был очень жаркий. Из-за близости океана влажность была очень высокой, и в комнате молодой медсестры атмосфера была вязкой и угнетенной — не только из-за жары. Фреда стояла с опущенной головой, молодая и застенчивая. Вместо больничной униформы она была одета в *шальвар-камиз* и *дупатту*. Время от времени она поднимала глаза и смотрела на меня ничего не выражающим, но пристальным взглядом.

Патриция мягко обратилась к сестре:

— *Баджи*, это сестра Гюльшан. Она пришла помолиться за тебя.

Девушка никак не отреагировала. Она некоторое время стояла неподвижно, потом извинилась, вышла из комнаты и направилась в туалет, расположенный в конце коридора. Она отсутствовала минут пятнадцать, когда Патриция сказала:

— Что-то ее долго нет. Пойду, приведу ее.

Вскоре она вернулась, таща за руку упиравшуюся Фреду. Фреда села на коврик. Я сидела в кресле и попросила, чтобы она пересела поближе ко мне. Затем я положила руку ей на голову, открыла в Библии Псалом 90 и начала читать:

«Живущий под кровом Всевышнего под сенью Всемогущего покоится,

говорит Господу: “Прибежище мое и защита моя, Бог мой, на Которого я уповаю!”

Он избавит тебя от сети ловца, от губительной язвы,

перьями Своими осенит тебя, и под крыльями Его будешь безопасен; щит и ограждение — истина Его».

Девушка закрыла глаза. Держа руку у нее на голове, я произнесла:

— Приказываю тебе во имя Господа Иисуса выйти из нее.

Девушка сильно затряслась всем телом и закричала:

— Отпустите, я горю!

Я сказала:

— Тебе лучше сгореть, чем оказаться в адском огне.

Потом заговорил бес. Его голос отличался от высокого голоса девушки:

— Я уйду. Отпустите меня. Я не вернусь.

Демон ушел, и девушка рухнула на пол. Она спокойно лежала, ее тело расслабилось. Через десять минут Патриция помогла ей подняться. Фреда открыла глаза и попросила воды. Когда она попила, я позвала ее подойти и сесть рядом. В этот раз она положила голову мне на колени и сказала:

— Пожалуйста, помолись за меня еще. Мне намного легче.

Я предложила ей повторить молитву за мной: «Благодарю Тебя, Бог, за мое освобождение. Я посвящаю свою жизнь Тебе. Прими меня и используй для Своих целей. Дай мне сил следовать за Тобой и оставаться верной».

В семь часов вечера в комнату пришли другие медсестры. Они узнали, что произошло, и начали рассказывать о своих проблемах и просить меня помолиться за них. Одной предстоял экзамен, которого она боялась. У другой были проблемы на работе. У третьей болели родители. В той же комнате мы пообедали и попили чаю. Впечатления этого дня были такими яркими, что хорошо сохранились в моей памяти — даже вкус еды, которой нас угощали: турнепса, говяжьих котлет, чупатти и бананов.

Настало время уезжать. Мы с Патрицией на рикше доехали до Колонии Ахтар. Там я остановилась у другой моей подруги. У меня сохранилась фотография сестер — Патриции и Фреды. Они такие красивые. Теперь они свидетельствуют об Иисусе в той больнице.

Господь использовал меня в ситуациях, когда люди нуждались в примирении и исцелении взаимоотношений. Поскольку сама часто сталкива-

лась с непониманием, я хорошо знала, какой пожар может разгореться от одного недоброго слова или злонамеренной мысли.

Я не получаю поддержки от какой-либо церкви, и со всеми нуждами мы обращаемся прямо к Господу. Иногда мы просыпаемся утром, а в доме совсем нечего есть. И в такой день мы надеемся на Господа и видим, как Он восполняет нашу нужду. Бывают дни, когда мы все решаем, что будем поститься. Иногда это продиктовано необходимостью. Мы приближаемся к Богу. Он — наш Отец. Он знает, что для нас лучше, но иногда посылает нам времена испытаний.

В моей бедности я служу другим бедным. Они преодолевают пешком многие километры, не имея денег, чтобы возвратиться домой на автобусе. Мы делимся с ними своими скудными запасами. Они обращаются за духовной помощью, но разве можем мы их отпускать, не восполнив материальных нужд? «Даром получили, даром давайте».

Меня позвали к тяжело больному человеку, приехавшему из Англии. Он страдал от кисты и амебной дизентерии. Был январь 1981 года. Я помолилась и возложила на него руки. Он выздоровел. В результате я побывала в Англии и Канаде и проповедовала там выходцам из Азии и англичанам. Когда тетя впервые узнала о моем чудесном исцелении, она более всего боялась, что я поеду в Англию. И вот я в Англии, мысленно прохожу весь тот путь, которым вел меня мой Небесный Отец с первого дня, когда я доверилась Ему.

Паломничество, которое совершил сомной отец, стало для меня началом пути к познанию Бога.

Оно возбудило надежду, обманутую в Мекке, но направлявшую меня после смерти отца в отчаянном стремлении к Богу. Я протянула руки к Иисусу — целителю, почти ничего не зная о Нем, лишь прочитав немного в Коране. И Он исцелил меня.

Сегодня я — свидетель Божьей силы для тех, кто еще живет за завесой ислама. Эту завесу нужно разорвать, чтобы они увидели Иисуса, услышали Его и полюбили. Теперь мне не нужны *пять столпов* ислама, чтобы поддерживать в себе веру. Мое свидетельство — об Иисусе распятом, погребенном, воскресшем и живущем ныне в Его народе. Мой намаз обращен не к непознаваемому Богу, но к тому, чью историю можно прочесть в Его Слове, Святой Библии — драгоценности, которую я храню в уме и сердце, как когда-то хранила Коран.

Мой *закят* — более не часть моего имущества. Все, что у меня есть, принадлежит Богу. Мои богатства — на небесах. Я не пощусь в *Рамадан*, чтобы умиротворить Бога и обеспечить себе вход в рай. Я пощусь с радостью оттого, что могу познать Бога ближе. Мой *хадж* — мой жизненный путь. Каждый день приближает меня к цели — к Иисусу, моему Небесному Царю.

Кровь тельцов, овец и козлов не способна уничтожить грех, но мы можем войти во святилище путем новым и живым, который Иисус открыл нам через завесу, то есть плоть Свою. Он, принеся одну жертву за грехи, навсегда воссел по правую руку Бога (Евреям 10:12). Это — мой Иисус, Божий Агнец, пророк и священник, Царь царей, Господь мой и Бог мой.

Примечания

- ¹ Мохаммед Икбал (1873 или 1877–1938) – индийский поэт и философ. Писал на урду и персидском.
– Здесь и далее прим. пер.
- ² Пурда – ширма или завеса, отделяющая женскую часть помещения от мужской, а также мусульманская система изоляции женщин.
- ³ Бейти – дочка.
- ⁴ Нет Бога кроме Аллаха и Мохаммед – пророк Его.
- ⁵ Пир – духовный наставник, покровитель, святой.
- ⁶ Хадис – предание, основанное на случае из жизни или каком-либо изречении Мохаммеда или его сподвижников.
- ⁷ Суфизм – мистическое течение в исламе.
- ⁸ Государство Пакистан образовано в 1947 г. в результате раздела по религиозному признаку бывшей британской колонии Индии на два государства – Индию и Пакистан.
- ⁹ См. также Деян. 16:25.

Вера и жизнь

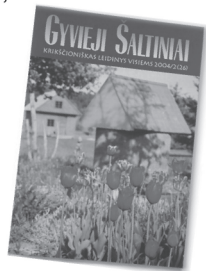
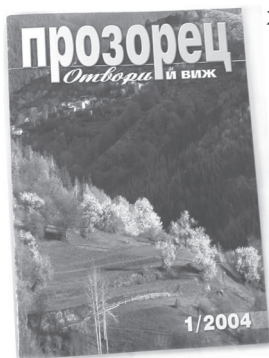
Христианский журнал «Вера и жизнь» издается уже 30 лет. Это немалый срок для периодического издания. Он духовно поддерживал верующих в Советском Союзе в то время, когда быть христианином было небезопасно. Среди его благодарных читателей были не только наши отцы и матери, но и дедушки с бабушками.

У истоков журнала стоит известный христианский поэт и писатель Николай Александрович Водневский.

Весь материал журнала готовился Николаем Александровичем у него дома. Он все делал сам: собирал материал, печатал его на машинке, редактировал, иллюстрировал, макетировал и отправлял в Германию по почте. Миссия «Свет на Востоке» его печатала и вместе с другой христианской литературой на машинах переправляла в Советский Союз. Конечно, переправка велась нелегально – через Польшу, Финляндию, Югославию и другие страны Восточной Европы.

Со дня выхода в свет первого номера журнала «Вера и жизнь» прошло тридцать лет. Конечно, журнал изменился. Другим стал и стиль подачи материала, и оформление. Теперь никто не вырезает заголовки из газет, все делается на компьютере. Увеличился авторский коллектив. Тираж журнала вырос почти в пятнадцать раз – с семи до ста десяти тысяч экземпляров.

Его читают в 63 странах мира. С 1998 года он издается и на литовском языке под названием «Источник жизни» и с 2002 года – на болгарском под названием «Прозорец».

Журнал «Вера и жизнь» рассматривает христианство как жизнь с Богом, а не как древнюю экзотическую религию или свод правил и догматов веры, далеких от реальности.

«Вера и жизнь» – это размышления о смысле жизни, о значимости человеческой личности, о проблемах современности и о непреходящих духовных ценностях.

«Вера и жизнь» – это не монолог журналистов. Это живая беседа читателей между собой. Это разговор верующих и ищущих, служителей церкви и прихожан.

Если вы ищете опору в жизни и нуждаетесь в теплом человеческом общении, если вы хотите разобраться в христианской вере и получить ответы на сложные жизненные вопросы, тогда «Вера и жизнь» – ваш журнал.

Издается с 1974 года.

Выходит 6 раз в году.

Тираж 110 000 экз.

Распространяется по подписке.

Бесплатный.

Существует на добровольные пожертвования.

По вопросам подписки обращайтесь по адресам представительств миссии «Свет на Востоке»

